Бамбуковая колыбель

Авраам Шварцбаум

SHOUT
SHARE
IT

-
- В знак благодарности
- Предисловие Дворы
- Введение
- Часть первая. РАССВЕТ
- Пролог
- Глава 1. Почему же ее подбросили?
- Глава 2. Взять ребенка с собой...
- Глава 3. Девочку не будут звать Нефритовый Лед!
- Глава 4. Вэнь Ю-Бинг родилась 6 мая 1972 года в Тайпее, на Тайване, в Китайской республике...
- Глава 5. Центральный суд и государственный приют
- Глава 6. Удочерение Хсин-Мей
- Глава 7. Ввезти ребенка в Соединенные Штаты непросто!
- Часть вторая. ЗАРНИЦА
- Глава 1. Через Аляску домой и в Новый дом...
- Глава 2. Рош-а-Шана
- Глава 3. Ортодоксальный раввин из общины Шаарей Эмет
- Глава 4. Консервативный раввин из синагоги Бней Эмет, духовный наставник прогрессивной общины Ор Эмет
- Глава 5. Гиюр по Галахе
- Глава 6. Еврейская семейная служба
- Глава 7. Занятия китайским языком
- Глава 8. Университетский клуб Бейт-Гиллель
- Глава 9. Система еврейских законов
- Глава 10. Первенец Довик
- Часть третья. ВОСХОД
- Глава 1. Носить кипу
- Глава 2. Возвращение на Тайвань
- Глава 3. Еврейский центр в Тайпее
- Глава 4. Сукот: построить суку
- Глава 5. Галилея
- Глава 6. Царица суббота
- Глава 7. Визит в Гонконг
- Глава 8. Евреи не едят свинину
- Глава 9. Поезд в Каошунг
- Глава 10. Китайское письмо
- Глава 11. Философия Конфуция
- Часть четвертая. ЗАРЯ
- Глава 1. Кипа - это символ или Чокнутый Кипоноситель
- Глава 2. Еврейская школа
- Глава 3. Флорида и местная еврейская община
- Глава 4. Соседи-христиане

- Глава 5. Сфира и хор
- Глава 6. Статья про брак с нееврем
- Часть 5. УТРО
- Глава 1. Иерусалимский квартал Шмуэль а-Нави. Ешива Ор Самеах
- Глава 2. Двора - белая ворона. Остаться в Израиле
- Глава 3. Песах в Балтиморе в Талмуд Тора «Шаарей а-Плейта»
- Глава 4. Бат-мицва
- Эпилог
- Послесловие Рахели
- Дневник Дворы
- Словарь

Авраам Шварцбаум

Бамбуковая колыбель

Авраам Шварцбаум
Бамбуковая Колыбель
История еврейского отца
Бамбуковая Колыбель

В знак благодарности

НЕДАВНО Я ПОБЫВАЛ на *бар-мицве* сына наших близких друзей, доктора Ларри Кларистенфельда и его жены. На *сеудат мицве* — праздничной трапезе — выступил рабби Авраам Гуревич *шлита* — глава *ешивы «Нер Моше»*. Он напомнил о заповеди, обязывающей каждого из нас иметь свой личный свиток Торы.

Человек, написавший для себя такой свиток собственной рукой, «будет достоин высокой похвалы».

В *Гемаре* (трактат *Сатедрин* 216) Раба говорит: «Даже если родители оставили человеку в наследство свиток Закона, он обязан, тем не менее, списать с него свою личную копию.» Поскольку Книгу запрещено переписывать по памяти, для такого копирования необходимо всегда иметь под рукой другой свиток или факсимиле — в качестве образца.

«Вот так и каждый человек, — продолжал рабби Гуревич, — с детства обязан создавать для себя свою личную Книгу, свою собственную “Книгу жизни”, — но насколько счастливее жребий того, кто, подобно нашему сегодняшнему имениннику, имеет перед глазами образец родительского текста — пример жизни согласно Торе, исполнения *мицвот,* — с которым он может сверять, с которого он может копировать свою личную жизнь.»

Слушая рабби Гуревича, я думал о том, как точно его слова характеризуют семью Кларистенфельдов. Но одновременно я думал и о тех многочисленных людях, подобных мне или моей жене, которые выросли в семьях, не следовавших традиции.

У них не было «текста, с которого можно было бы копировать свою жизнь», но и они, по милости Всевышнего, со временем нашли свой путь к жизни по Торе.

Что можно сказать об их родителях? Я вспомнил, как часто мне приходилось становиться свидетелем отчуждения, возникавшего между такими родителями и их недавно вернувшимися к Торе детьми. Как это печально, как ненужно…

Ко всякому свитку Торы прилагаются специальные деревянные палочки, их называют *эцей хаим* («древки жизни»), которые поддерживают пергамент по мере его развертывания по ходу годичного цикла еженедельных чтений.

Нам с женой выпало счастье вырасти в семьях, где дети всегда могли получить от родителей то поощрение, помощь и полные любви наставления, которые дают силу и уверенность, необходимые, чтобы начать свою собственную «Книгу». Пусть свиток, полученный нами от наших родителей, и не был полон —

но мы, бесспорно, ощущали постоянную поддержку наших *эцей хаим*. Ни эта книга, ни то, что в ней рассказано, не имели бы места, просто не существовали бы, если бы не самоотверженная поддержка, оказанная нам родителями моей жены, Френсис и Максом Шапиро, моей матерью Мириам Баумель Шварцбаум и моим отцом Давидом Шварцбаумом, благословенна его память. Постоянная поддержка и поощрение со стороны наших братьев — Ирвина Шварцбаума и его жены Сион, Роберта Шапиро и его жены Нэнси — также вызывают у нас чувство глубокой признательности.

Соизволением Всевышнего нам была дана возможность неоднократно сталкиваться с людьми, глубоко укорененными в жизни по Торе, которые щедро делились с нами отдельными фразами, абзацами и даже целыми страницами из свитка их собственной жизни. Без этих образцов, этих наставлений и этих вдохновляющих примеров мы бы вряд ли вообще осмелились взяться за составление нашего собственного скромного текста.

Мы хотели бы выразить искреннюю и глубокую благодарность Чарльзу Шрайберу и его супруге, благословенна их память, рабби Шмуэлю Фридлеру с супругой, рабби Давиду Краузе с супругой, рабби Эдварду Абрамсону с супругой, рабби Элимелеху Бриску с супругой, рабби Эдварду Дэ-вису с супругой, рабби Янкелю Кацу с супругой, рабби Кал-ману Розенбауму с супругой, рабби Шалому Голду, рабби Эли Рубину, Моше Спайзеру, Ирлу Тунику, Мордехаю Рабиновичу и рабби Арье Бецалелю, руководителю школы *Ноам*.

Особо следует упомянуть имя рабби Носсона Гейслера, который был моим опытным проводником и наставником в ходе наших ежедневных уроков Талмуда, по-настоящему открывших передо мной мир Торы.

Хеврута — это больше, чем друг, пожалуй, больше, чем учитель. Это слово обозначает привязанность и связь, которые преображают и возвышают человеческие отношения. Какое счастье иметь сразу трех таких *хеврутот!* [*Хеврута* (ивр.) — напарник, коллега по изучению Талмуда] Моя сердечная благодарность Гершону Дэвису, рабби Иегошуа Фрейлиху и доктору Ларри Кларистенфельду.

Перенося свиток Торы с места на место, мы должны держать его как можно ближе к сердцу, всячески избегая опасности проявить даже тень неуважения к Книге. Я несу в своем сердце уважение и глубокую благодарность всем упомянутым выше людям. Все недостатки или ошибки этой книги проистекают из моей собственной неумелости. Да не умалят, не обидят, не оскорбят они других людей.

Эта история начинается в весьма отдаленных местах, в той части Китая, откуда начался наш собственный долгий духовный путь. Как сказано у пророка: «Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим». (*Йешаия*, 49:12)

Все наши китайские и тайваньские друзья всегда будут жить в наших сердцах, но о некоторых из них следует сказать особо. Чинь-Лан Цзы и Эли Хаан с их семьями проявили по отношению к нам исключительную доброту и тепло, за которые мы будем им благодарны навеки. Тойо Чоу и Цао Чэн Ван-Суй за долгие годы знакомства стали нам почти родными. При всем несходстве наших культур, мы оказались способными делить с ними радости и печали и, в результате, сблизиться друг с другом.

Неожиданным подарком судьбы оказалось то, что в ходе подготовки этой книги мы познакомились с Яаковом Фельдхаймом и штатом его издательства «Фельдхайм паблишерз», в особенности с рабби Бен-Ционом Собелем, Пешем Фишером и Харви Клинерманом. Помощь Мэрси Табак была совершенно бесценной. Ее профессионализм и компетентность существенно сказались на качестве этого издания.

Самая глубокая моя благодарность принадлежит моей жене Рахель, которая в значительной степени ответственна за появление этой книги. В ее чуткости, понимании и постоянной поддержке я почерпнул стимул и силы, необходимые для осуществления этого и многих других начинаний.

И, наконец, я должен поблагодарить мою дочь Двору, которая была причиной и движущей силой всех событий, изложенных на последующих страницах. Да удостоит ее Всевышний счастья создать семью, которая посвятила бы свою жизнь изучению Торы и исполнению *мицвот!*

Предисловие Дворы

СКАЗАТЬ ПО ПРАВДЕ, я никогда раньше не писала предисловий! Но ведь все в жизни когда-то делаешь в первый раз — вот и это тоже.

Поначалу, когда отец заговорил о своем намерении написать книгу про всех нас и спросил меня, что я об этом думаю, я ответила: «Ни за что!» Сказать по правде, мне вовсе не улыбалось, чтобы весь мир знал обо мне, и совсем уж неприятно было думать, что каждый, кому только угодно, сможет заглянуть в мой дневник и в мою личную жизнь.

Но когда отец объяснил мне, что он хочет написать эту книгу, чтобы укрепить в людях веру, дать им ощущение уверенности и, может быть, хоть немного приблизить их к еврейству, показав, как велик Всевышний, и как Он помогает нам, идя Своими скрытыми, неисповедимыми путями, я подумала про себя — «Послушай, но это же чистейший эгоизм возражать против такой книги только по своим личным, ничтожным причинам.»

Как только я поняла замысел отца, я тотчас с ним согласилась. И вот эта книга перед вами!

Последняя ее часть действительно написана мной, и все, что там написано, абсолютная правда.

Быть китаянкой в любой стране, кроме Китая, разумеется, трудное дело, а уж в Израиле особенно, но я открыла, что в этом есть и своя забавная сторона!

Я только хотела бы добавить, что хотя я по рождению китаянка, чувствую я себя на сто процентов еврейкой, если вы понимаете, что я этим хочу сказать.

В своей речи на *бат-мицве я* уже сказала однажды, что мне, в сущности, вовсе не пришлось решать, кем быть, потому что я всегда ощущала, будто всю свою жизнь была еврейкой. Я просто не могу припомнить, когда я ею не была! Все мои друзья считают меня «одной из наших» и, как сказала моя подруга Эппи, даже забывают порой, что я немного китаянка!

Я хотела бы поблагодарить нескольких очень близких и дорогих мне людей, потому что именно они помогли мне стать тем, кем я сегодня стала. Список получился длинный, но если бы я вздумала поблагодарить всех, кто мне вообще когда-либо помогал, этот список оказался бы длиннее самой книги!

Прежде всего, громадное спасибо всем моим большим друзьям — Юдит Ланцицки, которая и после переезда в Мон-си осталась очень близким и дорогим мне заморским другом;

Нуми Силвер, которая всегда помогала мне в трудные минуты и продолжает помогать, даже переехав в Гэйтсхэд; Мириам Гейслер, которая всегда оказывалась рядом, когда мне нужно было выплакаться или чем-нибудь поделиться; и последней по счету, но не по важности — моей лучшей подруге Эппи Толедано-Ласри, которая прошла со мной огонь и воду и всегда была мне скорее сестрой, чем просто другом. Спасибо ей за все это — и за все вообще! Громадное *Мазаль Тов* на ее свадьбу и куча *Гацлахот* ей и Джемми. Спасибо всем, кто всегда держал мою сторону!

Затем, я хотела бы поблагодарить Дани Каца — за то, что он был мне как «старший брат», за то, что он выслушивал

меня и решал все мои проблемы, и еще за то, что он вселял в меня столь необходимую мне уверенность!

И еще я хочу сказать огромное-преогромное спасибо всей семье Фридманов — Мойше, Хенни, Зеви, Рухи, Малке, Ми-риам. Пинки и Переле — дом которых стал мне «родным на чужбине».

С каждым прошедшим годом моя дружба с моими бабушками и дедушкой становится все теснее и теснее, и я надеюсь, что так будет и дальше. И хотя нас разделяют семь десятилетий и тысячи миль, я чувствую мою «Бубби» Шварцбаум такой близкой, как будто нас ничто не разделяет. Я надеюсь подарить много *нахес* моим двум замечательным бабушкам и моему замечательному дедушке.

Моя особая благодарность *ребецин* Рухаме Шайн за трогательные слова наставления и поддержки.

А самое большое мое спасибо, конечно, маме и папе и Дови, Давиду, Шмулику и Юди — за то, что они такая замечательная, самая лучшая в мире семья! Спасибо вам, мама и папа, за то, что вы всегда наставляли меня на правильный путь, всегда проявляли чуткость и понимание и всегда вовремя приходили со словами утешения. Я надеюсь, что с помощью Всевышнего я вырасту такой, какой вы бы хотели меня видеть.

И здесь уместно, наконец, поблагодарить самого Всевышнего за то, что Он дал мне таких замечательных родителей, и попросить Его, чтобы, с Его соизволения, эта книга сделала свое дело, помогла сблизить весь Народ Израиля и этим способствовала приходу Мессии вскоре, в наши дни — *амен!*

Введение

ЛЮДИ, ЗНАКОМЫЕ с нашей необычной историей, часто спрашивали меня: «Почему бы Вам не написать об этом книгу?» Столкнувшись с этим вопросом не раз и не два, я начал всерьез задумываться, не поделиться ли мне нашими необычными переживаниями с более широкой аудиторией. Я начал с того, что стал записывать отдельные воспоминания, и, к своему изумлению, обнаружил, что я способен чуть ли не дословно восстановить беседу, которая происходила много лет назад. Смутно припоминаемые события внезапно приобрели четкие очертания, и не успел я опомниться, как передо мной уже лежала готовая рукопись. Но теперь уже люди задают мне прямо противоположные вопросы. Например: «Зачем Вы вообще написали эту книгу?»

На то есть несколько причин.

Сегодня все больше и больше еврейских семей всерьез подумывают об усыновлении или удочерении ребенка — либо как об альтернативе своей бездетности, либо как об акте бескорыстной помощи попавшему в беду ребенку. Я надеюсь, что моя книга придаст этим людям больше уверенности, если они вообще испытывают какие-нибудь колебания в этом святом и важном деле. В то же время я надеюсь, что она даст им представление о некоторых *галахических* вопросах, связанных с отношениями между еврейскими родителями и их приемным ребенком, не говоря уже о бесчисленных благих последствиях такого шага.

Я датирую свое формальное вступление в мир соблюдения еврейских традиций 12-м числом месяца ияра 5736-го (1976 по европейскому летосчислению) года. В этот день, пройдя погружение в *микву*, наша приемная дочь-китаянка стала дочерью Народа Израиля.

События, предшествовавшие этому дню, и те, что последовали за ними, как раз и составляют содержание этой книги. Поскольку к тому дню я был уже взрослым тридцатишестилетним человеком, естественно заключить, что я попадаю в категорию тех евреев, которых называют *хозрим бе-тшува*. Это название вызывает сложный комплекс ассоциаций, и, в каком-то смысле, моя книга, вероятно, является также автобиографическим анализом внутренней динамики «человека, вернувшегося к вере».

Конечно, каждый представитель этой группы проходит свой

уникальный путь, но я убежден, что какая-то часть описанного мною жизненного опыта является нашим общим достоянием. Я думаю, в частности, что то чувство разочарования и гнева, которое я испытал, вначале — при столкновении с секулярной еврейской общиной, а позднее — познакомившись с некоторыми особенностями ортодоксального истеблишмента, не раз охватывало и других, мне подобных. Я пытался быть предельно честным, питая искреннюю надежду, что мои читатели придут к тем же выводам, к которым в свое время пришел и я, а именно — что эти чувства, — гнева и разочарования — хоть и вполне объяснимые, не идут на пользу ни самому человеку, ни Народу Израиля в целом.

Написано, что после того, как Адам и Хава вкусили от *Древа Познания*, «открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги». *(Берешит,* — «Бытие» — 3:7) После того, как я вкусил от плодов Торы, мои глаза тоже открылись как бы в первый раз. Все, что я видел прежде, казалось теперь иным, и я осознал, что я наг. Я осознал, что мои подлинно еврейские познания ничтожны. Мой разум бесплоден.

Эта неукорененность в истинной мудрости Торы породила во мне ощущение неуверенности и время от времени толкала меня на неуместные или грубые высказывания и поступки.

Когда свет Торы открылся мне впервые, все на некоторое время поплыло у меня перед глазами; сама еврейская община вдруг представилась мне нагой. Я увидел, что некоторые представители религиозного истеблишмента ведут образ жизни, не соответствующий моим новообретенным религиозным идеалам, и мое новое, обостренное зрение обнажало это несоответствие. Мой гнев был особенно резким, потому что разочарование было болезненно острым. Сегодня я понимаю, что во многих случаях я проявлял недостаточное уважение даже к тем, кто явно был более меня сведущ в мудрости *Галахи*.

Со временем я понял, что правильно поступает тот, кто, осознав личные и общинные отступления от идеала, не бичует в гневе и раздражении всех других, а предъявляет требования прежде всего к самому себе, стремится искоренить в первую очередь свои собственные недостатки и лишь затем обращается к исправлению пороков общины, действуя при этом в духе *агават Исраэль*, еврейской любви к ближнему. Таков один из уроков, к которым я хотел бы подвести своих читателей.

Исходным толчком к написанию этой книги было желание рассказать о еврейской девочке, которая случайно родилась китаянкой и случайно оказалась моей дочерью. То, как Двора справлялась и продолжает справляться с трудностями

своего необычайного положения, может послужить примером для всех тех, кто по той или иной причине ощущает, что он чем-то отличается от всех других, что он — иной.

Именно эта ее «инакость» стала причиной, побудившей нас отправиться в путешествие, необычайность которого превзошла все, что мы могли себе вообразить; ибо пройденные нами географические расстояния кажутся ничтожными в сравнении с духовными вершинами, на которые нам пришлось подниматься.

Бамбуковая колыбель, в которой мы укачивали нашу крохотную китайскую дочку, стала для нас символом нашего собственного пути к открытию великого еврейского духовного наследия.

В далекой стране, где шорох бамбуковых полей вторит рокоту моря, мы услышали голос, который позвал нас домой. Мы не знали тогда, что этот голос пришел из глубин наших собственных душ. Но именно тогда мы впервые обратили наши сердца к Всевышнему, и Он ответил на наши молитвы. Колыбель покачивалась на мягком китайском ветру по своей собственной воле, и точно так же события нашей жизни обретали свою собственную направленность и цель.

Из нашей бамбуковой колыбели мы ступили в мир древней и вечной мудрости. Мы пробовали наши едва прорезавшиеся зубы на хлебе Торы и учились ходить, прибегая к помощи Пророков; нашими первыми словами были слова благочестивой молитвы. Каждый новый день занимался зарей новых откровений, и вера в Всевышнего наполняла нашу жизнь ежедневной радостью.

Теперь мы знали, что рука Всевышнего простирается повсюду. Каждое событие, происходящее в мире, каждый наш вдох и выдох есть выражение Его воли, хотя многие и отказываются признать Его существование. Временами свидетельства Его активного вмешательства в человеческие судьбы настолько очевидны, что даже самые закоренелые скептики не могут отрицать Его вездесущность и всемогущество.

Этот рассказ изобилует такими свидетельствами. Поведав о них, я надеюсь помочь скептикам, а заодно и всем остальным, расслышать тот голос, что зовет их «домой», помочь им выбраться из колыбельных потемок в мир, пронизанный светом Торы.

Часть первая. РАССВЕТ

Вечером водворяется плач,
а с рассветом - радость.
Псалмы, 30:6

Пролог

КАЖДАЯ УХОДЯЩАЯ МИНУТА этого раннего утра выбрасывала все новые толпы людей из подходящих к платформам поездов на вокзальный перрон. Автомобильный гул нарастал по мере того, как все больше мотоциклов и велосипедов вливались в грохочущий поток автобусов, автомашин и такси. Су-Ин наблюдала за вокзалом, прячась в дверном проеме напротив. Она стояла одиноко и неподвижно, не сливаясь с потоком торопившихся по своим делам людей. Потом она перевела глаза на циферблат больших часов над вокзальным входом. Шесть тридцать пять. Еще немного, подумала она, и наступит самый суматошный час.

Предрассветный дождик смешался с вечной городской пылью, и теперь город был окутан серой пасмурной дымкой. Стоя в своем укрытии с самого рассвета, Су-Ин видела, как луна уступает место солнцу, медленно поднимающемуся над Восточными Воротами. Утренний холод уже смягчился, но она все равно ежилась, как в ознобе, и куталась в свою тонкую шелковую кофту. В душе ее все застыло, как в темных водах пруда, что тянулся вблизи дедова дома в деревне. Чувства и мысли смешались. Разум блуждал где-то далеко. Две пожилые, одетые в черное женщины прошли рядом с ней, шаркая крохотными ступнями, с детства изуродованными тугими бинтами; стайка одинаково одетых школьников, щебеча как болтливые птицы, подпрыгивая и приплясывая, промчалась по тротуару; уличный разносчик, низко согнувшись под тяжестью своего товара, громко предлагал покупателям какую-то яркую птицу в плетеной клетке — Су-Ин почти не замечала прохожих, не видела никого и ничего вокруг.

Еле слышный плач, больше похожий на шепот, донесся из крохотного свертка, который она плотно прижимала к груди, и Су-Ин вздрогнула, словно внезапно пробудившись от тяжкого сна. Чувство бесконечной усталости и одиночества переполняло ее. Она ощущала боль и изнеможение. Плач стал настойчивей и громче. Су-Ин посмотрела на сверток. Личико ребенка было блестящим и мокрым от слез.

ПО ЧЕТВЕРГАМ профессор Алан Шварцбаум неизменно выходил из дома ровно в 5:45 утра. В этот день он должен был ехать в Тайчунг, находившийся в самом центре острова. Поездка было долгой, тем более, что приходилось сначала добираться из маленькой рыбацкой деревушки Тамсуй до Тайпея, а оттуда еще два с половиной часа поездом до университета.

Этот американский профессор преподавал социологию и

трудовые отношения сразу в трех тайваньских университетах, разбросанных по всему острову — все это за счет стипендии, предоставленной ему Фулбрайтовским фондом.

Экзотическое жилище на вершине холма, в котором жили Шварцбаум с женой, было предоставлено им китайскими властями.

Выйдя в это утро из дома, он на миг задержался, пораженный необычайной красотой занимавшегося рассвета. Уходящая пора майских дождей, пришедших с Китайского моря, оставила за собой белую пелену облаков, повисшую на горных вершинах. Последние следы ночи отливали черным на багрово-зеленом фоне разгоравшегося утреннего неба. Спускаясь узкой дорожкой по склону холма, Шварцбаум видел, как пробуждается внизу деревня. С грохотом раскрывались окна продовольственных лавок, где прохожим предлагались суп из белой фасоли и хрустящие ломти хлеба. Крестьяне с их волами уже казались далекими движущимися цветными пятнами в глубине рисовых полей. Сонные собаки и кошки потягивались и зевали, приветствуя новое утро, и где-то вдали, за ивовой рощей, поднимались в воздух слова чьей-то радостной песни.

Су-Ин понимала, что пришло время действовать. О, если бы все сложилось иначе, если бы ребенок был мальчиком, если бы не разница в их происхождении… Острая боль прервала ее размышления. Она знала, что ей предстоит сейчас, и понимала, что оттягивает неизбежное. Выхода не было — судьба оказалась сильнее. Она припомнила старинную китайскую поговорку: «Волна еще бежит, но ее гребень уже падает.»

Она порылась в маленькой сумочке и нашла ручку и клочок бумаги, на котором решила написать несколько слов. Потом, еще крепче прижав ребенка к груди, она решительным шагом пошла через улицу к вокзалу.

У ШВАРЦБАУМА было на выбор несколько возможных маршрутов. Быстрее, но и утомительнее всего было бы отправиться в Тайпей на специальном недорогом такси. Их водители в погоне за заработком старались сделать за день как можно больше рейсов и потому мчались по извивающимся горным дорогам с головоломной скоростью — не случайно они заслужили прозвище «сумасшедшие цыплята». Автобусы были куда безопаснее. Еще один возможный способ передвижения представлял собой местный поезд, который тащился медленнее всего и со множеством остановок, зато удобнейшим образом доставлял своих пассажиров прямо к главному тайпейскому вокзалу.

На полпути вниз по тропинке Шварцбаум решил, что сегодня

он поедет в столицу поездом. Ему нравилось путешествовать в шумной компании школьников, которые обычно отправлялись в город в это утреннее время. Этот день не бил исключением. Группки ребят, по двое, трое и четверо, с школьными ранцами за спиной, уже толкались на платформе, прыгали от нетерпения и мало-помалу втискивались в купе вагонов. Наблюдая за ними, Шварцбаум всякий раз ловил себя на том, что невольно начинает улыбаться.

Впрочем, его улыбка тотчас исчезала, стоило ему вспомнить о своей тайной беде. Они с Барбарой были женаты вот уже семь лет. Они вели напряженную, интересную жизнь, заполненную путешествиями, работой и исследованиями. Но все чаще и чаще, особенно в минуты отдыха, когда выпадало спокойное время, они начинали отчетливо ощущать обступавшую их тишину и ту пустоту, которую может заполнить только звонкий голос ребенка.

У входа в вокзал на Су-Ин обрушилась волна шума и суеты. Тщетными были поиски какого-нибудь пустого местечка в углу, где она могла бы оставить свой сверток так, чтобы никто не заметил, как она это делает, но где он был бы потом обязательно найден.

Она сняла с себя кофту, проверила, надежно ли спрятана в кармане записка, и обернула ребенка красным шелком. В эту минуту из общественных репродукторов донеслось очередное объявление, эхом прокатившееся под сводами вокзала. Сотни пассажиров, ожидавших пересадки, поднялись со скамеек и густой, бесформенной толпой двинулись к выходу на платформу.

Скамейка справа от Су-Ин неожиданно оказалась пустой. Она торопливо положила на нее свою красную кофту с ее содержимым и тотчас отпрянула назад; движущаяся толпа сразу же поглотила ее. Руки ее были пусты, сердце — тоже.

ШВАРЦБАУМ ШЕЛ в толпе людей, поднимавшихся по лестнице с местной платформы к главному перрону. Выйдя на перрон, он отбил в автомате билет до Тайчунга, а затем направился в сторону огромного зала в поисках нужной платформы. Внезапно что-то яркое бросилось ему в глаза — красный сверток на пустой вокзальной скамейке. Ему показалось, что сверток шевелится. Подстегиваемый любопытством, он решил глянуть, что это такое.

Крохотные пуговички темных глаз встретились с его собственными. Он потянулся к ребенку, даже не заметив, что портфель выпал у него из рук. Он осторожно поднял сверток и крепко прижал его к груди. Коротенькая записка выпала из кармана кофты и, рискуя потеряться, спланировала на пол.

Стоя чуть поодаль, женщина пристально наблюдала за

чужестранцем, поднявшим сверток со скамейки. Постояв еще несколько мгновений, она беззвучно пошла прочь и исчезла за поворотом.

Глава 1. Почему же ее подбросили?

КОМНАТКА, где размещался привокзальный полицейский участок, была небольшой, но чрезвычайно аккуратной — точь-в-точь, как и ее единственный обитатель. Лейтенант Ли оторвал взгляд от рапорта, над которым трудился, и, прежде чем заговорить, снял очки.

Выражение его лица и интонации голоса были предельно вежливыми, но я уловил в них глубоко скрытую настороженность.

«Мы приносим извинения за этот неприятный инцидент. Столь уважаемому гостю не подобает быть вовлеченным в подобные истории. Мы направили ребенка в учреждение, где ему будет обеспечен надлежащий присмотр. Вы испытали определенные затруднения. Позвольте вас больше не беспокоить.»

Инцидент, по-видимому, был исчерпан, однако меня подстегивало неудовлетворенное любопытство. «С ребенком все в порядке?» — спросил я. «Девочка выглядит здоровой. Доктор обследует ее». «Она показалась мне такой крошечной, ей вряд ли больше нескольких дней».

«Вы правы, ребенок родился совсем недавно, — согласился лейтенант. — Даже пуповина еще не отпала. Но девочка выглядит вполне здоровой».

«И часто такое случается? Я имею в виду — часто детей подбрасывают таким вот образом?»

«Не так часто, как раньше. По традиции, мальчики ценятся больше, чем девочки. Муж может развестись с женой, если она не рожает ему сыновей».

Я кивнул, вспомнив, что уже читал что-то подобное. Ли продолжал:

«Я помню, на континенте, когда наступали голодные времена, доходило до того, что родители пытались продавать своих детей, особенно девочек. Но здесь, на Тайване, дела обстоят намного лучше.»

«Тогда почему же ее подбросили?»

«Возможно, причиной была боязнь “утраты лица” — позора, по-вашему. Мать не хотела опозорить свою семью. Будь это мальчик, который продолжил бы род, носил семейное имя, еще можно было бы найти какой-то компромисс, но девочка…»

Лейтенант поднялся со своего стула с жесткой спинкой, давая понять, что беседа окончена.

«Прежде, чем распрощаться, — сказал я, — разрешите мне осведомиться, куда отправлена девочка.»

Ли заколебался и отвел глаза. Потом он достал листок

бумаги, четким, аккуратным почерком написал на нем адрес и передал мне листок через стол.

«Еще один вопрос, извините. Там была записка. Что в ней было написано?»

Ли снова помолчал.

Там было сказано: «Кто бы ни нашел этого ребенка — проявите к нему доброту и сострадание, и удача будет сопутствовать всем вашим делам.»

В ЭТОТ ВЕЧЕР мы с Барбарой сидели в салоне нашего маленького домика, располагавшегося в жилом квартале факультета. Мы любили этот дом, хоть он и был очень прост и совсем скудно меблирован. Как и во всех других домах факультетского поселка, его гладкие наружные стены увенчивались крышей, покрытой серой дранкой, а входная дверь была выкрашена в багрово-красный цвет. Соломенные коврики покрывали голые деревянные полы обеих спален, зато в салоне было что-то вроде кушетки, и по вечерам, после ужина, мы любили устраивать там чаепития. За окном, через густые заросли бамбука, виднелись рыбацкие лодки, возвращающиеся домой, — крохотные светящиеся точки на фоне темного залива.

«Я почувствовал себя так странно, когда понял, что это ребенок, — признался я, прерывая долгое молчание, наступившее вслед за моим рассказом о событиях бурного дня. — Я испугался и в то же время ощутил какую-то радость.»

Барбара повернулась ко мне. Ее глаза сияли:

«Ты знаешь, где она находится?»

«Да, в полиции мне дали адрес приюта — это на улице Чунг Хуа.»

«Завтра мы первым же делом отправимся туда, — сказала она, словно читая мои мысли. Я кивнул в знак согласия. — Да, первым же делом.»

Поднимаясь с кушетки, мы заметили, что в заливе уже не было ни одного огонька. Все лодки благополучно вернулись в гавань.

Глава 2. Взять ребенка с собой…

КОГДА НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, в половине девятого утра, мы появились по указанному адресу на улице Чунг Хуа, то с удивлением обнаружили, что перед нами находится церковь. Побродив по каменному дворику, мы, наконец, отыскали открытую дверь черного хода, которая вела к деревянной винтовой лестнице.

Мы поднялись на второй этаж, и Барбара осторожно приоткрыла тяжелую, затейливо украшенную дверь. В ту же минуту мы услышали громкий детский плач и едва не задохнулись от тяжелого запаха нестираных пеленок.

Мы оказались в просторной комнате с высоким потолком, заставленной рядами старомодных металлических детских кроваток, в большинстве которых лежали орущие дети. Няни нигде не было видно.

Впрочем, вскоре в узком дверном проходе появилась усталого вида женщина.

Я тотчас обратился к ней:

«Доброе утро, — попытался я перекричать стоявший в комнате гам. — Мы хотели бы повидать девочку, которую вчера нашли на вокзале.»

«Ах, эту! Кажется, она лежит в четвертом ряду, возле стены, где-то посередине.»

Женщина неопределенно махнула рукой в указанном направлении и тут же отвернулась, занявшись своими делами.

Мы принялись тщательно исследовать все кроватки, пока не наткнулись на ту, в которой лежала новорожденная. Ее головка была покрыта блестящими черными волосиками, черты крохотного личика были нежными и тонкими.

Женщина, присматривавшая за детьми, подошла к нам.

«Да, это та самая. Ее принесли только вчера».

«Вы одна присматриваете за всеми этими детьми?» — спросила Барбара, несколько потрясенная увиденным.

«Увы. Иногда удается найти помощницу, но, как правило, я здесь одна.»

«Но как же вы управляетесь?»

«Что поделаешь, подхожу, когда успеваю. Рано или поздно до каждого доходит очередь.»

Барбара повернулась ко мне и возбужденно прошептала:

«Мы должны забрать этого ребенка отсюда!»

«Это я вчера нашел эту девочку, — сказал я няньке, снова не без труда перекрикивая детский гам. — Мы хотим забрать ее с

собой.»

«Вам придется обратиться к достопочтенному господину Вэнь. Он внизу, в своем кабинете.»

Мы отыскали кабинет и постучали в дверь. За большим письменным столом сидел высокий, лысоватый, слегка сгорбленный человек с непроницаемым выражением лица. Его движения были замедленными, как у черепахи, потревоженной в ее дремоте.

«Могу я вам чем-нибудь помочь?»

«Надеюсь, что да. Разрешите представиться: профессор Алан Шварцбаум, моя жена Барбара. Я нашел на вокзале новорожденную девочку. Нам сказали, что ее отправили сюда, и мы только что отыскали ее наверху. Мы бы хотели забрать ее к себе.»

Какое-то время достопочтенный Вэнь внимательно разглядывал нас, потом произнес — так же тяжело и медленно, как все, что он делал:

«Это не исключено. Но обычно люди, которым мы отдаем ребенка, сначала жертвуют на нашу церковь. Я думаю, вы понимаете, как дорого стоит присмотр за таким количеством детей.»

«О да, конечно. Разрешите мне обсудить этот вопрос с моей женой, одну минуту…»

Я отвел Барбару в сторону и негромко сказал:

«Я совершенно уверен, что этот тип отдает детей тому, кто заплатит самую высокую цену. Он набирает в свой приют нежеланных детей, а потом пытается продать их любому, кто согласится заплатить. Как нам быть?»

«Давай сделаем ему предложение.»

«Какую сумму, ты полагаешь, я должен назвать?»

«Не знаю, но мы должны забрать ребенка отсюда немедленно.»

Я повернулся к столу.

«Достопочтенный Вэнь. У меня есть с собой 25 американских долларов, и я согласен добавить к ним еще двести долларов на следующей неделе.»

Достопочтенный испытующе посмотрел на меня. Его лицо было по-прежнему непроницаемым. Я не мог понять, была предложенная мною сумма слишком велика или слишком мала.

«Хорошо, — сказал он наконец. — Пожалуйста, напишите мне расписку с указанием суммы, которую вы обещаете пожертвовать на нашу церковь.»

Я повиновался. Он взял мою расписку, аккуратно сложил ее и положил в одну из папок, лежавших на столе.

«Теперь я передаю ребенка в ваши руки. Поскольку девочка была подброшена, мы не знаем ее фамилии. В таких случаях я обычно даю детям свою собственную фамилию — Вэнь. Заодно я выберу ей имя.»

Он глубокомысленно уставился в потолок, потом нацарапал несколько китайских иероглифов на лежавшем перед ним листке бумаги и провозгласил:

«Я нарекаю ее Ю-Бинг, что означает Нефритовый Лед. Ее полное имя будет отныне Ю-Бинг Вэнь.»

С этими словами он передал мне бумажку с именем, поднялся с кресла, и мы втроем направились к двери.

В детской достопочтенный Вэнь обратился к няньке:

«Профессор Шварцбаум и его жена намерены взять этого ребенка с собой.»

Нянька наклонилась над колыбелью, подняла ребенка и закутала его в тонкое одеяльце. Потом она, не говоря ни слова, передала девочку Барбаре. Было видно, что эта процедура была ей привычна. Я кивнул достопочтенному Вэню, и мы спустились по лестнице во двор — Барбара впереди, с крохотным свертком в руках, я за нею.

Выйдя во двор церкви, я с изумлением покачал головой.

«Мне просто не верится! Ты можешь себе представить, чтобы мы вошли в американский приют и через каких-нибудь несколько минут вышли из него с ребенком в руках?»

Барбара посмотрела на ребенка, мирно спавшего в ее объятиях.

«Что теперь?»

«Теперь побыстрее отвезем ее домой, пока кто-нибудь не передумал!»

Я помахал рукой проезжавшему такси, и мы уселись на заднем сиденье. Шофер заинтригованно посмотрел на нас, но спросил только:

«Дау нали чиу? — Куда ехать?»

«Тамсуй.»

Когда такси выбралось за городскую черту, Барбара тихо, словно про себя, пробормотала:

«Нефритовый лед — какое ужасное имя! Такое холодное, такое отчужденное. — Она посмотрела на спящего ребенка, покоившегося в ее руках. — Я никогда больше не буду ее так называть.»

Глава 3. Девочку не будут звать Нефритовый Лед!

КОГДА МЫ ВЕРНУЛИСЬ, Мей-Мей, наша домоправительница, была, как обычно, на кухне. Даже не повернувшись в нашу сторону, она крикнула оттуда:

«Наверно, я совсем заработалась — мне уже чудится, что я слышу детский плач. Доктор Шварцбаум, вы опять меня разыгрываете?»

«Да посмотри же, Мей-Мей! — возбужденно воскликнула Барбара. — Это действительно ребенок. Помнишь, Алан вчера нашел девочку на вокзале? Мы поехали посмотреть, не сможем ли мы взять ее к себе, и вот она здесь!»

Мей-Мей невозмутимо приподняла краешек маленького одеяльца.

«Вы правы, — лаконично констатировала она, — это ребенок. Китайский ребенок. Есть такая старая китайская поговорка: «Не называй дерево скалой». А теперь скажите мне, пожалуйста, что вы собираетесь с ним делать?»

Только тут до нас дошло все значение нашего поступка. Большинство мужей и жен располагают целыми девятью месяцами, чтобы подготовиться к появлению ребенка. Даже когда речь идет о приемыше, проходит много месяцев во всевозможных переговорах, обсуждениях и спорах, прежде чем ребенок появляется в доме. Здесь же мы проснулись утром бездетной четой, а три часа спустя, без всякой подготовки, оказались отцом и матерью.

«Действительно, что мы будем делать? — воскликнула Барбара с заметной паникой. — У нас нет ни колыбельки, ни детской одежды, даже еды для ребенка — и той нет!»

«Ты забываешь об опыте воспитания детей, — добавил я. — Этого у нас тоже нет абсолютно.»

«Не волнуйтесь, — сказала Мей-Мей с видимым удовольствием на круглом крестьянском лице. — Опыта у меня хоть отбавляй, так что всему этому я вас быстренько научу. Старая китайская поговорка говорит: «Голодного ребенка не нужно учить есть.»

И действительно, с помощью Мей-Мей все наладилось очень быстро. Она сходила к соседям, и вскоре, как по мановению волшебной палочки, в доме начали появляться все необходимые вещи: детская одежда, запас пеленок, старая бамбуковая колыбель, теплые одеяла, бутылочки для еды. Свою старшую

дочь, помогавшую ей на кухне, Мей-Мей отправила на базар, наказав купить детской еды. С ее возвращением мы оказались полностью экипированы.

Новость облетела маленькую местную общину за считанные минуты. Невесть откуда в окнах появились любопытные лица ребятишек, которым хотелось хотя бы краешком глаза посмотреть на нового ребенка. В двери устремился непрестанный поток соседей, а с ними — столь же непрестанный поток советов по любому возможному вопросу. Спустя какое-то время наплыв гостей стал таким чудовищным, что Барбаре и Мей-Мей пришлось ограничить дальнейший прием посетителей.

Девочка вела себя совершенно нормально. Она с готовностью пила из бутылки и реагировала на всех, кто брал ее на

руки. Не обошлось и без плача. И не какого-то там похныкивания, а настоящего громкого рева, который заполнял весь наш маленький дом и сотрясал его деревянные стены. Барбара начала беспокоиться. Чем больше она старалась успокоить девочку, тем громче та кричала.

«Мей-Мей, в чем дело?! Почему она плачет? Может, она голодна? Может, она нездорова? Может, у нее что-нибудь болит?»

Мей-Мей даже не соизволила оторваться от своих кухонных дел:

«Не беспокойтесь. Так положено. Есть такая старая китайская поговорка: «Если ручей молчит, значит в нем нет воды.»

МНОГО ПОЗЖЕ, когда солнце уже скрылось за зелеными вершинами гор, и ребенок, наконец, перестал плакать, к Барбаре вернулось ее обычное настроение.

«Ребенку нужно дать имя, — решительно сказала она. — Не можем же мы все время называть ее «ребенок». И я решительно отказываюсь называть ее Нефритовый Лед.»

«Согласен, — отозвался я. — Я уже думал об этом. У нас на руках крохотная китайская девочка, и мы совершенно не знаем, как повернется ее судьба, и что ей предстоит. Но какая бы жизнь ее ни ожидала, эта жизнь началась здесь, в Китае. Поэтому ч предпочел бы назвать ее Хсин-Мей. *Хсин* от слова «сердце» и *Мей* в память о Китае. Хсин-Мей означает «Мое сердце в Китае».

Барбара задумчиво повторила:

«Хсин-Мей, Хсин-Мей. Это мне нравится. Это имя ей подходит?.»

Девочка, словно реагируя на свое новое имя, опять начала плакать.

«Только не это! — вскричала Барбара. — Я больше не могу это выдерживать. Она только и делает, что плачет.»

«Не знаю, как ты, — сказал я, — а я иду спать.»

«Как ты можешь, Алан? Мей-Мей сейчас уходит. Она вернется только завтра утром. Ты собираешься оставить меня одну с ребенком?»

«А ты как думала? Я готов уступить тебе все сладости материнства. Спокойной ночи.»

Барбара яростно посмотрела на меня:

«Ладно, иди. Есть такая старая китайская поговорка: «Ослу даже ночью не нужен фонарь, если он направляется в свое стойло.»

Глава 4. Вэнь Ю-Бинг родилась 6 мая 1972 года в Тайпее, на Тайване, в Китайской республике…

ВОСЬМОГО МАЯ, через два дня после того, как я нашел ребенка, я отправился в американское посольство, надеясь выяснить, что требуется, чтобы забрать девочку с нами в Соединенные Штаты.

Сначала мы планировали покинуть Тайвань в конце июня, так что времени оставалось в обрез, и мне не терпелось побыстрее покончить с неизбежной бумажной волокитой. Однако сотрудник посольства объяснил мне, что для получения визы нужно проделать целый ряд предварительных шагов, причем весь этот «процесс» нельзя начать, пока не будут представлены документы, подтверждающие, что мы удочерили ребенка в полном соответствии с китайскими законами.

Из посольства я отправился к знакомому адвокату, чтобы выяснить у него, в чем состоит китайская процедура официального удочерения.

Он сказал, что я должен представить в тайпейский центральный суд сертификат о рождении ребенка вместе с заявлением его родителей о том, что они не возражают против удочерения, а также справку о выдаче ребенка из приюта. Если все бумаги будут в порядке, суд выдаст мне официальную справку об удочерении.

Тем же вечером я вернулся в церковь на улице Чунг Хуа. Достопочтенного Вэня я снова застал в его кабинете. Он оторвался от своих бумаг и первым делом осведомился, принес ли я остаток своего «пожертвования».

«Я сделаю это в ближайшие день-два, — сказал я. — Сейчас мне необходимо быстро покончить с процедурой удочерения. Мне нужен сертификат о рождении девочки и справка о ее освобождении из вашего приюта.»

Я полагал, что он начнет препираться, но вместо этого он попросту достал из ящика стола свой письменный прибор, набросал коротенькое письмо и протянул его мне.

«Вот вам справка об освобождении из приюта, — произнес он тем равнодушным, неторопливым тоном, который так меня раздражал. — А что касается сертификата, то, поскольку девочка была найдена на вокзале, вы должны обратиться в привокзальную полицию.

Там вам дадут письмо, на основании которого соответствующее правительственное учреждение составит сертификат о рождении.»

Потом он поднял на меня свой блеклый взгляд:

«Постарайтесь принести остаток пожертвования завтра утром.»

Это звучало скорее как приказ, чем как просьба. Атмосфера в комнате стала явно неприветливой.

«Как только я получу бумаги из суда, — заверил я достопочтенного Вэня, — я с радостью улажу вопрос о пожертвовании.»

Мой ответ его, по-видимому, не очень-то обрадовал, но он лишь слегка кивнул головой и снова углубился в свои бумаги.

Сунув письмо в карман, я торопливо вышел из полутемного кабинета, с его гнетущей атмосферой, на пахнущий весенними цветами воздух церковного двора.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, точно в восемь, я уже сидел в привокзальном полицейском участке, через стол от подтянутого, аккуратного лейтенанта Ли. На сей раз он, отбросив обычную настороженность, с любопытством расспросил меня обо всем, что случилось после нашей недавней встречи. Наш выбор имени для девочки заставил его улыбнуться. Он сам предложил мне свою помощь в получении необходимого сертификата.

«Но как выяснить, есть ли у девочки родственники и не хотят ли они взять ее к себе?» — спросил я.

Ли подвинул ко мне лежавшую на столе газету и указал на колонку местных новостей на второй странице.

«Здесь сообщается, что на вокзале была найдена подброшенная девочка, — сказал он, отчеркивая пальцем соответствующее объявление. — Всех, кто знает что-либо о ребенке или состоит с ним в родстве, просят немедленно связаться с вокзальной полицией. Это стандартная процедура в таких случаях.»

От его слов у меня по спине поползли мурашки. Я вдруг подумал, что Хсин-Мей могла быть подброшена не ее родителями, а служанкой. Записка в кофте, которой она была обернута, не имела подписи. Кроме того, даже если ее подбросила родная мать, то, прочитав объявление, она могла передумать и вернуться за ребенком. Видимо, мне следовало приготовиться и к такой возможности, — во всяком случае, процесс удочерения вряд ли мог пройти так же быстро и гладко, как получение самой Хсин-Мей из приюта.

Но за три дня, прошедшие с того момента, как я ее нашел, Хсин-Мей успела стать неотъемлемой частью нашего

существования. Перспектива потерять ее меня напугала.

Я откашлялся и самым небрежным тоном спросил лейтенанта:

«И что, кто-нибудь уже отозвался?»

Лейтенант снял очки и мягко ответил:

«Пока никто.»

Мы замолчали, обдумывая эти слова и заговорщически глядя друг на друга. Потом Ли решительно поднялся со стула, сунул в конверт какие-то бумаги и невозмутимо предложил:

«Давайте попытаемся получить сертификат о рождении.»

Мы вышли из его крохотного офиса и сразу погрузились в деловитую суматоху огромного вокзала.

«Моя машина припаркована за углом, чуть ниже на этой же улице», — сказал он, пока мы прокладывали себе путь среди мечущихся пассажиров, продавцов и носильщиков.

Яркий солнечный свет показался мне приветливым и теплым после сумрачно освещенного вокзала. Улица была забита людьми. На тротуаре едва хватало места для прохожих и всевозможных пакетов и свертков, которые они тащили с собой.

Толпа лилась непрерывным потоком, унося нас с собой по улицам Тайпея. С большими усилиями нам удалось добраться до машины лейтенанта.

ЗА РУЛЕМ Ли был столь же эффектен, как и за своим рабочим столом. Он искусно маневрировал в лабиринте узеньких улочек и переулков, которые вели к зданию правительственной Службы Регистрации — простому двухэтажному сооружению, неотличимому от окружавших его домов.

Обратившись в первое же окошко, Ли объяснил, по какому делу мы явились, и нас сразу же провели в маленькую приемную. Молоденькая девушка поставила перед нами два стакана чая.

Минут десять спустя нас впустили в большую комнату с высоким потолком и направили к столику, находившемуся в ее левом углу. Чиновник, сидевший за столом, опять предложил нам стакан чая. Ли снова объяснил причину нашего визита. Чиновник углубился в бумаги, принесенные лейтенантом. Потом он поднялся и предложил нам проследовать за ним к другому столику, чуть побольше, находившемуся в правом углу комнаты.

Не успели мы усесться, как перед нами появились два очередных стакана чая. На сей раз чиновник извинился и, встав из-за стола, направился к двери, которая через противоположную стену комнаты вела в какой-то особый офис. Он постучал в дверь, исчез за ней и появился минут через пять. Затем он попросил нас проследовать за ним к директору.

В кабинете директора чай подавали в разукрашенных

фарфоровых чашечках вместо простых стаканов. Мы явно делали успехи.

Ли о чем-то быстро говорил с директором, который время от времени бросал на меня заинтересованные взгляды. Поскольку я не мог разобрать их быструю речь, мне оставалось только сидеть, нервно ерзая на стуле, и прихлебывать ароматный зеленый чай из своей чашечки. Наконец директор потянулся к своему телефону и отдал какие-то распоряжения.

Повинуясь сигналу лейтенанта, я поднялся и слегка поклонился в сторону директора, выражая этим свою признательность за его помощь и доброту.

На обратном пути мы ненадолго задержались у высокой стойки, чтобы получить у стоявшей за ней чиновницы сертификат и две его копии. Ли внимательно прочитал документ и затем объяснил:

«Здесь говорится, что Вэнь Ю-Бинг родилась 6 мая 1972 года в Тайпее, на Тайване, в Китайской республике. К сожалению, в справке из приюта девочка названа Ю-Бинг, поэтому изменить имя в сертификате о рождении невозможно.»

«Я не думаю, что сейчас это имеет серьезное значение, — сказал я. — Мы можем позднее поменять ей имя официальным образом. Я только предупрежу жену, что если она захочет этим заняться, ей придется выпить, самое меньшее, двадцать стаканов китайского чая.»

Глава 5. Центральный суд и государственный приют

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, оставив девочку на попечении Мей-Мей, мы с Барбарой отправились в Центральный суд в Тайпее. В моем кожаном портфеле были аккуратно уложены все необходимые документы — сертификат о рождении, копия газетного объявления о розыске родственников ребенка, найденного на вокзале, и справка об освобождении из приюта. Я был вдохновлен успехами, которых мы достигли в борьбе с бюрократической машиной.

«Как только мы покончим с сегодняшними делами в суде, — уверял я Барбару, — нам останется всего лишь получить визу в американском посольстве, и тогда все в порядке — мы сможем выехать в конце июня.»

В отличие от правительственной Службы Регистрации, Центральный суд располагался во внушительного вида каменном здании. Из приемной нас направили по длинному коридору в очень маленькую комнатку, в стороне от главного зала, где секретарь, сортировавший какие-то бумаги, попросил нас присесть и подождать. Комната постепенно заполнялась ожидающими. Затем появился внушительного вида человек, судя по внешности — сам судья. Будучи уверены, что

все наши документы в порядке, мы спокойно ожидали, пока он рассмотрит наше дело и объявит о своем официальном одобрении.

Судья склонился над бумагами и начал придирчиво изучать каждую из них, потом внезапно оторвался от бумаг и, не сгибаясь, чопорно встал с кресла. Голос его прозвучал неожиданно сухо:

«Я отказываюсь одобрить это удочерение. Оно не соответствует требованиям закона.»

Выпрямившись во весь рост и не глядя по сторонам, он прошествовал к выходу. Секретарь последовал за ним. Комнатка, которая секунду назад была заполнена людьми и казалась такой оживленной, внезапно опустела. Наступила тишина.

Совершенно ошеломленные, мы не могли подняться со скамьи.

Спустя несколько минут секретарь вернулся.

«В чем дело? — взволнованно спросила Барбара. — Что случилось?»

«Судья не хочет связываться с достопочтенным Вэнем, — объяснил секретарь. — Это ненадежный человек с дурной

репутацией. Судья знает его по предыдущим делам. Судья не хочет иметь с ним ничего общего. Судья очень рассердился, когда увидел его подпись на справке. Поэтому он и покинул судейскую комнату.»

«Но что же нам теперь делать?»

«Вы должны обратиться в другой приют, числящийся в официально одобренном списке, в который не входит приют достопочтенного Вэня. Вы должны представить судье справку из такого приюта.»

«Но ведь ребенок уже у нас!» — воскликнула Барбара.

«Этот вопрос вы должны решить с руководством приюта, — ответил секретарь. — Они могут потребовать, чтобы вы вернули им ребенка на то время, пока будет рассматриваться ваша просьба об удочерении.»

С этими словами он поклонился, давая понять, что разговор окончен.

Мы покинули судейскую комнату и в полном отчаянии побрели по длинному каменному коридору.

И ВОТ Я СНОВА оказался на главном вокзале, в хорошо знакомом полицейском участке, на этот раз вместе с огорченной и расстроенной женой. Мне и самому было трудно сдержать раздражение, обращаясь к лейтенанту Ли.

«Как это получилось? — гневно допытывался я. — Как могла девочка попасть в приют достопочтенного Вэня, если он не зарегистрирован? В Центральном суде вообще отказались рассматривать наше дело, поскольку у Вэня слишком дурная репутация.»

Ли ерзал на стуле. Ему было явно не по себе, но я не давал ему спуска:

«Ребенок был найден на вокзале, то есть на территории, за которую отвечаете вы. Она входит в ваш участок. Обнаружив девочку, я немедленно передал ее вашим людям. Каким же образом она оказалась на улице Чунг Хуа, в незарегистрированном приюте, руководитель которого занимается незаконной продажей детей?!»

Ли открыл ящик письменного стола, достал оттуда небольшую визитную карточку и молча протянул мне. На карточке было написано: ***«Сироты, нуждающиеся в присмотре, могут получить приют в нашей церкви. Доставившие детей получат вознаграждение.»***

«Такие карточки Вэнь оставляет во всех местах, где обычно находят подброшенных детей — на автобусных остановках, на вокзале, на рынке и в парках. Таким способом, в основном, он и заполучает детей для своего приюта. Людям, которые приносят

ему подброшенных детей, он платит небольшое вознаграждение, зато с тех, кто хочет взять из приюта приемного ребенка, требует высокую плату. Полицейский, который передал найденную вами девочку в этот приют, уже наказан. Вы обещали Вэню какие-то деньги за нее?»

«К сожалению, да. Он предложил мне “пожертвовать” на его церковь. Я обещал ему двести двадцать пять долларов. Пока что я дал только двадцать пять, но он требует остальное.»

«Не давайте ему больше ни цента, — твердо посоветовал лейтенант. — Отдел социальных услуг уже занялся вашим делом. К сожалению, там, где замешаны иностранцы, все очень усложняется.»

«Но что же будет с нами? Что нам делать?»

«Я помогу вам всем, чем только смогу, — ответил Ли, ободряюще улыбаясь. — Если вы сможете завтра в три часа приехать сюда вместе с ребенком, я отвезу вас в главный государственный приют. Быть может, они согласятся прямо на месте выдать вам требуемый сертификат.»

«А если они не согласятся?» — спросил я.

Ли убрал карточку достопочтенного Вэня в ящик письменного стола и отвел взгляд в сторону.

ДИРЕКТРИСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИЮТА оказалась неприветливой средних лет женщиной в мрачном черном одеянии, обычном для китаянок ее возраста. Хотя она была, по-видимому, предупреждена о нашем визите, ее приветствие было таким же чопорным и холодным, как и ее наряд. Ли представил нас, произнеся наши имена на китайский лад — Хсу Бай-Лань и Хсу Хуа-Пень *(Хсу* — самый близкий из возможных в китайском языке звуковой эквивалент первой части фамилии *Шварцбаум* и одновременно — распространенная китайская фамилия. *Бай-Лань* означает «белая орхидея», а *Хуа-Пень* — «друг Китая». *Хсу Хуа-Пень* можно перевести как «он обещает стать другом Китая»). Затем он кратко изложил цель нашего прихода.

«Давно ли вы задумали взять приемного ребенка?»— сухо спросила директриса.

Барбара сказала, что мы не раз думали об этом, и перед отъездом из Штатов даже наводили соответствующие справки. Тогда нам сказали, что срок ожидания составляет от двух до четырех лет, но и после этого нет уверенности, что просьба будет удовлетворена. «Я всегда надеялась, что рано или поздно у нас будет собственный ребенок», — добавила она.

«Понятно, — сказала директриса. — А возможность взять приемного китайского ребенка вы когда-нибудь обдумывали?»

«Да, мы раз или два обсуждали такой вариант…» — начал я.

«Тем не менее вы ни разу не обратились в зарегистрированный приют, — перебила меня директриса. — Вместо этого вы связались с человеком, который позорит нашу профессию.»

«Я надеюсь, вы понимаете, что всему виной непредвиденные обстоятельства, не так ли? — вспыхнул я. Эта женщина вела себя исключительно агрессивно. — Не я, а другие люди доставили найденного мною ребенка к достопочтенному Вэ-ню. Не мы выбрали его приют. Нам бы хотелось, чтобы ребенок числился выпущенным из вашего приюта, потому что мы заинтересованы в официальной справке об освобождении. Если нужно, мы готовы действительно оставить ребенка у вас на день-другой…»

Ее улыбка стала ханжески фальшивой.

«Ну, конечно, вы можете оставить ребенка у нас, — сказала она, — ему будет обеспечен заботливый присмотр, не то что в иных местах. Но вот что касается удочерения, то у нас имеется довольно длинный список желающих. Как только ребенок будет передан на наше попечение, мы вручим его тем родителям, которые возглавляют эту очередь. Вы, разумеется, тоже можете записаться, и, как только подойдет ваша очередь и появится соответствующий ребенок, мы с удовольствием известим вас.»

Барбара опрометью бросилась из кабинета на улицу, крепко прижимая к груди ребенка. Когда мы с лейтенантом догнали ее, слезы струились по ее лицу.

«Какая мерзкая баба! — выкрикнула она. — Я никогда не отдам ей нашего ребенка, никогда!!»

Я пытался успокоить ее. Лейтенант стоял поодаль, уставившись в землю.

СТОИЛО НАМ войти в дом, как Мей-Мей сразу догадалась, что с удочерением что-что неладно. Разумеется, Барбара. тут же прерывающимся от волнения голосом выложила ей всю историю. Мей-Мей отнеслась к рассказу с поразительным спокойствием.

Если не ошибаюсь, ребенок по-прежнему у вас в руках, а не в приюте у старой ведьмы, — заметила она, пожав плечами. — В чем же дело? Зачем вам ходить по приютам, если ребенок у вас уже есть? Есть такая старая китайская поговорка:

«Верхом на осле осла не ищут.»

«Но как ты не понимаешь, Мей-Мей? — возбужденно воскликнул я. — Нам нужна справка об освобождении ребенка из зарегистрированного приюта!»

«Я понимаю, — сказала Мей-Мей. — Но в Китае не принято, чтобы человек сам за себя хлопотал. Необходимо, чтобы за вас похлопотал кто-то другой. Хлопотать самим за себя — это все равно, что чесать ногу, когда она еще в ботинке. К вам все время

приходят люди, звонок трещит, как оглашенный, — я-то знаю, я все время на кухне!»

У ваших студентов есть отцы, у этих отцов есть друзья, у этих друзей тоже есть друзья. У нас говорят: «Когда вода поднимается, поднимается и лодка.»

«Мей-Мей, — сказал я, салютуя нашей восхитительно мудрой домоправительнице, — если наша семья — это лодка, то теперь я знаю, кто в ней капитан.»

На следующее утро Мей-Мей с одобрением выпроваживала меня из дома, одетого в самый лучший костюм и готового к церемонным переговорам с достопочтенными отцами моих учеников.

«Теперь вы выглядите как уважаемый ученый, — подшучивала она. — Конечно, вы недостаточно стары, у вас нет бороды и волосы у вас не седые, но для иностранца наши люди сделают скидку. — Тут она заговорила всерьез. — Не забывайте, что вы профессор, у которого учится сын или дочь нужного вам человека. Вы хотите всего лишь обменять свои груши на его яблоки.»

Я кивнул моей наставнице, попрощался с Барбарой и двинулся в путь.

Торопливо спускаясь горной тропинкой, я все еще слышал голос Мей-Мей, кричавшей мне из окна нашего дома:

«Помните, яблоки, *ЯБЛОКИ!*»

ПЕРВЫМ В МОЕМ СПИСКЕ был дом одного из сотрудников министерства иностранных дел. Мы дружески поболтали о фонде Фулбрайта. Мы посплетничали о некоторых знакомых американских ученых, которые прибыли на Тайвань, и их тайваньских коллегах, которые отправились в Соединенные Штаты.

Под самый конец визита я вскользь заметил, что теперь я по-новому, некоторым «личным» образом, связан с Тайванем, и упомянул о «небольшой проблеме», которая в этой связи возникла.

Со следующим визитом я отправился домой к одному из слушателей моего курса в Тайваньском государственном университете, отец которого, «по счастливой случайности», был инспектором системы социального обеспечения всего Тайнейского округа. Здесь мы тоже дружески поболтали и обменялись комплиментами.

Позже я заглянул в резиденцию уважаемого китайского юриста — вышедшего в отставку судьи, который теперь был членом комитета Американо-Тайваньского Фонда Образования.

Обедал я в тот день с родителями своего студента из

университета Чунг-Хсин. Отец его — тоже, конечно, «по чистой случайности», — был советником мэра Тайпея.

Вернувшись домой поздним вечером, я застал Барбару в состоянии нетерпеливого ожидания.

«Ты выглядишь усталым, — заметила она. — Как дела? У тебя что-нибудь вышло?»

«Не могу сказать наверняка, — сказал я, — но я чувствую себя как…»

«Дипломат?»

«Ну, это ты хватила!»

«Политик!»

«Нет! Я чувствую себя как… торговец яблоками!»

ЖИЗНЬ В ДОМЕ ШВАРЦБАУМОВ обрела черты внешней упорядоченности: Хсин-Мей начала спокойно спать по ночам, а мы с Барбарой вернулись к нашим занятиям и исследованиям. Но полностью скрыть друг от друга свою нервозность и озабоченность нам не удавалось.

Нам казалось, что мы все глубже погружаемся в какую-то безысходность, хотя наша сверхоптимистичная Мей-Мей и ухитряется подыскивать подходящие китайские поговорки нам в утешение.

Впрочем, она-то как раз и не отчаивалась, — стоило Барбаре залиться слезами или обрушиться с очередной филиппикой на правительственный приют, который отказался нам помочь, как Мей-Мей тут же выуживала из своего неистощимого запаса китайской народной мудрости что-нибудь новенькое вроде: «Не стоит волноваться из-за этой ведьмы, ведь говорят же, что солнце рукой не закроешь» или «Теперь эта ведьма уже ничем не может вам повредить — у иголки ведь только одно острие.»

Но и эта мудрая тактика, которая столько раз за последние месяцы помогала нам преодолеть бесчисленные разочарования и трудности, теперь начала давать сбои. С каждым днем я становился все пессимистичнее, и когда Мей-Мей пыталась подбодрить меня своей очередной утешительной поговоркой, я отвечал ей каким-нибудь унылым афоризмом собственного изготовления. Например, когда она напоминала мне о «приливе, поднимающем лодку», я парировал чем-то вроде: «Конечно, прилив поднимает лодку, но он же ее и топит.»

Как то раз, бессонной ночью, я вышел на веранду нашего дома.

Ночной воздух был совершенно неподвижен. Над домом нависала освещенная луной вершина, внизу, подо мной, поднималось и опускалось море.

Висевший у дома фонарь медленно покачивался на легком

весеннем ветру, заставляя тени деревьев плясать вокруг светового конуса. Дальше простиралась темнота, в которой тонули поля и рисовые посадки. Кисточка бамбука вздрогнула и коснулась нависавшей над ней сосны, звон далекого храмового колокола слился с тихим всхлипом спавшего ребенка, оставляя в темноте гаснущие звуковые мазки.

И внезапно из глубины моей души вырвалась горячая молитва.

ШЛИ НЕДЕЛИ. Затем, в одно прекрасное утро, нас попросили связаться с лейтенантом Ли. Я немедленно позвонил ему.

«Пожалуйста, приезжайте как можно быстрее на вокзал, — сказал он без всяких предисловий. — Вместе с женой и ребенком.»

«Что произошло?» — не мог удержаться я.

«Я расскажу вам при встрече. До свидания.»

Не прошло и двадцати минут, как мы уже мчались вместе с одним из «сумасшедших цыплят» по дороге.в Тайпей.

Не успели мы войти в кабинет Ли, как он поднялся с места и предложил нам следовать за собой к его машине. «Мы едем в другой приют!» — бросил он через плечо.

Мы переехали через мост, отделяющий Тайпей от пригородов, и вскоре оказались перед унылым серого цвета зданием. Открыв тяжелую деревянную дверь, мы обнаружили себя в окружении множества улыбающихся, заинтересованных детских мордашек.

Навстречу нам вышла женщина. Она представилась как госпожа Чоу и пригласила нас в свой кабинет. Тотчас появился обязательный чай, который мы вежливо пили, пока госпожа Чоу писала какое-то письмо и скрепляла его своей печатью.

«Это сертификат об освобождении вашей дочери», — сказала она, протягивая нам бумагу.

«Мы должны оставить ее у вас?» — с недоверием спросила Барбара.

«Это вовсе не обязательно», — ответила госпожа Чоу.

«Благодарю вас от всей души, — сказала Барбара, не в силах сдержать волнение и радость. — Вы так добры, все это так замечательно!»

Мы тотчас поднялись, я и лейтенант церемонно поклонились, благодаря госпожу Чоу за ее труды, и мы втроем вышли

из кабинета, одинаково расплывшись в счастливой улыбке от уха до уха.

Ли подвез нас к автобусной станции, откуда нам было уже нетрудно добраться до дома. Теперь настал наш черед благодарить его. Но все слова казались неподходящими.

«Да, чуть не забыл», — сказал он вдруг, доставая из внутреннего кармана узкий конверт и протягивая его мне.

«Что это?» — не понял я.

«Посмотрите сами.»

Я открыл конверт. Внутри лежали двадцать пять американских долларов.

Глава 6. Удочерение Хсин-Мей

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ полных дней потребовалось нам для того, чтобы получить из китайского суда официальные документы об удочерении Хсин-Мей. Это были дни, наполненные физическими и душев-. ными терзаниями, но и они, наконец, остались позади. Очередным препятствием на нашем пути была американская виза, и поэтому я записался на прием к сотруднику консульского отдела посольства Соединенных Штатов.

В это утро к нам в гости приехала Чьянг Лау-Шер, которая преподавала Барбаре китайский язык. (По-китайски слово *Лау-Шер* означает «учитель» и несет в себе тот же оттенок уважения и почтения, что ивритское *море*) В действительности Чьянг Лау-Шер стала для нас чем-то гораздо большим, чем просто преподавательницей языка. Она была нашим близким другом, который помогал нам понять сложный и зачастую сбивающий с толку мир китайских реалий, частью которого теперь стали мы сами.

Китайский язык имеет свыше сотни разных диалектов. Некоторые из них отличаются друг от друга настолько, что представляют собой, по сути, разные языки. Человек, живущий в одном районе Китая, порой просто не понимает чело-

века, живущего в другом районе. Но хотя каждый из китайских диалектов имеет свое произношение, письменный китайский язык одинаков на всей территории страны. Многие китайцы могут общаться друг с другом только при помощи письма. Самый распространенный из диалектов — это «мандарин», который называется *п»у т»унг хуа* или «стандартный китайский диалект», а самым стандартным видом этого стандартного диалекта является тот, на котором говорят в Пекине.

Чьянг Лау-Шер родилась в Монголии и переехала с семьей в Пекин, будучи еще маленькой девочкой. В тяжелых, резких чертах ее лица и атлетическом телосложении можно было легко угадать следы ее «мандаринского» происхождения. Тем не менее, она еще и сейчас завязывала волосы на голове в узелок — точно так же, как завязывала их школьницей много лет назад. В ее устах китайский язык казался музыкой.

Впрочем, ее мелодичным, певучим голосом восхищались не мы одни — впридачу к преподаванию, она работала еще и диктором на местном радио.

У Барбары обнаружились врожденные способности к языку, и при помощи неустанных уговоров и понуканий Чьянг Лау-Шер

удалось втянуть ее в общетайваньский конкурс иностранных студентов, изучающих китайский язык. Каждый участник конкурса должен был произнести перед специальным жюри пятиминутную речь по-китайски. Барбара завоевала на конкурсе второе место, и с тех пор они с Чьянг Лау-Шер стали близкими подругами.

Чьянг Лау-Шер прибыла на Тайвань в 1949 году вместе с полутора миллионами других беженцев, покинувших континент после захвата власти коммунистами. К моменту прибытия этих беженцев на острове уже жили двенадцать миллионов коренных тайваньцев. Их предки эмигрировали на Тайвань еще в семнадцатом веке из континентальных провинций Фукьян и Квантунг. За прошедшие три столетия тайваньцы создали свой собственный диалект китайского языка, отличный от континентального, а заодно и свою собственную оригинальную культуру. Они и внешне стали отличаться от жителей континента. Поэтому в течение многих лет отношения между островитянами и беженцами с континента оставались натянутыми и отчужденными.

Эта напряженность неожиданным образом отразилась и в делах, связанных с нашей Хсин-Мей. Тайваньцы имеют обычай следить за тем, чтобы младенцы спали на спине, поскольку они опасаются, что дети задохнутся, если будут спать на животике. Косточки у детей в этом возрасте еще мягкие, и потому тайваньские дети, проводя много времени на спине, приобретают отчетливо выраженный плоский затылок.

Жители континента не только не придерживаются этой практики, но, по сути, даже заставляют своих детей спать на животе.

Всякий раз, когда Чьянг Лау-Шер приходила к нам в гости, она первым делом направлялась к колыбели Хсин-Мей и переворачивала ее на живот. Несколько минут спустя появлялась Мей-Мей, коренная жительница Тайваня, и укладывала Хсин-Мей на спину. В результате Барбара долго не могла понять, каким образом Хсин-Мей ухитряется каждые несколько минут переворачиваться со спины на живот и обратно.

В тот день, о котором я рассказываю, Чьянг Лау-Шер торжественно сообщила Барбаре, что существует китайский обычай отмечать первый месяц жизни ребенка. На этой церемонии, именуемой *ман уве* (дословно «полный месяц»), полагается подавать специальные кушанья и печенье, и Чьянг Лау-Шер, как верная подруга, решила помочь Барбаре их приготовить.

В день церемонии в нашем доме собралась большая группа

людей, пришедших отметить первый месяц жизни нашего необычного и загадочного ребенка, происхождение которого было столь же туманно, как и его будущее. Чьянг Лау-Шер осталась после ухода гостей. У них с Мей-Мей завязался спор о том, принадлежит Хсин-Мей к островитянам или к жителям континента. Они по очереди приводили все новые анатомические доказательства — каждая в пользу своего мнения.

Чьянг Лау-Шер демонстрировала крохотный носик Хсин-Мей как свидетельство ее континентального происхождения, Мей-Мей парировала ссылкой на форму ее лица.

«А может быть, один из ее родителей был островитянином, а другой — выходцем с континента? — вмешалась в спор Барбара. — Это, пожалуй, объяснило бы, почему ее мать вынуждена была от нее отказаться. В таком случае наша Хсин-Мей воплощает в себе лучшие черты двух китайских миров.»

Часом позже я случайно снова забрел на кухню. Я застал Мей-Мей и Чьянг Луа-Шер за неизменным чаем. Они были увлечены оживленной беседой, и их лица одинаково светились теплотой и дружелюбием.

Глава 7. Ввезти ребенка в Соединенные Штаты непросто!

ОТПРАВЛЯЯСЬ в американское посольство, я захватил с собой, как мне было сказано по телефону, все документы об удочерении Хсин-Мей и рентгеновские снимки ее крохотной грудки. Консульский чиновник, которому я вручил все эти бумаги, заявил, что, на первый взгляд, у нас все в порядке. Потом он спокойно добавил:

«Теперь вам остается только дождаться прибытия чиновника по особым делам.»

Это неожиданное замечание застигло меня врасплох. «Какого еще чиновника по особым делам?» — ошелом-ленно воскликнул я.

«О, простите, мне почему-то показалось, что я вам уже объяснял, — небрежно произнес он. — При таких обстоятельствах, как у вас, Департамент иммиграции и натурализации, прежде чем выдать визу, обычно изучает биографии родителей, которые хотят ввезти ребенка в Соединенные Штаты. К сожалению, в прошлом уже случались малоприятные злоупотребления. В некоторых случаях люди притворялись, будто действуют, руководствуясь самыми благородными побуждениями, а на самом деле ввозили детей в Соединенные Шта-

ты, чтобы использовать их там совершенно бесчеловечным образом. Поэтому нам приходится требовать, чтобы вы представили рекомендации от людей, которые знали вас на родине, а, кроме того, прошли собеседование с чиновником по особым делам.»

«И сколько же времени все это продлится?»

«Обычно это занимает месяцев шесть, иногда дольше.»

«Шесть месяцев! — воскликнул я. — Да у меня договор с университетом истекает в конце этого месяца! Через полтора месяца я уже должен приступить к работе в каком-нибудь из городов Америки!»

«Ну, не исключено, что при таких уважительных обстоятельствах нам удастся несколько ускорить дело, но беседа с чиновником все равно абсолютно обязательна. Тут ничего сделать нельзя.»

«Хорошо, я согласен. Когда мы можем с ним встретиться?»

«На весь Дальний Восток у нас сейчас всего один такой чиновник, и он, к сожалению, побывал здесь три недели назад.

Сейчас он на Окинаве.»

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, стараясь сдержать нарастающий гнев.

«И когда же он вернется на Тайвань?»

«Я полагаю, что его следует ожидать где-то в конце августа. Но, знаете что, — я отправлю ему телеграмму и запрошу, что делать в этом случае.»

Мы с Барбарой очередной раз оказались в тисках бюрократической машины. Рассказывая за ужином о разочаровывающих результатах утреннего визита в посольство, я видел, как Барбара изо всех сил старается скрыть свое огорчение. Несколько дней спустя я обсудил создавшееся положение с правлением Фулбрайтоаского фонда, и они любезно согласились продлить мою стипендию еще на месяц. Тем временем из посольства сообщили, что мы должны отправить все наши документы в Японию, где пресловутый чиновник по особым делам должен сделать очередную остановку. Это позволит ему начать требуемую процедуру еще до прибытия на Тайвань.

Мы тотчас собрали все необходимые бумажки, включая список людей, которые знали нас в Штатах и могли дать нам рекомендации, и пакет был отправлен в Японию следующей же дипломатической почтой. Теперь нам оставалось ждать естественного развития событий.

В июле я снова позвонил в посольство, чтобы узнать, как продвигаются дела. Консульский чиновник обещал поинтересоваться. На следующий день он позвонил, чтобы извиниться — наш пакет каким-то образом был отправлен не туда. Еще через два дня он позвонил снова — пакет нашелся и находится на пути в Японию. Китайская бюрократия выпустила нас, зато теперь мы попали в столь же цепкие когти бюрократии американской.

Наконец, в середине августа чиновник по особым делам прибыл на Тайвань. Наша беседа с ним прошла без сучка, без задоринки. На следующий день я снова поехал в посольство и получил визу на въезд Хсин-Мей в Соединенные Штаты — получил буднично и просто, без фанфар и литавр. Шесть дней спустя наша троица уже была в аэропорту, готовясь к посадке на самолет китайской авиалинии, следовавший из Тайпея в Нью-Йорк.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ, перечитывая дневник, который она вела в те дни на Тайване, Барбара обнаружила, что в то самое воскресенье, когда мы вылетали **из** Тайпея, в Израиле и Соединенных Штатах все еще была суббота, *шабес, шабат*, и *Гафтара* (глава из Танаха, традиционно читаемая вместе с

еженедельной главой Торы), которая выпала на тот день и произносилась во всех синагогах, начиналась со слов: «Возвеселись, бесплодная, нерождающая, воскликни и возгласи… потому что у оставленной гораздо больше детей, нежели у имеющей мужа…». (*Йешайя*, 54:1)

Часть вторая. ЗАРНИЦА

Тогда, как зарница, пробьет свет Твой,
Расцветет исцеление Твое…
Йешайя. 58:8

Глава 1. Через Аляску домой и в Новый дом…

ПОСЛЕ ТОГО, как мы целый месяц проплутали на поворотах, ухабах и рытвинах бюрократических «американских горок», нас, вдобавок, заставили судорожно гоняться за своими собственными бумагами по лабиринтам правительственных департаментов, — разумеется, мы были в полном изнеможении. В самолете мы сидели, словно оглушенные, в состоянии душевной и физической прострации.

Перелет в Нью-Йорк, как назло, был долгим и утомительным, — сначала пересадка в Токио, потом остановки на острове Гуам и на Аляске.

Но вот, наконец, самолет приземлился в нью-йоркском международном аэропорту имени Кеннеди. Родители Барбары и моя мать уже ожидали нас на выходе. Только тут, во время невольной заминки, пока шла проверка наших паспортов и выдача багажа, мы впервые забеспокоились — а какова, собственно, будет реакция наших «стариков» на их новоявленную китайскую внучку. До сих пор все наши решения, касавшиеся Хсин-Мей, были совершенно спонтанными: мы действовали по велению сердца, а не разума. Мы ничего не рассчитывали наперед и нимало не задумывались о возможных последствиях своего поступка. И вот теперь нам предстояло поставить наших родителей перед крохотным «свершившимся фактом»; этот «факт» абсолютно и решительно не походил ни на одного из членов нашей семьи и, вдобавок, был совершенно неизвестного происхождения.

Встреча вызвала много слез и не меньше радости. Но одновременно, оказавшись в горячих объятиях самых близких нам людей, мы вдруг ощутили, что все наши сомнения и страхи исчезают сами собой — новоявленные бабушки по очереди тискали маленькую Хсин-Мей так, словно она и в самом деле была их настоящая, родная, плоть от плоти и кровь от крови, внучка.

Хоть путь к родителям Барбары, на Кони-Айленд, и был неблизким, за время, ушедшее на дорогу, ответить на обрушившиеся на нас потоком вопросы и рассказать обо всем, что произошло, было, конечно, невозможно. Поэтому дома, едва распаковав вещи, мы продолжили наш рассказ, который в итоге затянулся далеко за полночь. А потом мы с Барбарой просто

свалились от усталости, и последнее, что я слышал, погружаясь в блаженный сон, были ритмичные сигналы прибрежных бакенов да воркование бабушек над их новообретенной питомицей.

ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД мы ужасно запустили нашу переписку с родными, и поэтому теперь они жадно выпытывали все детали нашего житья-бытья на Тайване. Вдобавок, гурьбой повалили родственники и знакомые, так что, в целом, последующие десять дней прошли в сплошных рассказах (и повторениях рассказов) обо всем, что произошло за те тринадцать месяцев, что мы провели в Китае. В то же время мы готовились к предстоящему неизбежному отъезду в весьма неблизкий город, где я получил свою новую должность ассистента профессора на факультете социологии и антропологии.

Как легко можно вообразить, в нашей квартире царили непрерывные шум и суматоха.

Любопытно, однако, что Хсин-Мей воспринимала окружавшее ее лихорадочное возбуждение с полным хладнокровием и казалась поразительно спокойной для младенца трех месяцев от роду, к тому же только что совершившего почти кругосветный перелет. Ее нисколько не смущал поток людей, который проплывал перед ее глазами, когда чуть ли не каждый хотел посмотреть на китайскую невидаль и подержать ее на руках.

В числе визитеров было много родственников, которые раньше не бывали у нас годами. Пришли и религиозные родичи Барбары. Обе наши матери выросли в религиозных семьях, но, как и многие женщины их поколения, вышли замуж за мужчин из совершенно секулярной среды. Результатом таких браков бывают обычно семьи, сохраняющие память о еврейской культуре и многие внешние приметы иудаизма, но совершенно лишенные духовности и глубины подлинно религиозных домов. Мы с Барбарой получили очень куцее еврейское воспитание, которое в моем случае свелось к внешкольным приготовлениям к *бар-мицве*, а в ее — к немногочисленным урокам еврейского языка и истории.

Мать Барбары была родом из большой семьи, в которой выросли пять дочерей и три сына. Шестеро из этих восьми «продолжателей» рода в том, что касается строгости соблюдения *мицвот*, занимали позиции от банального традиционализма до полного секуляризма; двое были настоящими религиозными евреями. Ребенком Барбару часто приглашали на Песах и другие праздники в один из двух религиозных домов, так что она сохранила с этой семьей тесные отношения; тем не менее, я заметил, что ее члены отнеслись к нашей Хсин-Мей довольно холодно и отчужденно. Впрочем, тогда я объяснил это

обстоятельство свойственной им общей замкнутостью и узостью взглядов и не придал ему особого значения;

только годы спустя я понял, что это означало в действительности.

Наше пребывание дома кончилось слишком быстро. Каких-нибудь две недели спустя, упаковав все свои нехитрые пожитки в автомашину и погрузив туда же Хсин-Мей, мы двинулись в пятичасовый путь к своему новому далекому дому. Родители, опечаленные нашим очередным отъездом, на сей раз могли хотя бы утешаться мыслью, что мы не отправляемся в далекий Китай. Теперь мы поселились «на расстоянии» простого телефонного звонка.

Глава 2. Рош-а-Шана

НАШЕ НОВОЕ место жительства весьма отличалось от Нью-Йорка, что уже само по себе было приятным сюрпризом. Это был очаровательный живописный городок с широкими улицами, вдоль которых тянулись шпалеры аккуратно подстриженных деревьев и двухэтажные частные особняки, расположенные на просторных зеленых участках.

Повсюду виднелись исторические памятники, там и сям торчали церкви с их шпилями и колокольнями, их окружали общественные парки, сады и скверы. Наши близкие друзья Мак-Гратсы сняли для нас прелестный дом, окруженный тенистыми деревьями и кустами азалий.

Поначалу устройство на новом месте занимало все наше время и внимание. Нужно было купить мебель и хозяйственные приспособления, зарегистрировать машину, окончательно согласовать договор с телефонной и страховой компаниями и, вдобавок, — подготовиться к занятиям в университете. Однажды утром, сидя в нашей выложенной сосновыми панелями кухне и прихлебывая кофе, я случайно глянул на календарь. Всего одна неделя отделяла нас от еврейского нового года.

Хотя соблюдение религиозных обрядов никогда не играло особой роли в нашей жизни, мы всегда посещали праздничные Б-гослужения — даже на Тайване, где нам приходилось присоединяться к американским военнослужащим, молившимся в армейской синагоге.

«Как полагаешь, где мы будем встречать Рош-а-Шана в этом году? — спросил я Барбару. — Мы здесь не записаны ни в одну синагогу…»

«Понятия не имею, — ответила Барбара. Может быть, нам нужно заранее позаботиться о местах в синагоге?»

«Подожди-ка, — перебил я ее. — Я смутно припоминаю, что во вчерашней газете было какое-то упоминание о праздничной церемонии в Еврейском общинном центре. Сейчас поищу. — С этими словами я начал рыться в бумагах на столе. — Вот оно! «Прогрессивная синагога *Ор Эмет*» сердечно приглашает всех желающих, в том числе новых и еще не успевших определиться членов еврейской общины, участвовать в Б-гослужении, проводимом нашей синагогой в Еврейском общинном центре. Новогодняя служба начнется в четверг, в десять тридцать утра. Вход свободный.»

«Ну, что ты на это скажешь?»

«Скажу: почему бы нет? — ответила Барбара. — Все равно большого выбора у нас нет.»

С НАСТУПЛЕНИЕМ ПЕРВОГО ДНЯ Рош-а-Шана мы оставили Хсин-Мей на попечение приходящей няньки, а сами отправились за пять миль в общинный центр. Когда мы подъехали, автомобильная стоянка рядом с Центром была уже забита машинами.

ˆПрим. автора: во избежание разного рода неудобств и недоразумений, многие имена и названия, приведенные в этой книге, несколько изменены.

«Ты только посмотри, какая толчея, — сказал я. — Одно из двух: либо это очень популярное место, либо в общине полным-полно не приписанных ни к одной синагоге евреев.»

«Лично я склоняюсь ко второму предположению», — ответила Барбара.

Главная аудитория Центра была забита так, словно в ней должно было состояться эстрадное представление. Стены были покрыты остатками плакатов от прежних собраний, литые пластмассовые стулья расставлены ровными рядами.

Мы осмотрелись. Большинство собравшихся составляли хорошо одетые молодые пары, среди которых изредка попадались люди постарше и подростки. Входя в зал, я надел *кипу*, но почти сразу заметил, что моему примеру последовали далеко не все.

На каждом стуле лежал пакет переснятых на ксероксе и скрепленных вместе листков. Ожидая начала Б-гослужения, мы пролистали эти «молитвенники». Они представляли собой весьма эклектический набор отрывков из произведений различных авторов, в том числе Уитмэна, Фроста, Гибрана, Бя-лика, Мильтона и Донна; сюда же входили несколько псалмов в английском переводе, всевозможные прозаические фрагменты, песни и молитвы.

В половине одиннадцатого перед нами появился человек лет тридцати с лишним, который подошел к микрофону и представился как президент общины. Он сообщил, что община *Ор Эмет* существует всего один год. Она возникла по инициативе и благодаря усилиям нескольких семей, которые объединились с благородной целью создания современной, прогрессивной религиозной группы, способной связать классический иудаизм с нынешней действительностью. Подход общины, продолжал он, состоит в «многонаправленности» и сочетает в себе терпимость, разнообразие подходов и плюрализм. Община стремится пропагандировать соблюдение традиций, но ни в коем случае не прибегает к религиозному насилию.

«Если кто-либо хочет носить и *кипу*, и *талит*, —

провозгласил он, — почему бы и нет, у нас он имеет возможность поступать как ему заблагорассудится.

Если он захочет носить *кипу*, но предпочитает обходиться без *талита*, или, наоборот, *кипе* предпочитает *талит*, мы его хорошо поймем. А если он решит обойтись без того и без другого и вообще без ритуальных принадлежностей, то, на наш взгляд, и это вполне приемлемо.»

В этом месте я наклонился к Барбаре и шепнул:

«А если кто-нибудь хочет носить колокольчики на шутовском колпаке, то и это в порядке вещей?»

Она с силой толкнула меня локтем в бок.

Оратор тем временем продолжал:

«Эта философия «многонаправленности» определяет и наш подход к молитве. Материал, который вы нашли на своих местах, был приготовлен членами нашего «ритуального комитета». Находящаяся в ваших руках подборка включает в себя вдохновляющие отрывки из многих источников, а также оригинальные молитвы, написанные нами самими. Наконец, я хочу подчеркнуть, что одним из основных принципов нашей общины является полное равноправие полов. — Он выдержал паузу, но аплодисментов не последовало. — А теперь разрешите представить вам нашего раввина.»

На сцену вышел высокий, приятного вида молодой человек. Подобно президенту, он тоже не носил *кипу*.

Подойдя к микрофону, он начал службу, которая состояла из чтения хором, отдельными «исполнителями» или про себя отрывков из розданного нам материала. Для чтения некоторых отрывков рабби приглашал к микрофону некоторых членов общины с тем, чтобы они руководили совместным «исполнением».

Чтение время от времени прерывалось пением, которым руководила какая-то студентка с гитарой в руках, обладавшая очень приятным голосом.

Песни были очень знакомые, такие как «Ветерок траву качает», *«Яасэ Шалом»*, «Одолеем, одолеем…» и, разумеется, «-Гуне *ма* тов».

«Интересно, а заявки на этом концерте принимают?» — спросил я шепотом Барбару, за что заработал еще один удар локтем в ребро.

Почитав и попев таким образом около сорока пяти минут, аудитория замолчала, и наступила очередь раввина. Он прочитал проповедь, в которой говорилось, главным образом, о применимости иудаизма к современным вопросам и проблемам.

Он напомнил, что некогда Тора, этот свод этических откровений, возникла как ответ на жгучие вопросы, стоявшие

перед древними израильтянами. Задача евреев сегодня, заявил он, состоит в том, чтобы воссоздать эти древние этические рамки таким образом, чтобы, опираясь на них, можно было преодолевать текущие трудности.

Его красноречивая проповедь продолжалась около тридцати минут, после чего опять, на этот раз минут на пятнадцать, возобновилось пение гимнов.

Ровно в двенадцать президент снова появился на сцене. Он поблагодарил всех собравшихся и пригласил их вновь посетить Центр в Йом Кипур.

По пути домой я спросил Барбару, как ей понравилось это Б-гослужение.

«Немного непривычно, — ответила она. — Они практически не говорили на иврите. Некоторые отрывки были очень неплохими, но, в целом, служба показалась мне бессвязной чередой кусков и фрагментов. Не было ничего такого, что задело или тронуло бы меня. А ты что скажешь?»

«Мне казалось, что я сижу на университетской лекции, — сказал я. — И потом, я не нахожу, что все эти новые молитвы, которые они придумали, лучше старых. Но я должен отдать им должное — они открыли свои двери всем желающим и постарались, чтобы каждый чувствовал себя хорошо.»

В ТОТ ВЕЧЕР, покончив с ужином и уложив Хсин-Мей спать, Барбара надолго задумалась.

«Сегодня утром, в синагоге, — сказала она, наконец, — я вдруг подумала, что мы с тобой евреи просто потому, что наши родители евреи и их родители тоже были евреями… Но ведь это не относится к Хсин-Мей, правда? Я помню, нас учили в школе, что евреем является лишь тот, у кого мать еврейка, и я подумала, что хоть мы с тобой и не знаем, кем была мать нашей Хсин-Мей, но уж еврейкой-то она наверняка не была.»

«Иными словами, ты хочешь сказать, что мы с тобой евреи, а наша Хсин-Мей — нет?»

«Вот именно! И дело еще осложняется тем, что она китаянка. Достаточно будет на нее взглянуть — никто никогда не поверит, что она еврейка.»

Я понял, что Барбара права.

«Что же мы, по-твоему, должны сделать?»

«Я думаю, проще всего обратить ее в иудаизм. Я не знаю толком, что для этого требуется, но раз мы с тобой оба евреи, то, наверное, это не очень сложная процедура.»

«Да, но к кому нам обратиться? Мы здесь так недавно, никого еще толком не знаем…»

«Я думаю, нам нужно обратиться к ортодоксальному раввину,

— решительно заявила Барбара. — В этом случае никто не посмеет усомнится в том, что Хсин-Мей еврейка — ведь ее обращение будет одобрено самой строгой, самой традиционной ветвью иудаизма! «

«Я надеюсь, что хоть одна ортодоксальная синагога в городе есть, — сказал я, протягивая руку за телефонным справочником. — Ага, вот оно — Синагоги — Еврейские — Ортодоксальные! Община *Шаарей Эмет*. Смотри, какое забавное совпадение! Почти все общины в этом городе имеют сходные названия. Община, где мы с тобой были сегодня, называется *Ор Эмет* — «Свет Истины»; та, которую я нашел в справочнике, — *Шаарей Эмет*, «Врата Истины»; а рядом с ней зарегистрирована еще одна, консервативная, община — так она называет себя *Бней Эмет*, то есть «Сыны Истины». Каждый претендует на то, что именно он открыл самый надежный путь к истине.»

Я ухмыльнулся — это было и впрямь забавно.

«Интересно, а в чем действительно состоит истина?»

Глава 3. Ортодоксальный раввин из общины Шаарей Эмет

СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ Рош-а-Шана я связался с ортодоксальным раввином из общины *Шаарей Эмет*. По телефону он показался мне не слишком общительным, но, тем не менее, согласился встретиться с нами после праздников, так что мы сразу же договорились о свидании.

Раввин встретил нас в своем рабочем кабинете — маленькой комнатке, где буквально каждый квадратный дюйм площади стены был занят книгами. На столе лежал огромный раскрытый фолиант. Возраст рабби Бергера было трудно определить, так как почти все его лицо покрывала густая темная борода внушительного размера. Вероятно, ему было около сорока лет.

Он предложил нам сесть, и я объяснил, что мы хотели бы обсудить с ним вопрос об обращении нашей приемной дочери в иудаизм. Попутно я изложил ему всю историю Хсин-Мей. Поскольку мы с женой евреи, продолжал я, то вполне естественно, что нам хотелось бы, чтобы и наша дочь была еврейкой.

Рабби Бергер слушал меня внимательно. Когда я закончил свой рассказ, он стал расспрашивать нас о нашем еврейском прошлом. Барбара изложила ему то немногое, что перепало нам по части еврейского образования, попутно упомянув, что мы с ней не очень соблюдаем традиции, но — оба — глубоко и серьезно ощущаем свои еврейские корни.

Выслушав Барбару, рабби откинулся в кресле и устремил взгляд в потолок. После продолжительного молчания он произнес:

«По-видимому, вы понимаете, что ребенок, родившийся от нееврейской матери, по еврейскому закону считается нееврeем. Тот факт, что вы удочерили вашу девочку в полном согласии с гражданским законом, и что вы оба евреи, не меняет ее религиозного статуса. Она не еврейка, потому что кровные и родственные связи не могут быть ни расторгнуты, ни созданы по желанию людей. Приемный ребенок сохраняет тот же статус, что и его биологические родители.»

«Извините меня, рабби, — вмешалась Барбара. — Почему вы говорите о “родителях”, а не просто о матери? Мне всегда казалось, что только еврейство или нееврейство матери определяет религиозный статус ребенка.»

Рабби согласился, что, в общем, это действительно так. Тем

не менее, существуют специфические еврейские особенности, которые ребенок наследует от отца.

«Например, если биологический отец ребенка является *когеном* или *левитом,* — сказал рабби, — а приемный отец им не является (или наоборот), ребенок сохраняет тот же статус, что и его биологический отец.»

«Но как же быть в нашем случае, — спросил я, — когда оба родителя вообще неизвестны? Как можно с уверенностью утверждать, что биологическая мать нееврейка? В конце концов, в свое время существовали вполне аутентичные китайские евреи!»

«Ну, что ж, Талмуд отвечает и на этот вопрос. Существует категория так называемых *асуфим*, к которой относятся все дети, найденные “на улице”, то есть родившиеся от совершенно неизвестных отцов и матерей. *Гемара* рассматривает и категорию так называемых *штуким*, то есть детей, мать которых известна, а отец — нет. Но этот последний случай сейчас нас не интересует. Что же касается *асуфим*, то тут решение вопроса о происхождении ребенка зависит от национального состава большинства населения, а оно на Тайване является *безусловно* нееврейским.

Вы, конечно, можете сказать, что на Тайване находятся американские военнослужащие, расквартированные или отдыхающие там, один из которых мог быть биологическим родителем вашего ребенка, но на это я вам отвечу, что большинство американских военнослужащих на Тайване — это мужчины, а не женщины, что же касается находящихся там американских военнослужащих-женщин, то вероятность, того, что среди них есть еврейки, крайне мала.»

С этим я вынужден был согласиться. Рабби Бергер продолжал:

Вот если бы вы нашли вашу девочку на вокзале в Тель-Авиве, ситуация была бы совершенно иной. Поверьте — во многих, очень многих отношениях было бы куда проще, если бы можно было со всей очевидностью доказать, что биологическая мать приемного ребенка нееврейка. Это полностью исключило бы вероятность того, что ребенок является *мам-зером*, то есть рожден от незаконной связи, в которую вступила еврейская мать. В любом случае, как вы уже сами, наверное, понимаете, для того, чтобы ваш приемный ребенок мог считаться евреем, он должен пройти процедуру обращения в иудаизм — *гиюр*.

«В чем она состоит?» — спросила Барбара.

«Прежде всего, *гиюр* может быть осуществлен только с разрешения раввинского суда — *бейт-дина,* — который состоит из, по крайней мере, трех хорошо разбирающихся в этом вопросе мужчин, и, разумеется, в присутствии его членов. Мальчики должны пройти обрезание, которое проводит компетентный

моэль, а затем совершить погружение в специальный ритуальный бассейн — *микву*. Для девочек требуется только погружение в *микву*.

После этого ребенку дается еврейское имя, и члены *бейт-дина* произносят над ним соответствующие благословения.» До сих пор его слова не предвещали особых затруднений. «Как нам организовать эту процедуру для нашей дочери?» На этот раз рабби молчал почти целую минуту. *Организовать* не так-то просто. Прежде всего, основное требование к кандидату состоит в том, что он — или она — должны *сами* высказать пожелание выполнять все *миц-вот* — заповеди Торы. Но ребенок, не достигший совершеннолетия, *галахически* не способен дать такое обещание. Тем не менее существует мнение, согласно которому *бейт-дин* обладает достаточной властью, чтобы *одарить* ребенка приобщением к еврейству, поскольку это, по сути, равносильно наделению его различными привилегиями, — *зхут* на иврите — а еврейский закон предусматривает, что поощрение можно произвести и без ведома награждаемого. Но эта огромная привилегия может быть предоставлена лишь тем, кто ведет полноценную еврейскую жизнь в точном соответствии с предписаниями Торы. гиюр

Следует иметь в виду, — продолжал рабби, — что человек, прошедший *гиюр*, принимает на себя обязательство неукоснительно соблюдать все *мицвот*. Поэтому я полагаю, что было бы ошибкой делать *гиюр* ребенку, зная, что он будет после этого жить в семье, где *мицвот* не выполняются, где суббота не соблюдается, где пренебрегают *кашрутом* и другими предписаниями Торы. Наоборот, если в этом случае мы оставим ребенка нееврем, ситуация будет гораздо здоровее — ведь к неевреям не предъявляются все эти требования. Если они следуют нескольким заповедям, определяющим общечеловеческое нормативное поведение, их вполне можно считать людьми праведными и достойными.

Постарайтесь понять, что дело тут не в расе — ничто не изменилось бы, если бы ваш ребенок был не китайцем, а, скажем, эскимосом или негром.

Единственное по-настоящему существенное обстоятельство — это образ жизни семьи, в которой ребенок будет жить после *гиюра*. В данном случае все довольно ясно — ваша семья не является религиозной еврейской семьей, соблюдающей заповеди, не правда ли?»

«Иными словами, вы отказываетесь произвести *гиюр*?»

Я был искренне поражен. Мне казалось, что мы, евреи, должны быть счастливы принять в свои ряды всякого нового

члена.

«Именно так, — подтвердил рабби Бергер. — Если, однако, вы начнете изучать Тору и жить согласно ее законам, мы всегда сможем вернуться к этому вопросу.»

«А что означает такое превращение?» — не отступала Барбара.

«Мы уже упоминали соблюдение *субботы* и *кашрута*. Есть и другие законы, требующие, в частности, соблюдения приличий в одежде и речах, выполнения заповедей, связанных с различными праздниками, обязательного произнесения молитв и накладывания *тфилин*. Это, конечно, лишь малая часть того, что требуется от религиозного еврея. В целом. Тора требует исполнения 613 *мицвот*. Их изучение требует определенных усилий и времени, но зато оно и вознаграждается соответственно.»

«Понятно, — сказала Барбара упавшим голосом. — Ну что ж, большое спасибо вам за время, которое вы на нас потратили.»

Я пожал рабби руку, и мы с Барбарой вышли на улицу.

Оказавшись за дверью, Барбара сказала:

«Все, что он сказал, звучит вполне здраво, но его требования просто несуразны. Я даже не представляю, с чего мы могли бы начать!. Но что же мы теперь будем делать?»

«Ну, это-то просто! — воскликнул я, надеясь подбодрить ее своим бойким тоном. — Мы отправимся к консервативному раввину — тому, что возглавляет “Детей Истины”!

Глава 4. Консервативный раввин из синагоги Бней Эмет, духовный наставник прогрессивной общины Ор Эмет

ПОЙМАВ ПО ТЕЛЕФОНУ секретаршу консервативного раввина, я договорился о встрече с ним в тот же день, в два часа пополудни. Мы отправились к нему сразу же после ланча.

Синагога *Бней Эмет* размещалась во внушительного вида каменном здании, стоявшем на углу обычной жилой улицы и окруженном поднимавшимися одна над другой зелеными лужайками и красивыми, аккуратно подстриженными деревьями.

Кабинет рабби, в отличие от кабинета его ортодоксального коллеги, представлял собой просторную, обитую дубовыми панелями комнату в учебном крыле синагоги. На стене, в аккуратных рамочках, висело множество дипломов и удостоверений.

Два самых эффектных из них свидетельствовали о том, что хозяин кабинета получил раввинское звание в Еврейской Теологической Семинарии, а докторскую степень по истории — в Колумбийском университете. Прочие дипломы констатировали его членство во всевозможных религиозных и филантропических обществах. Сам рабби, доктор Гирш, был высоким, почтенного вида человеком лет пятидесяти пяти.

Его лицо обрамляли элегантные седые бакенбарды и небольшая бородка. Мы уселись в удобные кресла, а Хсин-Мей вполне удовольствовалась лежавшим на полу толстым ковром.

Я еще раз произнес заранее заготовленную речь: рассказал о том, как нашел Хсин-Мей на вокзале, и сообщил, что мы хотим обратить ее в иудаизм. Рабби Гирш нисколько не замешкался с ответом.

«Просто поразительно! — сказал он с энтузиазмом. — Меня всегда очень интересовала китайская история. Вам известно, наверное, что в Кайфенге, в глубине континентального Китая, в свое время существовала довольно крепкая община китайских евреев? У меня была возможность увидеть созданный ими свиток Торы во время моего недавнего визита в Цинциннати.»

«Да, конечно, рабби, — сказал я. — Я читал об этом. Вся эта история очень интересна, но, к сожалению, сегодня от этой некогда процветавшей общины не осталось и следа. Может быть,

от нашей дочери со временем произойдут новые поколения китайских евреев… но это, кстати, возвращает нас к вопросу о ее *гиюре.»*

«Ах да, *гиюр*… На мой взгляд, с ним не должно быть проблем. Я с удовольствием подготовлю все необходимые документы, удостоверяющие, что она еврейка.»

Барбара была ошеломлена.

«И для этого не потребуется даже погружение в *микву?»* — спросила она.

«Ну, если вы настаиваете, мы можем договориться, чтобы ее окунули в плавательный бассейн в Еврейском общинном центре…»

По выражению лица моей жены я понял, что она растеряна не меньше моего.

«И это будет считаться *гиюром?»*

«Есть несколько авторитетных высказываний, которые можно трактовать как разрешение использовать плавательный бассейн в качестве *миквы,* — доверительно сказал рабби.

— В общем, когда вы решите приступить к делу, созвонитесь, пожалуйста, с моей секретаршей. Она даст вам бланки, которые необходимо заполнить. Как только вы сообщите ей все эти данные, я сразу же подготовлю требуемые документы. Ну и конечно, вам придется заплатить небольшую сумму — административные расходы, вы понимаете!»

Это-то мы понимали.

«Насколько я понимаю, вы совсем недавно в нашем городе, — продолжал рабби, — и, скорее всего, еще не принадлежите ни к одной общине. Мы будем рады, если вы серьезно обдумаете возможность присоединиться к *Бней Эмет.* Могу вас заверить, что в общине, объединяемой нашей синагогой, состоит много таких же интеллигентных семей, как ваша, и вообще — мы самая большая еврейская община в городе. Моя секретарша, мисс Гольдберг, может дать вам всю необходимую справочную литературу.»

«Благодарю вас, рабби, — сказал я. — Если я правильно вас понял, вся процедура *гиюра* заключается в заполнении определенных документов?»

«Совершенно верно, — ответил он. — Как я уже сказал, вы должны будете сообщить нам некоторые данные, — в частности, ваши еврейские имена и имена ваших родителей, — но, в общем, все это совсем не сложно. А сейчас, извините, — через несколько минут у меня назначено еще одно свидание. Впрочем, я буду рад встретиться с вами в самое ближайшее время и несколько основательнее обсудить ваши впечатления о Китае и ваш взгляд

на китайскую культуру. Всего хорошего — и добро пожаловать в нашу синагогу!»

Барбара взяла у секретарши набор брошюр, распространявшихся среди членов синагоги. На обратном пути мы заглянули в некоторые учебные классы и ознакомились с содержанием прикрепленных к стенам информационных бюллетеней.

ТОЛЬКО ПО ДОРОГЕ домой я дал волю обуревавшим меня чувствам:

«Если послушать рабби Гирша, то принять иудаизм так же просто, как войти в распахнутую дверь. В том, что он сказал, вообще много странного, но это, пожалуй, удивительнее всего. Его подход к вопросу о *гиюре* показался мне несерьезным, даже поверхностным! Знаешь, получить американское гражданство — и то, по-моему, сложнее. Я как раз на прошлой неделе звонил в Отдел иммиграции и натурализации — хотел узнать, что необходимо сделать для натурализации Хсин-Мей. Оказалось, что, прежде всего, нужно подождать три года. Затем необходимо будет представить подлинные документы, удостоверяющие наше собственное гражданство. Далее предстоят еще юридическая процедура и церемония присяги, которую антрополог назвал бы “инициацией”. У первобытных племен таким образом отмечали переход из одного статусного состояния в другое.»

Барбара не отзывалась и внимательно разглядывала пейзаж, проносившийся за окном, но я знал, что она настороженно слушает.

«Если верить этому рабби, — продолжал я, — то для *гиюра* ничего такого не требуется. Если для того, чтобы сделать *гиюр*, достаточно всего лишь заполнить несколько бланков, то, может быть, нам вообще не стоит беспокоиться о том, что Хсин-Мей его не прошла.»

«Меня тоже многое удивило, — отозвалась, наконец, Барбара. — И еще эта история с *миквой* — мне почему-то не кажется, что плавательный бассейн — такая уж подходящая ей замена. В любом случае, я не хотела бы так уж сразу оста-

новиться на достигнутом. Ты всегда меня учил, что сначала нужно изучить все возможные решения, и лишь затем делать свой выбор.»

«Я и сейчас готов это повторить.»

«В таком случае, — сказала Барбара, — нам предстоит ознакомиться с еще одним решением.»

«Ты совершенно права, — согласился я. — Я сегодня же туда позвоню и выясню, сияет ли он еще!»

«Кто?»

«Ты разве забыла — “Свет Истины”!»

В ХОДЕ ТЕЛЕФОННОГО разговора рабби Клейн, духовный наставник прогрессивной общины *Ор Эмет*. показался мне очень сговорчивым.

«Разумеется, я буду очень рад обсудить вопрос о *гиюре* вашей дочери, — сказал он немедленно. — К сожалению, в организационном плане мы находимся сейчас между двух стульев и, пока строится наше собственное здание, вынуждены делить помещение с общиной квакеров на Форест-авеню. Хотите встретиться там со мной — вы и ваша супруга — во вторник в три часа пополудни?»

Во время встречи рабби проявил неподдельный интерес к моему рассказу. Как только я закончил, он тотчас откликнулся:

«До сих пор в своей практике я сталкивался только с процедурой *гиюра* для взрослых. История вашей дочери — это событие, которое всколыхнет всю общину. Если я не ошибаюсь, во время нашего телефонного разговора вы упомянули, что были у нас в Рош-а-Шана? В таком случае, вы уже имеете представление о нашем подходе к религии. Мы стремимся к тому, чтобы члены нашей общины были лично вовлечены в религиозную службу. Я попрошу вас подготовить к церемонии *гиюра* небольшую вступительную речь, желательно сопровождаемую слайдами, привезенными вами из Китая, и музыкальными заставками. Я охотно помогу вам подготовить это вступление, подберу подходящие еврейские источники. Заодно мы придумаем такое еврейское имя для вашей дочери, которое явилось бы синтезом ее китайской и еврейской сущностей.»

«Рабби Клейн, а как насчет погружения в *микву*?»

«Лично я никогда этого не требую, миссис Шварцбаум! Кроме того, доступ к *микве* для нас несколько затруднен, поскольку группа, которая контролирует этот ритуальный бассейн в нашем городе, допускает в него только определенных людей.»

«Что это за группа?» — спросил я.

«Ортодоксальная община.»

«Рабби, я хотела бы ясно понять, будет ли *гиюр*. проведенный по вашим правилам, признан всеми без исключения?»

Рабби Клейн слегка замешкался с ответом на вопрос Барбары:

«Ну, я должен признаться, что значительная часть еврейской общины, большой и очень неоднородной, скорее всего, не согласится признать наш *гиюр* законным, — произнес он деланно-небрежным тоном. — Такова реальность, с которой нам приходится сталкиваться. Но с другой стороны, подумайте, какая другая процедура *гиюра* доставит вам столь глубокое личное переживание, какой другой подход столь ярко и многогранно

подчеркнет значительность и содержательность нашего общего еврейского наследия?»

«Я не совсем понимаю, — отважился вступиться я, — в каком смысле слайды с видами Китая и музыкальные заставки помогут нам приобщиться к нашему еврейскому наследию?»

«Иудаизм, — напыщенно произнес рабби, — требует активного интеллектуального действия, а не механического, рефлекторного следования устарелым формам. Наш подход позволяет сочетать старое и новое, современный опыт и исторические воспоминания.»

Мы поблагодарили и откланялись. Выйдя из украшенной деревянными панелями церкви квакеров, мы неторопливо пошли к своей машине, наслаждаясь красками листопада и бодрящим осенним воздухом.

«Я боюсь даже спрашивать о твоем впечатлении», — сказала Барбара.

«Последний раз я участвовал в таком спектакле типа “Покажи-и-расскажи” еще когда учился в третьем классе, — сказал я. — Я тогда принес в класс птичье гнездо, которое нашел в лесу. Помню, учитель очень заинтересовался, но класс все это время отчаянно скучал. Увы, сегодня я уже не третьеклассник, да и Хсин-Мей — не птичье гнездо.»

Глава 5. Гиюр по Галахе

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, перед тем как отправиться в университет, мы с Барбарой по свежим следам подробно обсудили наши недавние впечатления.

«Ортодоксального раввина я до какой-то степени даже могу понять, — сказал я. — Он, по крайней мере, последователен. Имеются определенные условия, требования, если угодно — правила перехода в иудаизм, и пока эти правила не выполнены, человек не может считаться евреем.»

«Но одна проблема все же остается, — возразила Барбара. — Он не уточнил, что это за правила, и не разъяснил, как мы можем их выполнить. Продолжая твою мысль, можно констатировать, что у нас нет ни малейшего представления о том, какова плата за вход в этот “клуб”, и к чему мы, собственно, будем допущены, если ее уплатим.»

«Согласен. Невозможно стать ортодоксальным евреем, просто нажав некую кнопку, и, во всяком случае, даже напрягая воображение, я не могу представить себя завтра утром соблюдающим *кашрут*, равно как и прочие предписания, о которых он говорил. Что же до других раввинов, то я вообще не могу всерьез к ним относиться. Они мне кажутся такими поверхностными, такими интеллектуально пустыми, что я просто не вижу смысла совершать *гиюр* нашей Хсин-Мей в предлагаемой ими “неортодоксальной” форме. Это было бы только жестом, процедурой, лишенной серьезного содержания.»

«Что же нам в таком случае остается?»

«То же, что и раньше. Мы с тобой остаемся тем, чем были — двумя еврейскими родителями с нееврейской китайской дочерью на руках.»

«Ты прав, я тоже не вижу, что мы еще можем сделать при таких обстоятельствах, — согласилась Барбара. — Все это крайне огорчительно. Но все-таки, я кое-что поняла за эти последние недели.»

«Что именно?»

«Что я практически ничего не знаю об иудаизме. Мы с тобой суетимся, пытаясь сделать нашу дочь еврейкой, а, между тем, сами понятия не имеем, что это, в сущности, значит — быть евреем.»

НЕДЕЛИ СКЛАДЫВАЛИСЬ в месяцы, месяцы — в годы. Наш домашний распорядок определялся сменявшимися временами года, университетским календарем, каникулами и отпусками, а также поездками к родным.

Невзирая на занятость, мы выкраивали время для регулярного чтения самых различных книг на еврейские темы. Наше чтение не отличалось особой систематичностью, мы читали все, что попадалось под руку, — романы, исторические очерки, эссе, полемические статьи, социальные исследования, работы по теологии и философии. Не присоединяясь формально ни к одной общине, мы регулярно посещали интересовавшие нас мероприятия в Еврейском общинном центре и местных синагогах. Круг наших друзей и знакомых, состоявший из сотрудников университета и членов местной китайской общины, был открыт для китайских студентов, учившихся в соседних университетах и колледжах.

Время от времени случались забавные инциденты, которые напоминали нам о необычном религиозном статусе нашей Хсин-Мей.

Мы арендовали наш дом у супружеской четы, которая сравнительно недавно, но зато весьма основательно включилась в движение фундаменталистов-пятидесятников. Хозяйка, дочь священника епископальной церкви, и ее муж, преуспевающий бизнесмен, стали «истинно верующими» на евангелист-ский протестантский манер. Будучи неофитами, они уверовали весьма пылко, и решили, что их призвание — обращать всех «заблуждающихся» на открывшийся им «истинный путь».

Поскольку оформление договора об аренде и внесение залога в размере трехмесячной платы за квартиру были завершены еще до нашего возвращения с Тайваня, мы впервые встретились с нашими хозяевами только через несколько месяцев после приезда в город.

Узнав, что их жильцы — два еврея с еще не определившей свой религиозный статус китайской дочерью, наши хозяева решили, что им послано настоящее небесное знамение. Когда, к тому же, выяснилось, что наш дом посещает множество азиатских студентов, большинство которых — буддисты, они окончательно уверовали, что удостоились особой религиозной миссии.

С большим трудом, комбинируя вежливую холодность с полной незаинтересованностью, нам с Барбарой удалось в конце концов остудить их евангелистский пыл. И хотя вся эта история показалась нам, в общем, довольно забавной, она содержала и неприятный элемент. Она напомнила нам, что наша Хсин-Мей по-прежнему остается в ненормальном состоянии, а мы сами все еще не имеем достаточных знаний и опыта и зачастую не способны противопоставить что-либо существенное потоку религиозных доводов, обрушивающемуся на нас со всех сторон.

Я ОТНОШУСЬ к людям того сорта, которые позволяют

событиям развиваться естественным образом. Однако мое профессиональное антропологическое и социо-политическое любопытство побуждало меня время от времени пускаться на поиски информации, касающейся проблемы *гиюра*.

В ходе таких поисков я разговорился однажды с руководителем городской Еврейской школы, которая осуществляла полноценную — занимавшую весь день — учебную программу для детей, начиная со старших групп детского сада и по восьмой класс включительно.

Чем больше мы с Барбарой занимались своим еврейским самообразованием, тем яснее нам становилось, что мы, по сути, чрезвычайно невежественны в том, что касается нашей собственной религии. Поэтому я решил, что будет неплохо, если Хсин-Мей получит хотя бы начальное еврейское образование.

Я объяснил директору школы нашу ситуацию и спросил, сможет ли Хсин-Мей поступить в его школу. Директор ответил, что в школу принимаются только еврейские дети. Я стал добиваться от него определения — что же такое, наконец, еврейский ребенок. Он объяснил мне, что еврей — это тот, кто признан евреем «согласно еврейскому религиозному закону, или *Галахе.»*

«Что это значит в отношении *гиюра*!»— спросил я и получил ответ, которого в глубине души и ожидал: *гиюр* должен удовлетворять всем ортодоксальным требованиям.

Эта история имела продолжение. На втором году нашего пребывания в городе мы попали в списки местной Еврейской Федерации и стали регулярно получать приглашения участвовать в ее кампаниях по сбору пожертвований.

Изучив брошюры, присылкой которых сопровождался каждый призыв жертвовать деньги, я заметил, что одним из получателей этих пожертвований является упомянутая выше Еврейская дневная школа. В примечаниях, напечатанных в соответствующей брошюре мелким шрифтом, сообщалось, что пожертвования покрывают более сорока процентов школьного бюджета, а остальные шестьдесят слагаются из платы за обучение и разных других составляющих. Я начал злорадно потирать руки: мне показалось, что я обнаружил трещину в ортодоксальной броне. В тот же день я позвонил в Федерацию и договорился о встрече с ее руководителем.

В ходе этой встречи я объяснил, что мы с женой — пока еще новички в общине, и, прежде чем перейти к истинной цели моего визита, упомянул о своем положении в университете и научных заслугах.

«Верно ли, что нынешняя кампания по сбору средств для

ваших школ представляет собой мероприятие, охватывающее всю общину, в том числе и тех ее членов, которые не принадлежат ни к каким синагогам?» — спросил я, наконец.

Директор, лысоватый маленький человечек в больших очках, с готовностью согласился.

«Да, конечно! — воскликнул он. — В действительности, как вы наверняка заметили, лозунг нынешней кампании так и звучит: “Все мы — заодно!” Мы должны выступать единым фронтом не только с нашими братьями-евреями в Израиле, но также — насколько это возможно, — ив том, что касается удовлетворения потребностей местной еврейской общины.»

«Я рад это слышать, — сказал я. — Означает ли все это, что если я, лояльный член местной общины, нуждаюсь в той или иной помощи, а община имеет возможность мне помочь, то я могу рассчитывать на поддержку? Верно ли это?»

«Разумеется, — ответил он, внезапно насторожившись. Он был слегка озадачен направлением, которое неожиданно приняла наша беседа. — Но я уверен, что вы согласитесь со мной, если я скажу, что каждый отдельный член общины тоже должен нести свою долю ответственности. На этой идее — идее взаимной ответственности — построена вся наша кампания. Мы обращаемся к каждому с призывом внести столько, сколько он может, с тем, чтобы, в случае необходимости, он, как и все другие, мог обратиться к нам за помощью.»

«Как вы, в таком случае, расцените ситуацию, когда член общины, который внес свой взнос в общее дело, обращается за помощью в еврейское учреждение и получает категорический отказ?»

Директор весь подобрался:

«Я не совсем понимаю, к чему вы ведете. Объясните, пожалуйста, что именно вы имеете в виду.»

«Я имею в виду Еврейскую дневную школу. В вашей брошюре я прочитал, что она является одним из учреждений, поддерживаемых городской еврейской общиной, и часть денег, собранных в ходе ваших кампаний, идет на ее содержание. Точнее говоря, эти деньги составляют весьма существенную часть ее бюджета. Однако, когда я попытался записать свою дочь в эту школу, мне отказали.»

Директор был искренне удивлен:

«Как это — отказали?» — спросил он.

«Вернее сказать, обусловили ее прием тем, что она должна пройти *гиюр* согласно определенным правилам, — кстати говоря, не одобряемым большинством раввинов нашей общины. В настоящее время она считается не отвечающей требованиям

школы. Между тем, эта школа числится в списке общинных учреждений. Как это понимать?»

Он беспокойно заерзал в кресле и потер рукой лысину.

«Разрешите мне объяснить вам сложившуюся ситуацию.

Хотя отдельные организации и учреждения и связаны с городской общиной и участвуют в ежегодном сборе средств, они остаются, тем не менее, вполне независимыми и подчиняются своим собственным правилам и своему совету директоров. Каждое учреждение сохраняет весьма значительную автономию.

К примеру. Еврейская семейная служба, которая оказывает большую часть социальных услуг, необходимых нашей общине, имеет свои собственные правила и критерии вступления в нее.

Вдобавок, почти каждое учреждение связано с какими-то другими организациями или синагогами. Скажем, Еврейский общинный центр и Еврейская семейная служба входят в общегородской Объединенный фонд жертвователей и получают от него финансовую помощь. Поэтому они вынуждены следовать определенным установкам, предписанным этой организацией.»

«Каким именно?»

«Ну, скажем, Объединенный фонд установил правила, запрещающие какую-либо дискриминацию в том, что касается предоставления услуг, оказываемых входящими в него организациями.»

«Теперь я начинаю кое-что понимать, — перебил я его. — Не далее, как вчера я просматривал список членов Еврейского общинного центра и обнаружил, что почти половина из них — судя по фамилиям и адресам — вообще не являются евреями.»

«Вы правы. Но частично это объясняется тем, что членские взносы в Еврейском общинном центре ниже, чем, скажем, в христианской ИМКЕ.»

«Это приводит к парадоксальному выводу, — саркастически заметил я. — Одна организация принимает систему правил, которая поощряет вступление в нее нееврeев, тогда как другая делает все, чтобы евреев в свои ряды не допускать. Во всяком случае, евреев, принадлежащих к некоторым категориям.»

«Я могу понять ваши чувства, — вздохнул директор, — но, как мне кажется, вы не вполне справедливы и объективны. Наша дневная школа, подобно другим, входящим в общинную систему организациям, связана со своим руководящим органом — в данном случае, с ортодоксальной синагогой, — и обязана следовать ее указаниям и критериям.»

Я почувствовал некоторую симпатию к этому маленькому, потрепанному судьбой человеку. Сетка морщин и складок, покрывавших его лоб и лицо, была, в сущности, паутиной боевых

шрамов, полученных этим чиновником в ходе карьерных боев, в которых он давно уже перестал надеяться на успех. Теперь он видел свою единственную задачу в том, чтобы аккуратно придерживаться установленной линии и не отклоняться от нее вплоть до своего выхода на пенсию. Он наверняка уже забыл, когда в последний раз сражался за правое дело.

«Неужели я первый, кто поднимает этот вопрос о дневной школе?» — полюбопытствовал я, отбросив свой агрессивно-язвительный тон.

«Поверьте, его уже поднимали до вас, — ответил директор. — И некоторые люди даже отказывались из-за этого жертвовать на общинные нужды. Но сейчас извините меня, пожалуйста, — меня ждет еще одно свидание.»

Он поднялся и протянул мне руку на прощанье.

«Все-таки позвольте мне посоветовать вам быть поактивнее в рамках нашей Федерации. Это добровольческая организация, и если вы ею не вполне довольны, то единственный сколько-то эффективный способ добиться желаемых изменений — это совместно с другими разрабатывать и совершенствовать ее политику.»

КОГДА Я ТЕМ ЖЕ ВЕЧЕРОМ рассказал Барбаре об этом разговоре, она отрезала:

«Начнем с того, что я вообще не понимаю, зачем ты к нему отправился. Он в любом случае ничем не может нам помочь. Чего ты надеялся добиться?»

«Ты права. Я с самого утра задаю себе тот же вопрос. Наверно, мне просто хотелось получше разобраться в том, как устроена и функционирует эта система. Теперь мне еще более очевидно, что она имеет не столько религиозный, сколько политический и экономический характер, и к тому же весьма запутанный.»

«Знаешь, мне кажется, что ты просто сел на своего любимого конька, — поддела меня Барбара. — Ты стремишься все на свете свести к какой-нибудь политической или социальной проблеме, в основе которой, разумеется, лежит борьба за власть или за деньги. А я смотрю на Хсин-Мей, вспоминаю, как неожиданно она вошла в нашу жизнь, и все больше убеждаюсь, что на самом деле от нас вообще очень мало что в этом мире зависит.»

«Я не совсем понимаю, что ты хочешь сказать.»

«Хорошо, я попробую объяснить это иначе. За все это время — с того дня, как ты нашел Хсин-Мей, на протяжении всех месяцев, пока продолжались хлопоты с ее удочерением, американской визой и *гиюром*, и вплоть до сегодняшнего эпизода с руководителем Федерации — ты ни разу не упомянул одно

весьма существенное, на мой взгляд — даже ключевое слово…»

«И что же это за слово?» — уже догадываясь, но все же не без любопытства спросил я.

«Б-г», — серьезно ответила она.

Глава 6. Еврейская семейная служба

НА ПРОТЯЖЕНИИ всего последнего года перед нашим отъездом на Тайвань и целых двух лет после нашего возвращения Барбара многократно обращалась к врачам в поисках профессионального совета и помощи против бесплодия.

Все эти обследования показывали, что отсутствие у нас детей не может быть объяснено никакими медицинскими причинами.

В один прекрасный день, вернувшись от очередного специалиста, Барбара заявила:

«Мне надоела эта возня с визитами к врачам и бесконечными рецептами. Отныне я ничего больше делать не намерена, — пусть себе идет, как идет.»

«А я и не вижу, что еще, собственно, мы могли бы предпринять.»

«Ну, положим, есть еще одна вещь, которую мы никогда по-настоящему не пробовали», — сказала Барбара, снимая посуду с обеденного стола.

«Какая именно?» — поинтересовался я.

Она какое-то время смотрела прямо на меня, прежде чем произнести простое слово: «Молитва».

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ТОГО, как Хсин-Мей исполнилось два года, мы стали потихоньку выяснять, нельзя ли взять второго приемного ребенка, и в этой связи договорились о встрече с руководительницей Еврейской семейной службы.

Это была невзрачная, плотно сложенная женщина средних лет, казалось, намертво встроенная в свой письменный стол. Она тяжело дышала за баррикадой из своих папок и бумаг, и на ее лице застыло постоянное выражение сердитой озабоченности. Телефонный провод извивался по ее кабинету, как резиновая трубка, через которую вливают свежую кровь смертельно больному пациенту, и она, действительно, казалась таким пациентом, черпающим жизненные силы в бесчисленных телефонных звонках, которые непрерывно прерывали нашу беседу.

Как бы то ни было, она проявила незаурядные понимание и сочувствие. Сначала она напомнила нам о сложившейся демографической и социальной ситуации, которая приводит к быстрому сокращению числа детей, подходящих для усыновления или удочерения. Затем она объяснила, что распространение легальных абортов и, одновременно — улучшение материального положения большинства американок, имеющих теперь

возможность воспитывать детей, рожденных вне брака, еще более уменьшают это число. В заключение она сказала, что шансы на быстрое получение ребенка значительно увеличиваются, если супружеская чета согласна взять приемного ребенка не самой предпочтительной категории — например, постарше возрастом или с физическими или умственными недостатками.

«Иными словами, вы ничего не можете нам предложить?»

Она грустно улыбнулась.

«Наша Еврейская семейная служба сотрудничает с другими организациями такого же рода, например, с Католическим

благотворительным фондом, который помогает нам отыскивать подходящих детей.»

Я поинтересовался, согласны ли эти организации с тем, что найденные ими приемные дети будут затем обращены в иудаизм.

«Но ведь вы оба евреи, — сказала она. — Зачем вам это обращение?»

Я посмотрел на нее с недоверчивым изумлением.

«Вы хотите сказать, что вам неизвестно, что дети, взятые на воспитание еврейской четой, не считаются евреями, пока не пройдут гиюр?»

«С детьми, которых мы пристраивали раньше, у нас никогда не возникало проблем, — заверила она. — Но даже если вы правы, я не предвижу никаких затруднений.»

«Все это не так просто, — сказал я. — Знаете ли вы, например, что до тех пор, пока ребенок не пройдет ортодоксальный *гиюр*, его не принимают в Еврейскую дневную школу?»

«Вы в этом абсолютно уверены? — Она посмотрела на меня с явным недоверием, при этом одна из ее бровей высоко поднялась. — Мне трудно в это поверить.»

«Вам достаточно позвонить в Федерацию или, если хотите, прямо в школу, и вы немедленно получите подтверждение.»

«Если вы не возражаете, я именно так и поступлю.»

Она предпочла поступить «именно так» из соседней комнаты (возможно, впрочем, что ее система телефонного жизнеобеспечения была рассчитана только на звонки извне) и вернулась минут через пять.

«Вы были правы, — сказала она, даже не извинившись. — Должна сказать, что я возмущена и шокирована.»

«Боюсь, что я чего-то не понимаю, — сказала Барбара, удивленная слишком бурным для этого бюрократического

растения проявлением эмоций. — Еврейская семейная служба помогает еврейским семьям. Разве не естественно, что она должна во всех сложных случаях следовать требованиям

еврейского закона?»

«О, разумеется, — ответила наша собеседница. — Но только если эти требования не идут вразрез с правами индивидуума и не мешают нормальному росту и развитию нашего клиента.»

Она явно чувствовала себя задетой в своей бюрократической броне.

По пути домой я сказал Барбаре:

«Чем больше я узнаю нашу общину, тем яснее мне становится, что это вовсе не единый еврейский коллектив, а, скорее, множество разобщенных анклавов, каждый из которых действует согласно своим собственным правилам и собственной философии.»

«Я не понимаю, зачем мы вообще к ней пришли, — с горечью откликнулась Барбара. — Как могли мы затеять усыновление или удочерение еще одного нееврейского ребенка, когда нашей Хсин-Мей скоро исполнится два с половиной года, а она все еще нееврейка?»

Глава 7. Занятия китайским языком

К ТРЕМ ГОДАМ Хсин-Мей превратилась в энергичного крепыша с двумя короткими смешными косичками, длинной черной челкой, ямочками на щеках и неудержимо пляшущими глазами на круглом лице.

Незадолго до своего третьего дня рождения она получила по почте заказное письмо, в котором сообщалось, что ее просьба о натурализации в Соединенных Штатах удовлетворена.

В назначенный день мы привезли ее в здание Федерального суда на церемонию присяги.

Отведенная для церемонии комната была заполнена новыми американскими гражданами и их родственниками. Сама церемония оказалась серьезным, значительным и даже трогательным актом, как и подобает столь судьбоносному событию.

Судья, руководивший церемонией, зачитал имена всех новых граждан и назвал страны, откуда они прибыли: Италия, Вьетнам, Ирландия, Венесуэла, Мексика, Филиппины, Китай… Оказалось, что эти сорок пять человек представляют двадцать одну страну.

Хсин-Мей была самой юной и — нужно ли добавлять? — самой очаровательной из всех участников церемонии. Судья произнес короткую речь, после чего собравшиеся повторили вслед за ним присягу на верность американской конституции. Хсин-Мей вместе с остальными получила документ, в котором, среди прочего, говорилось:

«Дорогой гражданин!

В жизни каждого человека есть незабываемые события, воспоминания о которых он хранит до конца своих дней. Я надеюсь, что сегодняшняя церемония была для вас одним из таких событий. Что касается меня, то для меня большая радость — поздравить вас с получением американского гражданства.»

Письмо было подписано президентом Соединенных Штатов Джеральдом Р. Фордом.

Мы с Барбарой решили воспользоваться церемонией натурализации для того, чтобы дать Хсин-Мей имя, которое звучало бы более по-американски.

Удостоверение о натурализации, которое мы получили после церемонии, сообщало, что «Ким Давра Шварцбаум, зарегистрированная как иностранка под номером А34—109—194, родившаяся в Китае 6 мая 1972 года, ростом 3 фута, весом 26 фунтов, незамужняя, глаза черные, волосы темные, признана сегодня, 11 марта 1975 года, удовлетворяющей во всех

отношениях применимым к ней требованиям закона о натурализации, и достойна стать американской гражданкой.»

Мы выбрали для нее два имени: распространенное в Америке имя Ким из-за его ориентального звучания, а также имя Давра — в память о моем покойном отце Давиде.

ВСКОРЕ В НАШЕЙ жизни произошли дополнительные перемены. Сразу же после нашего возвращения в Соединенные Штаты Барбара с новой энергией возобновила свои

занятия китайским языком. Она брала частные уроки, занималась дома, но все время чувствовала, что этого недостаточно. Увы, ближайший университет, в котором преподавали китайский язык, находился в Джорджтауне, пригороде Вашингтона, более чем в двух часах езды от нашего города.

Невзирая на множество проблем, Барбара, в конце концов, подала заявление и была принята кандидатом на вторую степень по китайскому языку и лингвистике.

Свои университетские занятия она сумела построить таким образом, что ездить в Джорджтаун ей приходилось всего два раза в неделю. Мы нашли китайскую семью, которая согласилась присматривать за Хсин-Мей в эти дни — с тем, чтобы я после работы забирал ее домой. Дома я «организовывал» ужин для нас обоих, а потом укладывал ее спать.

Поскольку занятия в университете занимали у Барбары два дня подряд, ей имело смысл ночевать в эти дни в Вашингтоне. Однако найти подходящий ночлег оказалось не так-то легко. Один знакомый студент посоветовал ей обратиться за помощью в местные церковные приходы, и в результате Барбара стала приходящим жильцом в общине Сестер Небесного Суда. Я подшучивал над этим названием и ее «монастырской жизнью», но в душе испытывал облегчение, поскольку она нашла приют в безопасном и удобном месте.

Барбара была поглощена своими занятиями, но ей очень недоставало нас — даже в те немногие дни, которые она проводила вдали от дома. Поздними вечерами, закончив занятия, она возвращалась в свою маленькую комнатку в монастыре, проходя при этом мимо икон, развешанных на каждом этаже. Изображения христианских святых казались ей чужими и холодными. Она старалась побыстрее укрыться в своей комнате и закрыть за собой дверь.

Глава 8. Университетский клуб Бейт-Гиллель

РАЗ В НЕДЕЛЮ я имел обыкновение заглядывать в университетский клуб *Бейт-Гиллель*. Это был один из бесчисленных студенческих клубов, разбросанных по территории кампуса, основной особенностью которого было то, что в нем собирались для отдыха или занятий студенты-евреи. Обычно я прихватывал с собой сэндвич и проводил там какое-то время, просматривая газеты и журналы, разложенные в читальной комнате.

В один прекрасный день, оторвав взгляд от журнала, который я держал в руках, я увидел человека, которого никогда раньше в кампусе не встречал. На нем были черный костюм и столь же черная шляпа, его лицо украшала пышная черная борода. Увидев, что я смотрю на него, он подошел и протянул мне руку:

«Добрый день! Я рабби Йосеф Гольдштейн, новый директор Еврейской дневной школы.»

Я пожал его руку и представился.

«Я был в этом районе, — сказал рабби Гольдштейн, — и решил заглянуть в кампус, посмотреть, что собой представляет здешний *Бейт-Гиллель*. Но я не застал тут никого, кроме вас.»

«Да, здесь, как правило, бывает мало народу. Этажом выше, правда, живут несколько студентов, но я что-то не замечал, чтобы они очень интересовались этим заведением.»

«Вы давно в нашем городе? — спросил рабби. — Извините мою бесцеремонность, но мне кажется, что у вас не местное произношение.»

Я рассмеялся и сообщил ему, что я родом из Нью-Йорка и живу здесь с женой и трехлетней дочерью. Мы немного поболтали, как это водится у двух людей, недавно попавших в новое место и пользующихся случаем как можно больше узнать друг о друге. Время прошло очень быстро. Вскоре мы оба начали смотреть на часы — нужно было расходиться.

«Я бы с удовольствием пригласил вас и вашу жену провести у нас одну из суббот», — неожиданно сказал рабби.

«Боюсь, что мы живем слишком далеко, чтобы прийти к вам в субботу, — ответил я, тронутый этим сердечным предложением. — Наш дом находится в северной части города. А вы, я полагаю, живете в западной части, ближе к синагоге и школе?»

«Верно, — сказал рабби Гольдштейн, — но это не проблема, — вы можете прийти к нам в пятницу вечером и остаться

переночевать.»

«Благодарю вас, — сказал я. — Я поговорю с женой и позвоню вам завтра утром.»

Барбара отнеслась к этой идее с энтузиазмом. В тот же вечер я позвонил рабби и сообщил, что мы принимаем его радушное предложение.

СЛЕДУЯ ТОЧНЫМ указаниям рабби, мы без труда отыскали его дом и примерно за сорок пять минут до наступления субботы прибыли на место.

В доме все кипело — в эти самые минуты заканчивалась подготовка к субботе.

Жена рабби была занята наведением окончательного блеска, поэтому сам рабби проводил нас в нашу комнату. Затем он сообщил, что через несколько минут отправляется вместе со старшим сыном в синагогу на *Минху* — вторую из трех ежедневных молитв. Я помог устроиться Барбаре с дочерью и решил присоединиться к Гольдштейнам в их десятиминутной прогулке по тихому кварталу.

По пути я обмолвился, что это мой второй визит в *Шаарей Эмет*, и коротко пересказал обстоятельства своей первой встречи с тамошним раввином. Рабби Гольдштейн выслушал мой рассказ с нескрываемым интересом.

«Известно ли вам, что теперь в синагоге новый раввин? — спросил он. — Думается, вам было бы любопытно с ним познакомиться.»

К моменту нашего прибытия в синагоге собралось около пятнадцати человек, и *минха*, послеобеденная молитва, началась почти сразу после нашего прихода. Рабби Гольдштейн помог мне найти соответствующее место в молитвеннике. Я очень обрадовался, поняв, что все еще могу, пусть и медленно, читать на огласованном иврите.

В перерыве между *минхой* и субботней службой новый раввин, молодой человек лет двадцати восьми, встал и представился как рабби Исраэль Кауфман. Он показался мне открытым, дружелюбным и, может быть, чересчур энергичным, что, на мой взгляд объяснялось его молодостью и серьезностью, с которой он относился к своей новой должности.

Не без помощи рабби Гольдштейна, я продолжал следить за текстом молитвы и даже не сбился до конца службы. Я был поражен тем, насколько легко и приятно мне в *Шаарей Эмет*. Быть может, мне помогала «камерность» синагоги, равно как и то, что молящихся было совсем немного.

Синагога казалась мне очень уютной и интимной. Может быть, на меня подействовали радушие и теплота нового раввина,

искреннее произнесение молитв, прерываемое время от времени пением, — все это создавало атмосферу покоя и глубокой сосредоточенности. Но одновременно меня обуревало и более глубокое чувство: я слышал голос прошлого, которое, видимо, не умерло во мне.

После службы все мы пожелали друг другу «доброй субботы». Мы с рабби молча отправились домой. Воздух был чист и прохладен, ночное небо — совершенно черным, тихие улицы были едва-едва освещены.

Когда рабби открыл дверь своего дома, перед нами засияли субботние свечи, и обеденная комната показалась мне залитой ярким светом.

Глава 9. Система еврейских законов

ПОСЛЕ ЭТОГО МЫ проводили одну из суббот каждого месяца в гостях в ортодоксальных семьях нашего города. В ходе каждого такого визита мы узнавали что-то новое: знакомились с еще одним религиозным обычаем, идеей или впечатляющей мыслью, которые обычно немедленно включали в наше собственное субботнее «меню».

Постепенно, почти неощутимо для себя, мы адаптировали образ жизни религиозных евреев. Барбара теперь регулярно зажигала свечи, я начал произносить благословение над вином. По субботам, в ясную погоду, я отправлялся пешком за три с половиной мили в синагогу и возвращался домой, подкрепившись легкой закуской, приготовленной сотрудниками Еврейской школы.

Барбара даже начала печь *халы* собственного изготовления, и теперь наши субботние трапезы приобрели более спокойный, праздничный характер. Мы заменили наши прежние субботние послеполуденные поездки долгими пешеходными прогулками по окрестностям. Суббота стала радостным завершением, кульминацией нашей недели, днем, о котором мы вслух мечтали.

В один прекрасный день я услышал, что в нашей общине появился еще один новый раввин — выпускник знаменитой *«Ешива Университи»*. То обстоятельство, что он согласился возглавить общину в маленьком пригороде, где большая часть евреев не слишком строго соблюдает *мицвот*, особенно заинтересовало меня.

«Говорят, что он — человек очень широких взглядов», — сообщил я Барбаре.

«Что это, собственно, значит? — спросила она. — Помнишь тех раввинов, с которыми мы с тобой встречались? У них были такие широкие взгляды, что ничему существенному в жизни места уже не находилось.»

«Я хочу сказать, что хотя он и вполне ортодоксален, у него есть опыт в обращении с нерелигиозными людьми. К тому же, он получил университетское образование. Я бы хотел поговорить с ним о Хсин-Мей.»

«Хорошо, — откликнулась Барбара без особого энтузиазма. — Если ты считаешь, что это полезно, то почему не поговорить?»

Несмотря на весь свой скепсис, Барбара согласилась отправиться к новому раввину вместе со мной.

РАББИ ФРИД ПРИНЯЛ нас просто и без всяких церемоний.

После того, как мы описали свои переговоры с различными раввинами по поводу *гиюра* Хсин-Мей и рассказали о нашем нынешнем образе жизни, он сразу же перешел к делу:

«С моей точки зрения, есть четыре обязательных условия, которые вы должны выполнить для того, чтобы можно было поставить вопрос о *гиюре* вашей дочери: это полное соблюдение субботы, выполнение законов *кашрута*, соблюдение законов о супружеской чистоте в ваших семейных отношениях и, конечно, согласие дать вашей дочери самое лучшее еврейское воспитание, какое только возможно в нашей общине, что означает фактически, что она должна учиться в Еврейской дневной школе.»

«А как же с остальными шестьюстами с чем-то *мицвот*, перечисленными в Торе?» — спросил я.

«Видите ли, исполнение *мицвот* — это лестница со множеством ступеней, и каждый из нас находится на одной из них, — ответил рабби. — Главное — в каком направлении вы идете.

Если вы действительно начнете исполнять те три предписания, которые я перечислил, вы увидите, что остальные вскоре последуют за ними. Суббота, *кашрут* и законы семейной чистоты — это три заповеди, вокруг которых образуется нечто вроде магнитного поля. Начните соблюдать их, и они притянут в вашу жизнь все остальные.»

Барбара спросила, имеет ли он в виду соблюдение *каш-рута* как в домашних трапезах, так и вне дома.

«Как-то раз мне уже задавали этот вопрос, — сказал рабби. — Я ответил, что если вы будете соблюдать *кашрут* только дома, то на небо попадете не вы, а ваша посуда.»

Он добродушно рассмеялся.

«Поймите, я не хочу вас обидеть, но вы должны понять, что иудаизм — это законченная система, и он не признает облегчающих жизнь фокусов. *Кашрут* есть *кашрут, некашерная* пища есть *некашерная* пища, и где бы вы ее ни ели, дома или в ресторане, она все равно попадает в ваш желудок.»

«Рабби Фрид, — торжественно провозгласила Барбара, — лично я готова взять на себя все эти обязательства. В течение прошлого года мы понемногу начали соблюдать субботу. Мы с мужем вегетарианцы, так что я не думаю, что нам будет трудно сделать свой дом совершенно *кашерным*. Кроме того, мы оба с первого дня в этом городе мечтали записать Хсин-Мей в Еврейскую дневную школу, и не наша вина, что ее туда не приняли. Что же до семейной чистоты, то, должна признаться, я плохо понимаю, о чем идет речь, но готова познакомиться с этим вопросом.»

«А что скажете вы, мистер Шварцбаум?» — спросил рабби Фрид.

«Барбара очень точно выразила и мое мнение», — ответил я.

«Ну, что ж, считайте, что мы договорились!» — воскликнул рабби.

Он вручил нам несколько книг, трактовавших вопросы о семейной чистоте.

«Пожалуйста, внимательно прочтите их и отметьте все вопросы, которые у вас возникнут, с тем, чтобы мы могли их затем обсудить. Кроме того, я попрошу вас назначить время, когда я смогу зайти к вам домой для того, чтобы мы — все вместе — могли решить, что необходимо сделать с вашей кухней и вашей посудой, чтобы на столе у вас появились *кошерные* блюда.

И наконец, если вы свободны завтра вечером, я бы хотел встретиться с вами в местном супермаркете. Мы немного прогуляемся вдоль полок, и я познакомлю вас с различными категориями *кашерной* пищи и теми символами, по которым вы всегда сможете отличить *кошерные* продукты от *некашерных.»*

На обратном пути Барбара была очень возбуждена. Я, признаться, тоже.

«В первый раз в жизни мы начинаем следовать конкретной системе правил поведения, — сказал я. — Этот раввин говорит только по делу. Я пока не очень-то понимаю, что означает каждое из его предписаний, но то, чего он от нас требует, имеет, по крайней мере, точный и определенный характер. Оно не так беспредметно, расплывчато и туманно, как было это у первого ортодоксального раввина, с которым мы встречались. Этот подход нравится мне куда больше, чем абстрактное, философское теоретизирование.»

Мы вложили немало сил и энергии в осуществление программы, которую наметил для нас рабби Фрид. Нам пришлось столкнуться с немалыми трудностями, но, в конце концов, наш дом стал полностью *кошерным*. После некоторых колебаний, мы решили заменить всю свою посуду на новую. Рабби помог нам превратить в *кошерную* нашу мойку для посуды, но даже он ничего не смог сделать с прикрепленными к ее дну пластмассовыми подставками. К счастью, нам удалось их заменить.

ПОСТЕПЕННО ВОПЛОЩАВШУЮСЯ В ЖИЗНЬ программу рабби Фрида мы с Барбарой оценивали по-разному. Я, со своими познаниями в бихейвиоризме, шел обычным аналитическим путем и пытался понять, каким образом предписания еврейского закона «окрашивают» индивидуальные и групповые отношения между людьми.

Я подробно объяснил Барбаре, каким образом соблюдение *кашрута* должно постепенно ограничить круг наших знакомых такими же как мы, неукоснительно соблюдающими *мицвот* евреями.

«Если мы приглашаем человека к себе в дом, — говорил я, — угощение является очевидной социальной необходимостью. Еда действует как смазочный материал, облегчающий человеческое общение и обогащающий социальные контакты.

Разумеется, если наш гость в ответ пригласит нас к себе, то дома он захочет ответить тем же — ведь социальные контакты основаны на своего рода балансе взаимных компенсаций.

Но если ты не можешь пригласить к себе людей, в доме у которых ты побывала, лишь потому, что твое угощение для них по ритуальным соображениям неприемлемо, ваши отношения неизбежно станут более напряженными и, при прочих равных, начнут ослабевать. Это быстро ограничит твои контакты рамками твоей собственной группы и, в конечном счете, поощрит эндогамные браки внутри нее.»

Барбара, которая на протяжении моей прочувствованной лекции неустанно сортировала белье, ответила, не отрываясь от работы:

«Все это звучит очень интересно и занимательно, особенно в устах человека, который еще недавно заявлял, что терпеть не может абстрактного теоретизирования и предпочитает конкретные, точные указания. Для меня самым важным является то, что мы соблюдаем *кашрут* потому, что получили такое указание, и, если я что-нибудь понимаю, это обстоятельство вносит важный дополнительный аспект в самый вопрос о питании. Еда перестает быть просто тем, что готовят на кухне, она “приобщается” к безграничному духовному миру.»

Наконец-то мы сподобились увидеть загадочную *микву*. Впервые это произошло, когда мы принесли наши новые кухонные принадлежности и посуду для обязательного погружения в нее.

Своими кафельными плитками и уходящими под воду ступенями *миква* напоминала крытый плавательный бассейн, только сильно уменьшенный в размерах.

Она еще больше походила на большую ванну, хотя и казалась непропорционально глубокой: наполнявшая ее чистая вода подступала к самому краю. Погружая в этот колодец нашу посуду и кухонные принадлежности, я увидел в воде свое отражение. Оно показалось мне чересчур серьезным и сосредоточенным, но на душе у меня в этот момент было спокойно и легко, — я понимал, что делаю еще один шаг в правильном направлении.

Окончательно решившись следовать традиции, мы были готовы выполнить все, что требовал от нас рабби Фрид. Однако следующий шаг оказался гораздо более трудным, чем все предыдущие.

Он предполагал резкое изменение нашего образа жизни и заставил нас уделить серьезное внимание тому, о чем мы раньше никогда не думали.

Мы были буквально изумлены, узнав, насколько логично древние законы о «семейной чистоте» сходятся с современными представлениями о естественных биологических ритмах, и как глубоко еврейские мудрецы, жившие две тысячи лет назад, проникли в тайны организма, которые наша медицина только сейчас начинает постигать.

Система еврейских законов, предписывающих добиваться отсроченного оргазма и обязывающих соблюдать сексуальную самодисциплину, требующих доверия и взаимопонимания между супругами, находилась в резком контрасте с так называемой «новой моралью» — теми лихорадочными поисками наслаждений, которые считаются в современном обществе само собой разумеющимися.

Поскольку мы долгие годы принимали всевозможные меры, благоприятствующие зачатию, сама идея периодического воздержания не была для нас чем-то новым. Зато совершенно необычным оказался принцип, запрещающий любой физический контакт в течение определенного периода.

Это побуждало нас искать иные пути общения, не противоречащие заповедям, что, в свою очередь, явно обогащало наши отношения.

Барбара несколько дней в неделю изучала еврейские законы под руководством жены рабби Фрида и вскоре окончательно примирилась с правилами, предписывающими еврейским женщинам скромность и запрещающими появление на улице с непокрытой головой.

Вспоминая эти первые недели и перемены, происшедшие за короткое время в нашем образе жизни, мы не могли избавиться от чувства удивления. Вступая на этот путь, мы вовсе не собирались стать ортодоксальными евреями, но в действительности быстро ими стали. Это наполняло нас восхитительным чувством. Мы следовали указаниям рабби с глубокой верой, и наша связь с Всевышним становилась крепче с каждой новой *мицвой*, которая входила в нашу жизнь.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА СПУСТЯ рабби Фрид согласился собрать религиозный суд для проведения *гиюра* нашей Хсин-Мей. Руководитель Еврейской школы рабби Гольдштейн, рабби

Кауфман из ортодоксальной синагоги и сам рабби Фрид составили *бейт-дин*. Они пришли к заключению, что мне придется войти в *микву* вместе с Хсин-Мей — для того, чтобы она могла полностью погрузиться в воду требуемые три раза и в то же время не подвергнуться опасности, поскольку глубина воды в *микве* намного превосходила высоту ее роста.

Хсин-Мей разделась. Я осторожно взял ее за руку и мы медленно спустились по ступеням в *микву*. Я чувствовал, что Хсин-Мей напряглась и встревожена. Вода на ступенях тепло ласкала наши босые ноги.

Я вошел в воду первым, потом взял ее на руки.

«Послушай, милая, — сказал я, — сейчас тебе нужно будет три раза окунуться в воду. Тебе нечего бояться — я все время буду с тобой.»

В ее глазах я прочитал полное доверие.

Я разжал объятия, и она выскользнула из моих рук. Вода *миквы* поглотила ее.

Еще два раза я поднимал и выпускал свою девочку. Глядя наверх, я видел над собой сосредоточенные лица всех трех раввинов.

Позже, когда мы с Барбарой и Хсин-Мей покидали здание *миквы*, рабби Фрид пожелал нам *мазал тов* и вручил мне официальный документ. Его перевод гласил:

«Мы подтверждаем, что девочка Двора, дочь нашего праотца Авраама, прошла погружение в *кошерную микву*. Теперь мы приветствуем ее как нашу собственную дочь и обращаемся к ней: “Благословен Г-сподь, отец Авраама, праотца нашего, направивший ее, дабы она могла идти и следовать по Твоему пути. *Амен.”*

Ради этого мы собрались в качестве *бейт-дина* в указанном ниже городе и засвидетельствовали факт ее обращения в иудаизм нашими подписями — сегодня, в среду, 12 ияра 5736 года.»

На следующее утро Барбара прочла по молитвеннику:

«Г-сподь мой!
Душа, которую Ты вложил в меня, Чиста.
Это Ты создал ее,
Ты сформировал ее,
Ты вдохнул ее в меня,
Ты сторожишь ее во мне,
И Ты заберешь ее у меня
И возвратишь ее мне в грядущие времена.
Все то время, пока душа во мне,
Я возношу хвалы Тебе,
О Г-сподь Б-г мой, и Б-г моих отцов,

Создатель всего сущего, Властелин всего живущего…»

Она закрыла молитвенник, обняла Двору и крепко прижала ее к себе.

Десять дней спустя, 22 ияра. Дворе исполнилось четыре года.

Одиннадцать месяцев спустя, 11 нисана 5737 года, Барбара родила нашего первенца Дова Хаима.

Глава 10. Первенец Довик

У МЕНЯ НЕТ НИ малейшего сомнения в том, что явное чудо рождения Дова Хаима после двенадцати лет беспричинной бездетности было прямым следствием того, что мы удочерили Двору. Вполне возможно, что если бы я не нашел ее на вокзале, мы с Барбарой продолжали бы жить прежней жизнью до конца наших дней.

Говоря по чести, мы были вполне довольны этой жизнью, отнюдь не метались в поисках своего «я» и не ощущали себя «нереализовавшимися», — разве что из-за отсутствия у нас детей. С другой стороны, если бы мы усыновили не китайского ребенка, а еврейского, весьма сомнительно, выбрались ли бы мы в конце концов на нелегкую и долгую дорогу поисков собственного духовного наследия.

Однако с того момента, когда крохотный сверток, лежавший на вокзальной скамье, оказался в моих руках, события неудержимо двинулись вперед, как бы повинуясь направляющей их железной воле. Желание «всего лишь» обратить свою девочку в еврейство вынудило нас сделать первые робкие шаги к соблюдению заповедей Торы. И, в точности как предсказывал рабби Фрид, выполнение нами трех основных *мицвот* неизбежно повлекло за собой выполнение и многих других.

Таким вот образом, ровно на восьмой день после рождения нашего первенца, *бхора, я*, естественно, оказался свидетелем выполнения заповеди *брит-мила*.

Наш первенец, наш первый *брит* — от волнения у меня голова шла кругом. Церемония происходила в синагоге *Ша-арей Эмет*, и когда *моэль* склонился над своим подопечным, я стал произносить слова, произнести которые мечтал столько лет:

«Итак, я готов исполнить заповедь, которой Г-сподь Б-г наш, да будет Он благословен, заповедал нам обрезать сыновей наших.»

Невинное дитя, ни о чем не подозревая, лежало на коленях *сандака, моэль* склонился над ним, и буквально через мгновение операция была закончена. Под энергичный рев До-ва Хаима *моэль* торжественно провозгласил:

«Подобно тому, как вступил он сейчас в Завет, да вступит он в мир Торы, в брачную жизнь и в мир добрых дел.»

Я был взволнован значительностью момента и с трудом сумел собраться для следующей своей задачи — приветственной речи.

Пока Барбара укачивала засыпавшего Дова Хаима, я поднялся

на возвышение, чтобы произнести слова, которые пришли мне на ум в те часы, когда я ожидал появления моего ребенка на свет.

Темой моей речи я выбрал *брахот* — благословения, произносимые каждое утро, — поскольку в этот момент я обнаружил в них новый смысл. Мне показалось, что я увидел в этих благословениях все будущее моего сына и весь цикл еврейского существования вообще.

«Благословен Ты, Г-сподь, — начал я, — одаривший петуха способностью различать между днем и ночью.»

Почему именно петуха? Потому что петух наделен особой чувствительностью к свету зари, к первым лучам солнца и различает такие ничтожные перемены в освещении, которые недоступны человеческому глазу.

Точное исчисление времени — это особый дар Всевышнего этому миру, особое благословение. Именно этот сросшийся с нами «хронометр» предопределяет начало процесса зарождения новой жизни, проводит границу между светом — человеческой жизнью, жизнью нашего первенца, — и тьмой, которая ей предшествовала.

«Благословен Г-сподь, — продолжал я, — который дал зрение слепому… одеяние нагому… свободу томящемуся в темнице.»

Наш сын пришел в этот мир незрячим, нагим и крепко связанным со своей матерью. Но уже мгновение спустя он узрел свет, и нагота его была укрыта. Его рождение высвободило из тьмы еще одну новую жизнь — новую служанку Всевышнего.

Ивритское слово, обозначающее заключенных, *асурим*, — содержит букву *самех* — совершенно круглую, как бы запечатанную согласную. Уберите *самех* из этого слова, и вместо *асурим* у вас получится *урим*, — огни, источники света, то есть свет, принесенный в нашу жизнь нашим сыном, и свет Торы.

«Благословен Ты — Тот, Кто выпрямляет согбенных.»

В течение девяти месяцев наш сын оставался согбенным внутри материнского чрева. Ивритское *кфуфим* содержит два *пэй*, то есть две буквы, изогнутые наподобие зародыша. Они разделены прямой чертой *вава*, который символизирует нашу надежду на то, что ребенок разогнется и будет расти вверх.

«Благословен Он — Тот, Кто распростер сушу над водой.»

В наших молитвах мы просим Всевышнего о том, чтобы наш сын рос, взрослел и, в конце концов, обрел надежность и твердость суши — качества, которые могут дать только еврейские образование и воспитание.

«Который удовлетворяет все наши нужды.»

Наш случай замечательно иллюстрирует именно это утверждение. У нас было все, чего мы хотели, кроме одного —

кроме детей. И вот, как мы видим. Всевышний дал нам и это.

«Который направляет нас на жизненном пути.»

Мы молим Всевышнего о том, чтобы наш сын вырос независимым, способным постоять за себя человеком, — одним словом, человеком, твердо стоящим на собственных ногах и, с Его помощью, понявшим, чего он хочет.

«Который дарует Израилю силу.»

Да ниспошлет Всевышний Дову Хаиму счастье вскоре обрести ту силу, о которой сказано: «Слава юности в ее силе». *(Мишлей* — «Притчи царя Соломона» — 20:29)

«Который увенчает Израиль славой.»

Написано, что «Долголетие — это венец славы». *(Мишлей* 16:31) Пусть Всевышний наградит Дова Хаима долгой жизнью и благословит его детьми и внуками, как сказано: «Дети детей — вот венец старости». *(Мишлей* 17:6)

«Который дарит силу усталому.»

Да пошлет Он Дову Хаиму и всем нам, собравшимся здесь, силу и энергию, позволяющую жить до старости в счастье и добром здравии. Пусть мы и дальше будем встречаться, как сегодня, только в дни праздников и в дни, когда мы удостаиваемся исполнить радостные *мицвот*.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ НЕДЕЛИ запомнились мне как непрерывный круговорот мокрых пеленок, ночных кормлений и повторного освоения рутинных приемов обращения с новорожденными, которые так «радовали» нас с Барбарой четыре года назад, когда мы удочерили Двору. Но все это отходило на задний план, когда мы думали о приближавшемся событии, ожидание которого буквально наполняло нас трепетом — о *пидьон а-бен*, «выкупе первенца».

«Все первородное, которое отдают Г-споду, из людей и из скота, да будет принадлежать Тебе. Но за человеческих первенцев следует принять выкуп… Выкуплены они могут быть, когда им исполнится месяц, и мера твоего выкупа — пять шекелей серебра.» (*Бамидбар* — «Числа» — 18:15—16)

«Все первородное», — говорит Тора. Это означает, что ребенок, родившийся после того, как предыдущая беременность матери закончилась выкидышем, ребенок, появившийся на свет посредством кесарева сечения, а тем более приемный ребенок в счет не идут.

Следовательно, Дов Хаим самым очевидным образом подлежал «выкупу».

Церемония происходила в синагоге, и я должен был вручить *когену* сумму, эквивалентную по стоимости пяти шеке-лям серебра, чтобы тем самым выкупить и востребовать своего сына.

Барбара вынесла Довика на орнаментированном серебряном блюде, наполненном сладостями и драгоценностями, и передала его мне.

Я поставил блюдо перед *когеном*, и он спросил: «Что ты предпочитаешь — отдать мне своего первенца или выкупить его за пять шекелей серебра?»

Я ответил установленным образом: «Я предпочитаю выкупить своего сына. Вот сумма выкупа, которую я обязан уплатить согласно закону Торы.»

Довик не проявил ни малейших признаков волнения, но для меня и Барбары это был очень волнующий момент. Потом я сказал об этом на *сеудат мицве* (праздничной трапезе):

«Любая *мицва*, которую мы выполняем, — сказал я, — может быть исполнена только после того, как Всевышний сделает нам подарок. Это подарок и дает нам возможность выполнить *мицву*.

Чтобы произнести благословение над хлебом, необходим хлеб; чтобы произнести *браху* перед чтением Торы, необходима святая Тора, величайший подарок на свете. Так и сегодня, чтобы иметь возможность произнести:

“Благословен Г-сподь, который обязал нас выкупать первенцев,” — я должен иметь первенца. Без этого подарка, сделанного Всевышним — моего сына, — я не смог бы выполнить *мицву “пидьон а-бен”*.

Стремясь выполнять обязанности, возложенные на нас как на евреев, — продолжал я, — мы часто забываем те дары, которые предшествовали этим обязанностям. В моем случае это немыслимо. Сегодня просто невозможно не видеть, сколь велико милосердие Всевышнего. *Пасук* говорит: “Все, разверзающее лоно — первородно”, — тем самым указывая, что разверзание не происходит само собой, что это дар, чудо, *нес*, напоминающее о том, как разверзлось Красное море перед Моше и сынами Израиля, как разверзся Иордан перед Йего-шуа и сыновьями Израиля на их пути в Эрец Исраэль.»

В этой второй в моей жизни попытке серьезно говорить о Торе я обсуждал проблемы зачатия и рождения детей, основываясь на том, что говорили наши мудрецы, благословенна их память, комментируя фрагмент текста *Мегилат Эстер*, посвященный персидской царице Вашти.

В заключение я упомянул *браху:*

«Благословен Г-сподь — Тот, Кто исцеляет любую плоть».

«Четыре года назад, — сказал я, — Всевышний привел в мир крохотную китайскую девочку. Когда ей исполнился месяц, мы отметили это китайской церемонией, символизирующей жизнеспособность и здоровье ребенка. Эта церемония была не

более чем подражанием обычаям наших китайских хозяев. Мы сами были не более, чем гостями в их доме, и уж наверняка никогда не смогли бы принять их религию. Но мы даже не могли представить себе, как далеко поведет нас это китайское дитя.

Теперь эта девочка стала еврейкой, и меньше, чем через год после этого, наш первенец — первое дитя, родившееся у нас за тринадцать лет брака, — достиг месячного возраста. Наша сегодняшняя церемония имеет глубокое значение. Сегодня я стою перед вами, неся бремя небесного царства, и выкупаю своего сына у *когена*, как предписывает мне Тора.

Благословен Г-сподь, который исцеляет всякую плоть и творит чудеса!»

Часть третья. ВОСХОД

Возьму ли крылья восхода
и переселюсь на край моря;
и там рука Твоя поведет меня
и удержит меня десница Твоя.
Псалмы, 139:9-10

Глава 1. Носить кипу

В МАЕ 1977 ГОДА я получил телеграмму, уведомлявшую, что Фулбрайтовский Фонд предоставил мне повторную стипендию для поездки в Китай. Перспектива возвращения на Тайвань весьма нас воодушевила. Для Барбары это означало возможность продолжать занятия китайским языком в несравненно лучших условиях; что же касается меня, то я мог осуществить свой давний проект исследования экономики развивающихся стран. Разумеется, нам не терпелось повидаться со многими близкими друзьями, оставшимися на Тайване. Но как только утих наш первый восторг, мы осознали, что на сборы и подготовку к поездке у нас остается всего два месяца.

Как-то вечером, оторвавшись на минуту от упаковки вещей, Барбара задала давно висевший в воздухе вопрос:

«Как ты думаешь, у нас не будет проблем с соблюдением *мицвот*, когда мы снова окажемся на Тайване?»

«По-моему, все должно быть в порядке, — поразмыслив, ответил я. — Что касается *кашрута*, то мы просто откажемся от мяса на весь этот год — для вегетарианцев вроде нас это не такая уж трагедия. Мы будем покупать на рынке свежую *кошерную* рыбу, ну а почистить ее мы сумеем сами. Соблюдение

субботы вообще зависит только от нас, так что лично я никаких проблем не вижу.»

«А *миква*, Алан, что будет с *миквой*?»

«Да, это действительно проблема!»

В суматохе, спешке и радостном оживлении, навеянном предотъездными сборами, мы беспечно упустили из виду некоторые чрезвычайно важные вещи. На какую-то секунду я даже подумал, не отменить ли нам поездку вообще, но, к счастью, тут же вспомнил прочитанную недавно книгу.

«Я недавно брал у рабби Фрида книгу о законах семейной чистоты, — обрадованно сказал я, — и там говорилось, что почти все естественные водные источники, озера и даже некоторые реки вполне могут заменить *микву.»*

«Совсем неплохо! — воскликнула Барбара. — Может быть, ты даже знаешь, какой водоем мы сможем использовать для этой цели?»

«Ну, уж это-то совершенно очевидно! — снисходительно ответил я. — Конечно, Китайское море!»

(Я считаю необходимым отметить, что, несмотря на наши усиленные домашние занятия и стремление полностью соблюдать

мицвот, мы с Барбарой все еще находились в самом начале нашего религиозного пути, и три основных заповеди пока что оставались нашими главными якорями. Мы полагали, что их соблюдения в Китае будет вполне достаточно, чтобы не позволить нашей семейной лодочке сбиться с правильного курса. Мы были чрезвычайно наивны и не подозревали о мириадах трудных проблем, подстерегающих религиозную еврейскую семью в чужих краях.)

НАКОНЕЦ, СО СБОРАМИ было покончено, и всего лишь несколько дней отделяло нас от даты отъезда. Пароходная компания уже отправила два наших небольших контейнера, договор о сдаче дома в аренду был подписан, авиабилеты получены. В один из последних наших вечеров в Америке Барбара вдруг обратилась ко мне с выражением озабоченности на лице:

«Я хочу попросить тебя кое о чем, но не знаю, как подступиться.»

«Если не знаешь, то давай лучше без церемоний.»

«Окей. Ты уже полгода носишь *цицит*. Я считаю, что тебе пора начать носить *кипу* постоянно, а не только дома или в синагоге.»

Признаться, я был даже рад, что Барбара подняла этот вопрос, потому что в последнее время он и мне не давал покоя. Честно говоря, я бы давно начал носить *кипу* и вне дома, просто мне казалось, что это будет выглядеть странно и вызывающе. Целых четыре года все мои коллеги, студенты и соседи видели меня без *кипы;* если теперь я появлюсь в лекционном зале со странной шапочкой на голове, они могут счесть меня чудаком…

Я чистосердечно признался Барбаре, какие противоречивые чувства меня обуревают.

«И еще кое-что на ту же тему, — продолжал я. — Мы с тобой ясно отдаем себе отчет, что только-только начали знакомиться с Торой. Есть еще много такого, чего мы не знаем или не понимаем. Вокруг нас почти никто не носит *кипу*. Если я неожиданно появлюсь в ней на людях, многие наверняка подумают, что я либо спятил, либо решил объявить себя раввином. А ведь раввину следовало бы гораздо лучше ориентироваться в еврейских вопросах.

Людям вообще свойственно ожидать определенного соответствия между внешним видом человека и его знаниями, между его одеждой и его поведением. Мне бы не хотелось обманывать доверие людей. Какой из меня раввин, ты знаешь. И вообще — я еще совсем не уверен в себе.»

«Да, до раввина тебе действительно далековато, — сочувственно ответила Барбара. — Но знаешь — у меня есть идея!

Через два дня мы отправляемся на другой конец света. Почему бы тебе не надеть *кипу* в аэропорту? У тебя будет целый год на Тайване, чтобы самому к ней привыкнуть, а твои коллеги, студенты и соседи за это время успеют забыть, как ты выглядел до отъезда, и спокойно примут тебя таким, каким ты появишься перед ними после возвращения.»

Я не мог не признать, что это было идеальное решение всех моих проблем. В результате, выйдя утром, в день нашего отлета, к ожидавшему нас такси с Довом Хаимом в одной руке и с чемоданом в другой, я гордо вертел головой, на которую была надета красивая вязаная бело-голубая кипа.

И что вы думаете?! Уже в аэропорту, когда мы ожидали посадки на самолет, ко мне подошел какой-то человек и извиняющимся тоном спросил:

«Простите, вы, случайно, не раввин?»

Глава 2. Возвращение на Тайвань

ИМЕЯ НА РУКАХ двух маленьких детей, мы решили лететь с остановками, чтобы разбить чересчур долгое путешествие на несколько не слишком утомительных этапов.

Сначала мы посетили наших друзей в Туксоне и Сан Диего, питаясь своими запасами *кошерной* пищи и дополняя ее свежими продуктами, а затем провели три замечательных дня в маленькой японской гостинице на острове Окинава.

Гостиница — насквозь продуваемое ветрами орлиное гнездо, расположенное высоко над морем — уютно прилепилась к горному склону. Из ее окон открывался потрясающий вид. А прямо под нами спускались к морю ряды стройных сосен, днем и ночью наполняя нашу комнату свежим ароматом хвои.

Окруженные этой живописной красотой и превосходно обслуживаемые грациозной, наряженной в кимоно дочерью хозяина, мы неторопливо вкушали радость возвращения на Восток.

В Национальном аэропорту Тайваня нас ожидали Мей-Мей и ее семья (увеличившаяся к этому времени еще на двух детей и насчитывавшая в общей сложности восемь человек).

Встреча была такой неподдельно радостной, как будто мы вернулись в родной дом.

Проведя ночь в тайпейском отеле, мы наутро снова отправились в рыбацкую деревню Тамсуй, как мы поначалу думали, в свой двухкомнатный коттедж.

Было забавно видеть, как Двора, которая в Штатах обычно была объектом всеобщего внимания, здесь отошла на второй план, и все взгляды устремлялись на белокурого и светленького Дова Хаима. Даже ехавшие с нами в одном купе китайцы, вопреки своей обычной сдержанности, то и дело оборачивались, чтобы получше разглядеть это маленькое забавное чудо.

В Тамсуе мы с приятным удивлением обнаружили, что на этот раз Тамкунгский университет выделил нам современный, полностью оборудованный дом. Он выглядел так, словно его доставили сюда прямиком из Лонг-Айленда.

Среди прочих домов факультетского поселка он казался этаким архитектурным «перемещенным лицом» или каким-нибудь залетным гостем, не в меру принарядившимся перед неожиданной вечеринкой. Видимо, наши китайские хозяева несколько перестарались в своем стремлении угодить западным коллегам.

Барбара первым делом занялась реорганизацией кухни. Она объяснила Мей-Мей, что, как евреи *(йо-тай реп*), мы обязаны подчиняться определенным правилам и выполнять специфические обряды.

Они вместе отправились за покупками и вскоре вернулись с новехоньким набором посуды, кастрюль, сковородок и прочих кухонных принадлежностей.

Дома Барбара сообщила слегка ошалевшей от неожиданностей Мей-Мей, что все купленные предметы нужно немедленно отнести к морю. Когда Мей-Мей поинтересовалась в чем дело, Барбара попросту заявила, что мы, «как евреи», обязаны каждый предмет кухонного обихода окунуть предварительно в морскую воду.

Ненадолго призадумавшись, Мей-Мей преодолела эту новую трудность с той же решительностью, с какой справлялась со всеми прочими проблемами, которые жизнь неустанно возводила на ее пути, и тут же заказала такси, которое отвезло нас к ближайшему ручью, впадавшему прямо в Китайское море.

Таксист припарковал машину прямо на пляже и с величайшим изумлением наблюдал, как мы, выгрузив свою поклажу, перетащили ее на несколько метров ниже по течению и стали погружать в проточную воду. Потом он покачал головой, повернулся к Мей-Мей и спросил, что означает этот странный ритуал.

Наша замечательная Мей-Мей теперь уже считала себя большим специалистом по еврейским обычаям и готова была подробно объяснять их своим невежественным соотечественникам.

«Мои хозяева — *йо-тай рен,* — сказала она как ни в чем ни бывало. — У них есть очень старая еврейская поговорка:

“Горшок, который побывал в океане, знает, как сварить рыбу, посуда, которая пахнет морем, сможет ее подать”.»

РАЗУМЕЕТСЯ, НАС ИСКРЕННЕ РАДОВАЛО, что Мей-Мей так быстро усвоила наш новый образ жизни, но я был уверен, что естественное человеческое любопытство рано или поздно возьмет верх над ее обычной китайской невозмутимостью.

И действительно, однажды утром я увидел, как она искоса поглядывает на меня каким-то странным взглядом.

«Что с тобой, Мей-Мей?» — спросил я, предоставляя ей возможность высказаться в открытую, о которой она давно мечтала.

«Со мной-то ничего, — сказала она, — а вот вы, Хуа-Пэнь и Бай-Лан, вернулись из Америки совсем другие. Бай-Лан все время носит на голове косынку, а Хуа-Пэнь — бело-голубую шапочку. По

утрам вы подходите к окну, закутываетесь в белое, словно одинокое облако, покрывало и наматываете себе на руку черные ремешки, похожие на те, которыми запрягают лошадей. — Она озадаченно получала головой. — Но я вижу, что ваши сердца теперь яснее, чем раньше, и ваши лица свежи и спокойны, как весенний ветерок. Бумага и перо те же самые, но написанное выглядит совсем иначе.»

«Ты права, Мей-Мей, мы изменились. — Я старался говорить как можно проще, чтобы ей было легче меня понять. — Мы теперь стали гораздо ближе к нашим предкам и к нашему Б-гу.»

Мей-Мей понимающе кивнула:

«Теперь вы похожи на меня. Я тоже чту духов. Китайская поговорка говорит: “Даже с дерева высотой в десять тысяч футов листья все равно падают к корням.” Что китайцы, что *йо-тай рен* — все люди, в сущности, одинаковы.»

С тех пор она не задавала нам никаких вопросов, какие бы странные, на ее взгляд, обряды мы не исполняли в течение всего этого года.

Не было ничего удивительного и в том, что нам хотелось как можно скорее повидать лейтенанта Ли и выразить ему горячую благодарность за все, что он для нас сделал.

Мы нашли его все в том же кабинете на вокзале, и нам показалось, будто ни он, ни окружающая его обстановка ничуть не переменились за все эти годы. Он встретил нас тепло и сердечно.

Небольшой подарок, который мы ему привезли — в сущности, сувенир, не более того, — конечно, не мог выразить всю нашу признательность этому человеку. Он принял подарок с присущей ему скромностью.

«Знаете, — сказал он, — я часто спрашиваю себя, куда спешат все эти люди».

Он показал на окно, за которым валом валили многотысячные толпы пассажиров.

«Может быть, это облака, которые гонит ветер? Если я и оказал вам какую-то услугу, то она ничтожна. Горы не могут задержать облака, проносящиеся над ними.»

Глава 3. Еврейский центр в Тайпее

НА ЭТОТ РАЗ мы с Барбарой вписались в китайское общество гораздо быстрее. Двора тоже приспособилась к нему легко и быстро. Каждое утро, в сопровождении двух подружек, живших в том же поселке, она отправлялась за два километра (по грунтовой дороге и через деревянный мост) в местный детский сад.

Чтобы родителям было легче издали их опознать, все дети в нашем поселке носили яркие желтые шляпы с вышитыми на полях именами. На шляпе Дворы было вышито «Хсин-Мей».

Каждое утро мы с Барбарой, стоя в дверях, смотрели, как эти трое малышек спускаются по извилистой дорожке, и провожали их взглядом до тех пор, пока они не превращались в крохотные желтые пятнышки на фоне горного склона. Четыре года назад мы созерцали ту же картину с завистью в душе. Теперь мы радостно улыбались, зная, что одна пара этих подпрыгивающих на спине косичек принадлежит нашей собственной дочери.

Само собой разумеется, что мы стремились продолжать наше возвращение к еврейской жизни. Потому нас очень обрадовало известие о том, что во время нашего отсутствия в Тайпее был создан Еврейский центр.

Когда нам сообщили, что в праздники в Центре состоится Б-гослужение, мы заранее договорились, что на протяжении всего праздничного периода будем ночевать в маленькой гостинице, расположенной неподалеку от Центра.

Центр размещался в перестроенном жилом доме в северной части города. Место для Б-гослужения было, конечно, странноватое, но, с другой стороны, этот дом вполне вписывался в пеструю группу зданий, которые его окружали.

В нескольких шагах ниже по улице размещались казармы китайской Национальной армии. Отполированные солдатские штыки багрово отсвечивали в пламени светильников, дымившихся у алтаря таоистского храма, находившегося тут же, совсем рядом с казармами.

Вплотную к Еврейскому центру примыкало посольство Саудовской Аравии, а сзади, высоко над всеми этими сооружениями, поднимались к небу зеленые склоны *Я Минь Шан* («Заросшей горы»), господствующей над Тайпеем.

К тому времени (это было в 1977 году) американское военное присутствие на Тайване сократилось до чисто символического уровня, так что Центр унаследовал от армии много религиозной утвари, в том числе свиток Торы, принадлежавший бывшей армейской синагоге.

Однако в Центре не было ни раввина, ни кантора. Почти все обязанности по организации Б-гослужения легли на плечи молодого, крепкого израильтянина по имени Нахум — одного из немногих евреев Тайпея, имевших за плечами несколько лет учебы в *ешиве*.

На службе в Рош-а-Шана присутствовало почти шестьдесят пять человек. Это были евреи из самых разных кругов общества, по-разному относившиеся к вере. К тому же они представляли самые разные виды занятий — среди них были бизнесмены, студенты, учителя, журналисты… В Б-гослужении участвовали и обычные туристы.

Некоторые из них пришли на службу в одиночку, другие — вместе с семьями. Кроме израильтян, здесь были евреи из Соединенных Штатов, Германии, Канады, Голландии, Южной Африки, Франции, Греции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Ирака — словом, из самых разных стран, собравшиеся для молитвы в экзотическом Тайнее.

Многоязыкий говор, наполнявший зал, почти сразу стих, когда началась симфония религиозной службы, слившая бесчисленные языки рассеяния в единый язык еврейской литургии — иврит.

В этой пестрой, в общем-то, западной толпе выделялись несколько восточных лиц, принадлежавших китайским женам и детям укоренившихся на Тайване евреев.

Глядя на них, я вдруг испытал странное и даже неприятное чувство. Я словно новыми глазами посмотрел на эту западно-восточную смесь. Поначалу она мне показалась просто занятной и курьезной. Но затем я с удивлением осознал, что смотрю как бы на свое собственное отражение в зеркале: ведь именно такими должны были казаться окружающим мы с Барбарой вместе с нашей Хсин-Мей. Я-то давно перестал воспринимать Двору как китаянку — для меня она была просто моей дочерью.

Я почти никогда, даже в мыслях, не возвращался к загадочным обстоятельствам ее рождения, и тем более не задавался вопросом о ее происхождении. Но сейчас я с внезапной пронзительностью осознал, что все, что казалось таким обычным и естественным нам с Барбарой, должно было вызывать постоянное любопытство окружающих.

НА ЙОМ КИПУР все было куда интимнее, словно бы под сурдинку. Стоял туманный и тихий день. «Заросшая гора» казалась далеким серым контуром на фоне тусклого пасмурного неба.

Странно, но именно в это утро нам представилась возможность ближе познакомиться с Нахумом, который вполне

успешно играл роль нашего кантора. Оказалось, что за его несколько грубоватыми манерами скрывается тонкая и уязвимая душа. Нахум рассказал нам, что родился как раз в Йом Кипур;

в этот же день родился и его младший сын. В тот самый день, вернувшись из госпиталя и узнав о рождении сына, он получил извещение о гибели своего брата, павшего на полях сражений войны Судного дня.

Его рассказ глубоко тронул нас и понятным образом наложился на молитву *Кол Нидрей*, сделав ее в тот день еще более значительной и волнующей.

На следующий вечер службу вел бывший раввин, весьма красноречивый оратор. Рассказывали, что он учился в *ешиве* в Венгрии и оставил большую и процветающую лос-анжелесскую общину, чтобы занять пост на Тайване.

Его речь меня взволновала.

«Первый шаг на пути раскаяния, возвращения к религии, *тшувы,* — сказал он, цитируя одно из высказываний рабби Шимшона Рафаэля Гирша, — самый серьезный и трудный шаг для каждого из нас. Он особенно труден еще и потому, что в каждом из нас притаился невидимый адвокат, который в любую минуту готов доказать, что мы вообще никогда не грешили, и уж, во всяком случае, сильно преуменьшить и затушевать наши прегрешения.»

Речь раввина была убедительной и напористой, и его слова, как мне показалось, нашли сочувственный отклик в сердцах многих из присутствующих.

Позже в тот же вечер, когда служба уже приближалась к концу, молящиеся сидели, собравшись тесным кругом. Волна глубокого чувства, поднимавшаяся в наших сердцах, когда мы слышали звуки *шофара*, казалось, наполняла маленькую комнатку.

Поднявшись, чтобы присоединиться к общей трапезе после окончания поста Йом Кипур, я оглянулся. Рука раввина покоилась на широких плечах Нахума. В глазах Нахума стояли слезы.

Глава 4. Сукот: построить суку

НАСТУПИВШИЙ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ праздник Сукот едва не застал нас врасплох. Мы еще не выработали привычку загодя строить *суку* и теперь внезапно осознали, что у нас остается всего несколько дней для выполнения этой не такой уж простой задачи.

К счастью, у нас не было недостатка в строительных материалах. Бамбука вокруг было более, чем достаточно, и я немедленно принялся сколачивать из него каркас будущей постройки.

Пока я усердно занимался этим делом, проходившие мимо китайцы то и дело останавливались, с удивлением смотрели на меня, почесывали затылки и шли дальше, качая головами. По мере того, как *сука* вырастала, число зевак быстро увеличивалось.

Я покрыл крышу этого сооружения небольшими бамбуковыми ветвями и листьями, позаботившись оставить достаточно просветов, чтобы по ночам, как положено, видны были звезды. Затем, за несколько часов до наступления праздника, я перенес в *суку* наш кухонный столик и стулья и расставил их на полу.

Двора помогла мне украсить *суку:* как и все еврейские дети в этот день, она с восторгом привязывала к свисающим с крыши ветвям всевозможные фрукты.

Примерно за час до наступления праздника, когда приготовления были в самом разгаре, Мей-Мей вдруг крикнула мне из дома, что к нам пришел какой-то гость. Я открыл дверь и увидел перед собой весьма серьезного с виду чиновника.

После обмена обычными любезностями чиновник сообщил, что он послан из университета, чтобы выяснить, что именно в предоставленном нам доме нас не устраивает. Нам стоит только намекнуть, продолжал он, и университет сделает все, что только возможно, чтобы выполнить любое наше желание.

Это непонятное заявление совершенно сбило меня с толку. Мы и без того уже не раз выражали университетскому начальству искреннюю благодарность за поистине замечательные условия, которые оно нам предоставило — как же могло возникнуть впечатление, будто мы чем-то недовольны?!

Я горячо заверил чиновника, что дом нас полностью удовлетворяет, что мы очень довольны и чрезвычайно за все благодарны.

Теперь настала его очередь недоумевать.

«Раз так, — запинаясь от неловкости, проговорил он, — почему вы решили выехать из старого дома и построить себе новый снаружи?»

Мей-Мей, как обычно, прислушивалась к разговору из кухни. Не успел я ответить, как она вмешалась в беседу и с большим апломбом объяснила:

«Завтра пятнадцатый день восьмого лунного месяца. Китайцы празднуют осенний День Луны, едят праздничные лакомства и гуляют при лунном свете. Хсу Суен-Шунь и Хсу Тай-Тай (мистер и миссис Хсу) — *йо-тай рен* (евреи), у них принято отмечать этот праздник по-своему — есть и спать снаружи, в полном соответствии с китайской поговоркой:

“Надень луну вместо шляпы и звезды — вместо накидки”.»

«Теперь я понимаю! — обрадованно сказал чиновник. — А я и не знал, что наши обычаи так похожи на еврейские! *Гунг Хси! Гунг Хси!* (Приятного вам праздника!)»

«*Хаг самеах*» — вежливо ответил я.

Глава 5. Галилея

КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ Двора вместе с другими еврейскими детьми из Тайпея и окрестностей отправлялась на утренние занятия по ивриту, которые проводились в Еврейском центре. Преподавательница, миссис Ариэли, уроженка Тель-Авива, обучала их основам языка, еврейской истории и религиозным обычаям.

Я сопровождал Двору на эти уроки и, пока она занималась, обычно ждал снаружи, коротая время в разговорах с другими родителями или заглянувшими в Центр гостями.

В один из таких дней я разговорился с приятной пожилой женщиной и с удивлением узнал, что она родом из Тьенсина, где некогда существовала процветающая еврейская община, похожая на шанхайскую и харбинскую.

Рассказывая свою историю, женщина то прихлебывала из чашки крепкий китайский чай, то затягивалась сигаретой, которая дымилась в ее морщинистых пальцах, и тогда сигаретный дымок окутывал ее хрупкую фигурку, тонувшую в глубоком плетеном кресле, так что мне начинало казаться, будто я сижу в затененной кружевными занавесками викторианской гостиной.

Ее голос доносился как бы издалека, с отдаленных холмов или из дальних лесов.

«Я родом из зажиточной семьи, — рассказывала она. — Мои родители бежали из России, от революции. Они были хорошими евреями, и отец, разумеется, помогал еврейским организациям в Тьенсине, однако своих детей ему хотелось воспитать на классический русский манер. Поэтому меня учили русскому, английскому и французскому языкам, но даже не подумали обучить ивриту.

Круг наших знакомых был весьма космополитичным, а религию нам заменял сионизм. Но *кашрут* мы все-таки соблюдали, еврейские обычаи и праздники были мне знакомы, я даже гордилась своим еврейством.

Мы и после смерти отца жили насыщенной, полной жизнью…»

Она грустно посмотрела на раскачивавшийся в саду куст бамбука, и я вдруг испугался, что она замолчит. Но, по-видимому, она не нуждалась в поощрении и в действительности была рада, что может хоть с кем-то поделиться воспоминаниями о далекой, давно прошедшей молодости.

«Потом в Китай пришла революция, и все сразу кончилось, —

помолчав, продолжала она. — В 1949 году мы с матерью решили покинуть Тьенсин, но буквально за считанные дни до отъезда я вспомнила, что скоро годовщина папиной смерти. Коммунисты тогда еще не запрещали нам свободно передвигаться по стране, поэтому на следующий день я отправилась в синагогу.

У дверей синагоги я увидела двух китайцев. Один из них дружелюбно меня приветствовал — это был местный смотритель; другой был мне незнаком.

Смотритель позволил мне войти. В синагоге стояла тишина, и теплый утренний свет заливал помещение. Я подошла к тому месту, которое всегда занимал отец. Это почетное место вблизи возвышения было закреплено за ним в знак признания его заслуг перед общиной.

Я стала читать молитву, которую выучила когда-то в детстве. Когда я кончила молиться и открыла глаза, я снова увидела того незнакомого китайца и растерялась от неожиданности: он молился, завернувшись в *талит*, и его молчаливый, загадочный облик показался мне исполненным необычайного достоинства и благородства.

Он молился сосредоточенно и страстно. На мгновение наши глаза встретились, потом я повернулась и вышла из синагоги, оставив его одного. На следующий день мы выехали в Израиль.»

Она опять замолчала, заново вызывая к жизни эти далекие воспоминания.

«Много лет спустя я отправилась в Галилею, чтобы навестить своих близких друзей, которые когда-то тоже эмигрировали из Китая. Они поселились в *мошаве* и хорошо приспособились к израильской жизни. В отличие от нас, они сумели вывезти с собой множество китайских вещей. Было так приятно снова держать в руках эти знакомые, дорогие сердцу предметы…»

Помню, в тот вечер мы обсуждали статью, которую незадолго до того опубликовал тогдашний израильский президент Ицхак Бен-Цви. Бен-Цви, как вы, возможно, знаете, очень интересовался старинной китайской еврейской общиной города Кайфенга.

Эта община, основанная древними ближневосточными торговцами, путешествовавшими по Великому шелковому пути, с годами все более и более китаизировалась и накануне своего исчезновения была близка к полной ассимиляции.

Бен Цви, однако, утверждал, что и поныне в Китае живут потомки этой общины, которых легко узнать по форме носа и другим типично семитским чертам. Легко себе представить, что у нас, бывших жителей Китая, эта статья вызвала большой интерес.

В ходе разговора мой взгляд упал на маленькую статуэтку, которую мои галилейские друзья поставили на столик в углу.

Статуэтка изображала человека в китайском наряде, сосредоточенно склонившегося над книгой, которую он держал в руках.

Мое внимание привлекли черты его лица. Его нос был намного больше, чем у обычного китайца, да и во всем его облике было что-то мучительно знакомое.

«Этта, — сказала я, — тебе не кажется, что эта статуэтка изображает одного из кайфенгских евреев? Посмотри на его лицо.»

«Рена, ты сошла с ума, — ответила подруга. — Тебя все еще преследуют воспоминания о той встрече в синагоге. Тебе везде мерещатся китайские евреи!»

В ту ночь, мучимая бессонницей, я открыла окно своей спальни.

Только тут, среди галилейских холмов, можно ощутить настоящий Израиль, подумалось мне. В комнату вливался теплый мягкий воздух, луна заливала ее таким же серебристым светом, каким, как мне казалось, была залита в то памятное мне утро синагога.

Я вышла в салон и взяла со столика статуэтку.

«Ну, что ж, мой маленький друг, — сказала я, — вот ты, наконец, и в Израиле. Стой вот тут у окна и вдыхай воздух своей страны.»

С этими словами я заснула.

Проснувшись утром, я обнаружила, что статуэтка исчезла с подоконника. Я обыскала весь дом. Я подумала было, что ночью она свалилась вниз и разбилась, но нигде не было видно никаких обломков.

Мне было ужасно неудобно. Друзья посмеивались надо мной и даже помогали мне в моих поисках, но все было бесполезно — статуэтка исчезла без следа.

Этта предположила, что какой-нибудь школьник проходил мимо, заметил статуэтку и стащил ее с окна, пока я спала. Я не возражала, но думала про себя: «Ну, что ж, мой друг, теперь ты затерялся где-то в Галилее. Наконец-то ты дома, наконец-то ты в Эрец Исраэль…»

Мгновение спустя Двора выбежала, пританцовывая, из классного помещения и бросилась с разбега в мои объятия.

Глава 6. Царица суббота

КАК-ТО РАЗ Я НАШЕЛ в своей ежедневной почте письмо, извещавшее, что в Еврейском центре намечается вечернее субботнее Б-гослужение с участием приехавшего в город американского военного раввина. Мы опять договорились о ночлеге с хозяином той же крошечной тайпейской гостиницы и с нетерпением предвкушали, что наконец-то проведем настоящую еврейскую субботу.

В назначенное время в Центре собралось человек двадцать местных евреев, в основном — регулярных посетителей. Из случайных разговоров мы узнали, что приехавший на короткое время раввин принадлежит к реформистской общине, приписан к американским частям в Корее, но время от времени совершает поездки по различным районам Дальнего Востока. Президент Еврейского центра представил его как рабби Абрамса.

Рабби Абраме начал с того, что возможность отпраздновать субботу вместе с***замечательными*** представителями тайпейской еврейской общины представляется ему настоящим ***замечательным*** чудом. Затем он заявил, что должен нам кое в чем признаться.

«Пою я ужасно, — сказал он с хорошо натренированной улыбкой. — Поэтому я решил, что будет лучше, если я запишу все положенные субботние мелодии на магнитофон. По ходу Б-гослужения я буду в нужных местах включать пленку, и вы получите***замечательную*** возможность услышать голос ***замечательного*** кантора.»

Я не мог поверить, что он говорит все это всерьез. Однако после нескольких таких упражнений с магнитофоном я уразумел, что он не шутит. Не берусь сказать, что было нелепее — эта субботнее Б-гослужение под магнитофон или пение американских народных песенок на Рош-а-Шана, которым нас когда-то угостили в американской реформистской синагоге.

Когда служба кончилась, я подошел к раввину.

«Рабби Абраме, — сказал я, — у меня есть замечательная идея!»

«Валяйте!» — радушно отозвался он.

«К тому времени, когда вы будете у нас в следующий раз, я приготовлю пленку, на которой будут записаны голоса членов общины, подпевающих вашему кантору.

На вашей пленке будет голос кантора, а на моей — голоса собравшихся. У вас будет начало каждого фрагмента, а у меня — продолжение. Мы зажжем свечи, поставим на стол оба

магнитофона, включим их на нужном месте, а сами спокойно отправимся себе в бар и, пока суд да дело, выпьем по рюмочке-другой. Что вы на это скажете?»

Не дожидаясь ответа, я от чистого сердца пожелал ему «доброй субботы» и присоединился к Барбаре, которая уже ждала меня снаружи.

ПОСЛЕ ЭТОЙ комической истории мы с Барбарой решили проводить все субботы дома, в Тамсуе. Каждую пятницу Барбара пекла домашние *халы*, а Мей-Мей готовила к столу специальную рыбу.

Поначалу мы долго ломали голову, не зная, где взять *кашерное* вино для *кидуша*. Это была нелегкая проблема — на Тайване *кошерного* вина, как и других *кошерных* продуктов, естественно, не было и в помине. Поразмыслив, мы решили, что вино можно приготовить дома.

Мы приобрели громадный глиняный кувшин и закупили на рынке несколько килограммов изюма и смородины. Каждый килограмм фруктов мы заливали литром кипятка, затем добавляли всевозможные специи, в том числе, гвоздику и имбирь, и оставляли эту смесь на три дня в холодном месте. Потом смесь процеживалась, в кувшин добавлялись три фунта кускового сахара на галлон; вся масса перемешивалась до тех пор, пока сахар не растворялся полностью.

Получившийся напиток снова ставился в холодное темное место. Основательно перебродившая смесь еще раз процеживалась и уже после этого разливалась по бутылкам. Этот нехитрый технологический процесс обеспечил нас вином на весь остаток проведенного на Тайване года.

Оставалась еще проблема субботних свечей. Разумеется, достать белые свечи не составляло никакого труда, но мы поначалу не учли того, что в Китае белые свечи ассоциируются вовсе не с праздником, а с трауром и похоронами. Помню, в первую же субботу, когда Барбара зажгла белые свечи, Мей-Мей страшно всполошилась:

«Бай-Лан, Бай-Лан, что ты делаешь? Разве ты не знаешь, что белые свечи приносят несчастье? Люди подумают, что у нас в доме завелись духи!»

Увидев как переживает наша Мей-Мей, легко было себе представить, как отнесутся к нашим белым свечам другие китайцы. Портить себе радостную субботнюю атмосферу нам совершенно не хотелось, поэтому мы решили вместо белых свечей зажигать красные — благо у китайцев они ассоциируются с удачей и благополучием.

Я завел обычай каждую субботу перед заходом солнца гулять

с Дворой по окрестным лугам. Полевые цветы покачивались на вечернем ветру, внизу, под нами, поднимаясь и опускаясь, дышало море, солнце меняло свой цвет, медленно скрываясь за горизонтом.

На далеком берегу, обрамленные туманной вечерней дымкой, ясно выступали белоснежные паруса рыбацких лодок. Высоко в облаках призрачная луна терпеливо ожидала того часа, когда она сможет залить все вокруг своим холодным сиянием.

Мы приветствовали Царицу Субботу, как некогда рабби Ханина и рабби Яннай. Дождавшись ее прихода, мы возвращались к нашему субботнему столу, где нас ожидали две благоухающие, глазированные *халы*, бутылка виноградного вина и язычки веселого пламени, танцующие над толстыми красными свечами.

Глава 7. Визит в Гонконг

В МАРТЕ Я ПОЛУЧИЛ очень привлекательное в профессиональном плане предложение выступить с лекциями в Корее, Гонконге и Таиланде. Когда программа турне была разработана, я связался со всеми интересовавшими меня дальневосточными авиакомпаниями, чтобы выяснить, смогут ли они обеспечить мне *кошерную* пищу во время полета.

Всюду меня заверили, что это пожелание является вполне законным и не вызовет никаких затруднений.

Первым в моем расписании значился вечерний рейс «Китайских авиалиний» по маршруту Тайвань — Гонконг. Вскоре после взлета стюардессы начали разносить еду. Мне принесли завернутый в двойной слой фольги и, вдобавок, запечатанный пакет, на котором значилось, что его содержимое приготовлено под надзором Главного раввината Швейцарской республики.

Я снял фольгу и с восторгом обнаружил, что основное блюдо — это ребрышки в густой мясной подливке.

До этого момента я и сам не отдавал себе отчета, насколько я соскучился по мясу и, вообще, привычной американской пище.

Сказать по совести, я никогда не был таким неистовым вегетарианцем, как Барбара, и в Штатах нередко лакомился цыпленком, которым нас угощали на субботних приемах наши невегетарианские друзья.

Здесь, на Тайване, нам варила, в основном, Мей-Мей, и хотя она готовила просто великолепно, ее представления о западной кухне были весьма далеки от наших. Поэтому даже если бы нам и удалось достать *кошерные* продукты, вряд ли ее котлетки на пару хоть отдаленно напоминали бы тот сочный, хорошо прожаренный кусок мяса, который лежал передо мной на подносе, обжигая паром мои алчные ноздри.

Я проглотил эту вкуснятину с понятным аппетитом.

По завершении визита в Гонконг, где моя лекция, кстати сказать, имела большой успех, я отправился в Сеул — на этот раз утренним рейсом «Корейских авиалиний».

Опять подошло время завтрака, и опять стюардесса предложила мне *кошерную* пищу, завернутую в защитную фольгу. На сей раз я заранее начал облизывать губы, предвкушая очередной кулинарный сюрприз. Вот почему, развернув фольгу и обнаружив там уже знакомые мне ребрышки, я испытал легкое разочарование. Для восьми часов утра еда была не очень подходящая.

Тем не менее, если не особенно привередничать, это блюдо было совсем неплохо и по-прежнему имело приятный ностальгический привкус.

Серия лекций в Корее тоже прошла с большим успехом, но мне было не до похвальных рецензий — меня уже дожидалось заказанное ранее место на рейс «Таиландских авиалиний», который должен был доставить меня из Сеула в Бангкок.

Очередная стюардесса, на сей раз — в традиционном таиландском наряде, грациозно поставила передо мной украшенный вычурной резьбой поднос из сандалового дерева, на котором лежал, отсвечивая серебряной фольгой, уже хорошо знакомый мне пакет. Тяжелые подозрения зашевелились в моем мозгу. Увы, они оказались вполне основательными — на прикрепленной к пакету наклейке я прочел: «*Кошерная* пища. Эти ребрышки с подливкой приготовлены под контролем Главного раввината Швейцарской республики».

Перелет был долгий, и стюардесса еще дважды приносила мне все тот же пакет с *кошерными*, уже порядком надоевшими мне ребрышками.

Стоит ли говорить, что на обратном пути, возвращаясь «Японскими авиалиниями» в Тайпей, я уже хорошо знал, что меня ждет, — и действительно, я не был обманут в своих предчувствиях.

В аэропорту меня восторженно встречали Барбара, Двора и Дов Хаим. И что же? Не успели мы переступить порог дома, как Мей-Мей радостно крикнула из кухни:

«Хуа-Пэнь, я приготовила тебе сюрприз. Бай-Лан велела мне сварить что-нибудь еврейское, и я решила сделать тебе подарок — *кошерные* ребрышки в мясной подливке!»

Глава 8. Евреи не едят свинину

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН в Китае насчитывает более тысячи лет. Она закончилась только в нынешнем столетии. Главной причиной их исчезновения был катастрофический упадок еврейского образования.

Начиная с семнадцатого века, в этих общинах не было настоящих раввинов. Вскоре там не осталось ни учителей, ни стремления сохранить еврейскую традицию.

В середине девятнадцатого века один путешественник рассказывал о двух-трех сотнях евреев, еще живших тогда в Китае:

«Они утратили свою религию и почти неотличимы от окружающих. Они поклоняются идолам и не делают обрезания. По одежде, внешности, обычаям и вере они настоящие китайцы.»

В 1941 году японцы, оккупировавшие Кайфенг, опубликовали данные, согласно которым еврейское население города насчитывало всего 180 человек.

Один из последних известных нам китайских евреев был обнаружен за два года до нашего приезда раввином еврейской общины Токио Мэвином Токайером.

Находясь в Японии, рабби Токайер услышал, что где-то на Тайване живет едва ли не последний потомок настоящих китайских евреев. Это сообщение его, естественно, весьма заинтересовало, но, увы, — кроме имени этого человека — Ши Хунь-Мо — он ничего о нем не знал.

Тогда Токайер отправился разыскивать его на Тайвань, но здесь, к своему удивлению, обнаружил, что людей по имени Ши Хунь-Мо на острове пруд пруди. Потеряв надежду найти самостоятельно этого человека, он обратился за помощью к сыну генералиссимуса Чан Кай-Ши.

Поскольку все мужчины на Тайване проходят обязательную военную службу, а имена всех военнослужащих, как побывавших на военной службе, так и ныне проходящих ее, хранятся в главном компьютере тайваньского военного министерства, найти необходимого Ши Хунь-Мо оказалось довольно просто — достаточно было просмотреть список всех людей, носивших это имя, и выяснить, кто из них, заполняя анкеты, назвал иврит в качестве своего второго языка. В списке был обнаружен всего один такой человек.

Как и рабби Токайер, мы с Барбарой не могли упустить возможности познакомиться с последним представителем исчезнувшей еврейской общины Китая и тоже начали собственное

расследование. Впрочем, нам не пришлось долго искать — президент тайпейского Еврейского центра сразу же дал нам адрес Ши Хунь-Мо, предупредив при этом, что, хотя мистер Ши открыто признает свое еврейство, он предпочитает не афишировать свой еврейский образ жизни и весьма разборчив в выборе гостей.

Барбара тут же написала мистеру Ши (естественно, по-китайски), что в связи с приближением Песах мы были бы рады угостить его *кошерной* пасхальной пищей и, разумеется, мацой. Мистер Ши немедленно ответил на ее письмо и назначил нам время визита.

Спускаясь по узкому переулку к его дому, мы не переставали удивляться некоторым довольно-таки странным совпадениям.

Пять лет назад мы жили в нескольких минутах ходьбы от этого самого места. Буквально еще несколько шагов, и мы бы увидели наше прежнее жилье, находившееся на самом краю рисового поля.

На меня нахлынула волна воспоминаний. Именно сюда мы принесли нашу новорожденную дочурку, крохотный темноглазый сверток, свалившийся на нас так неожиданно и без предупреждения, маленькую китайскую девочку, которая положила начало цепи событий, изменивших весь ход нашей жизни.

И вот теперь, пять лет спустя, мы проходим рядом с этим домом, направляясь на встречу с еще одним китайским евреем!

Мистер Ши уже ждал нас у дверей своего дома. По виду он был неотличим от других китайцев, разве что глаза у него были круглее, и черты лица — тяжелее, чем обычно. Мы обменялись приветствиями и прошли в дом.

Это было одно из многочисленных похожих друг на друга строений в особом квартале, предназначенном для отставных военных, — простой однокомнатный домик с узенькой спальней, служившей одновременно кабинетом и заполненной книгами, картами и бумагами.

Мы разговорились, и хозяин охотно рассказал нам свою историю.

К моменту нашей встречи он был холостяком лет пятидесяти с лишним. В 1949 году он бежал с материка вместе с другими сторонниками генералиссимуса Чан Кай-Ши. Тогда его родители были еще живы. Теперь они уже наверняка умерли. У него были два брата, но один из них погиб от рук японцев в Китае, а другой — в Корее, в боях с американцами. Его дед занимался врачеванием, а отец был разъезжим торговцем, коммивояжером.

Молодым человеком Ши много путешествовал со своим отцом, побывал в Персии и даже в Хайфе. Он помнил, как отец

показывал ему надгробные камни с ивритскими надписями на тамошнем кладбище.

Однажды, во время поездки в Шанхай, он показал находившемуся там проездом раввину из Минска бумагу со своей родословной.

Раввин внимательно изучил документ и сказал, что его предки действительно были евреями. По совету раввина он начал учить иврит. Он с гордостью показал нам образцы своих письменных упражнений на иврите.

В доме Ши отмечались три еврейских праздники — Рош-а-Шана, Пурим и Песах, а заодно и три китайских — Новый Год, Праздник Луны и Праздник Дракона. Свинину он не употреблял в пищу, потому что дед когда-то сказал ему, что «евреи не едят свинину».

Однажды он посетил Кайфенг, но нашел там всего три еврейских семьи, которые жили в ужасающей бедности и зарабатывали на хлеб, работая уличными разносчиками или рикшами.

Они еще помнили, что их предки были евреями, но уже ничего не знали об иудаизме.

Мистеру Ши особенно приглянулась наша Двора. Он искренне обрадовался, узнав, что она обращена в иудаизм. Возможно, он усматривал в этом обращении продолжение цепи, звенья которой уходили на тысячу лет в прошлое. Он сознавал, что ассимиляция, смешанные браки и веротерпимость китайского общества привели к тому, что эта цепь — если не считать его самого — уже прервалась. Может быть, ему показалось, что благодаря Дворе ее можно будет теперь восстановить.

Проведя около часа в такого рода приятных разговорах, мы оставили ему пасхальные подарки и мацу и пожелали доброго здоровья. Он проводил нас до конца переулка, где мы распрощались. Пройдя несколько шагов, он обернулся и крикнул нам вслед:

«Ле-шана а-баа бе-Иерушалаим — в следующем году в Иерусалиме!»

Глава 9. Поезд в Каошунг

ПОСЛЕ ИСТОРИИ С РЕБРЫШКАМИ в подливке я уже старался держаться поближе к дому; тем не менее, время от времени мне все-таки приходилось читать лекции в других колледжах и университетах Тайваня.

Однажды, как раз из-за этих выездных лекций, мне пришлось ехать поездом в Каошунг, находящийся на самом юге острова. Мне нравилось путешествовать поездом, тем более, что купе первого класса на Тайване были вполне комфортабельными.

Проводники в голубых мундирах разносили чай и раздавали пассажирам горячие освежающие напитки. Пейзаж за окнами менялся с калейдоскопической скоростью. Обнаженные, пожалуй, печальные после осенней жатвы, мелькали справа и слева рисовые поля. Иногда за крутым поворотом внезапно появлялся висячий мост, а внизу, прямо под его хрупким каркасом, плескались в ручье ребятишки. Медлительные буйволы провожали проходящий поезд снисходительным и равнодушным взглядом.

На этот раз состав делал множество остановок, высаживал и подбирал пассажиров на маленьких придорожных станциях, и в Тайване в мое купе вошла какая-то женщина, тащившая за собой огромный глиняный кувшин.

Она уселась на скамью напротив и усердно принялась устраивать свою поклажу непосредственно рядом с моими коленями.

Поскольку места в купе, естественно, не хватало, ей, в итоге, пришлось поставить кувшин к себе на колени. Мне никогда не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь тащил за собой в пассажирский вагон такую громоздкую поклажу, и, поскольку кувшин вторгся отчасти и на мою территорию, я, в конце концов, решился и спросил соседку, почему она не сдала его в багаж.

«Что вы! — воскликнула она. — Это совершенно невозможно!»

Поезд мчался через горные перевалы. Вокруг, на покрытых террасами склонах, виднелись крохотные возделанные поля. Пейзаж был привычный, делать было нечего, а любопытство продолжало меня подстрекать.

«Ваш кувшин, наверно, очень тяжелый, — снова заговорил я. — Вам будет неудобно все время держать его на коленях. Почему бы вам все-таки не сдать его в багажное отделение?»

«Это было бы большим неуважением.»

Ее ответ совсем сбил меня с толку.

«Не понимаю, — сказал я. — О каком неуважении может идти речь, если ваш кувшин поедет в багажном отделении? Там ведь все равно никого нет. Он там никому помешать не может.»

Я нарочно подчеркнул эти слова, потому что мне-то ее кувшин мешал и даже очень — я то и дело отодвигался от острых краев этого вместительного сосуда, ибо они упорно грозили разодрать мне штанину.

«Нет, нет, я никак не могу с ним расстаться, — решительно сказала женщина. — Это было бы, знаете, как-то не по-дочернему.»

«Как это — не по-дочернему — изумился я. — Да что у вас в этом кувшине, наконец?»

«У меня там мой отец», — простодушно объяснила она. «Ого! — подумал я, внезапно вспомнив, на что способны китайцы ради того, чтобы как следует выполнить свои обязанности по отношению к родителям. — Как хорошо, что я не *коген.»*

Глава 10. Китайское письмо

ПОКА МЫ С БАРБАРОЙ один на один сражались с китайскими нравами и обычаями, наша маленькая Двора вела свою собственную борьбу — за овладение китайской каллиграфией.

В отличие от большинства других языков, китайский язык не имеет алфавита. Каждая китайская «буква»-иероглиф тщательно выписывается и представляет собой целую картинку, выражающую определенное понятие. Таких иероглифов существуют тысячи. Они состоят из горизонтальных и вертикальных линий, точек, крючочков и наклонных черточек, и поэтому обучение китайскому письму представляет собой медленный и довольно мучительный процесс.

Большинство людей испытывает большие трудности в овладении техникой начертания иероглифов, поэтому учиться каллиграфии лучше всего с раннего возраста. Китайские дети начинают с самых простых линий и, по меньшей мере, час в день посвящают тренировке в их начертании. Двора вместе со своими одноклассниками училась писать, снова и снова копируя иероглифы, начиная с самых простейших.

Но у китайцев каллиграфия — не просто наука письма; это еще и вид искусства, во многом сходный с живописью.

Для того, чтобы стать действительно каллиграфическим, изображение иероглифов должно отличаться оригинальностью, стилем, силой и иметь индивидуальный характер.

Современный китайский философ Лин Ю-Тань как-то сказал, что «каждая горизонтальная линия подобна скоплению туч в боевом строю, каждый поворот линии — это мощно натянутый лук, каждая точка подобна камню, низвергающемуся с высокого утеса, каждый изгиб напоминает медный крюк, каждая удлиненная линия походит на старую виноградную лозу, а каждый быстрый, размашистый мазок — все равно, что бегун на старте.»

Мы с Барбарой по сей день убеждены, что в почерке Дворы, даже когда она пишет на иврите или по-английски, можно обнаружить следы ее занятий китайской каллиграфией.

Каллиграфия — одновременно и самое уважаемое, и самое распространенное из китайских искусств. Преклонение перед написанным словом с детства входит в китайское сердце, и буквально в каждом доме можно увидеть хотя бы несколько образцов каллиграфического искусства.

В школах детей учат никогда не рвать и не выбрасывать

исписанную бумагу, даже если она уже ни на что больше не годится.

Еще во время нашей первой поездки на Тайвань я заметил на улицах и дорогах множество стариков с бамбуковыми корзинами на плечах, которые собирали валявшуюся на земле бумагу. Тогда я, естественно, решил, что они просто убирают мусор, тем более, что хорошо знал, что они время от времени сжигают собранную бумагу в каких-то маленьких пагодах, стоявших на краю деревень.

Потом я понял, что уважение китайцев к любому клочку бумаги с начертанными на нем иероглифами столь велико, что они просто не могут видеть, как она валяется под ногами или вообще в неподходящем месте. Эти маленькие пагоды, где собранную бумагу предавали почтительнейшему сожжению, так и назывались *Хси-Цу-Ту* — «Пагоды уважения и сочувствия к бумаге».

Речь и письмо — два воплощения одного и того же импульса, одно и той же потребности передать другим людям наши чувства, мнения, реакции и мысли. Одна из этих форм воплощения опирается на слух, другая — на зрение; одна передает информацию при помощи звука, идущего от органа речи к органу слуха, другая — при помощи изображения, создаваемого рукой и впитываемого глазом. Китайцы придали обоим этим вариантам человеческого общения ясные, четкие и, главное, глубоко эстетичные формы. Китайская речь достигает вершин мелодичности, а китайская каллиграфия позволяет начертанным на бумаге словам подняться до уровня поразительных художественных образов.

Ту же внутреннюю эстетичность, которая делает китайский язык столь возвышенным и вдохновенным, я открыл позднее и в иврите. Но хотя письменный иврит тоже обладает впечатляющими декоративными элементами, а ивритская устная речь эстетически удивительно хороша, не эти особенности святого языка вызвали у нас почтительнейшее преклонение.

По мере тщательного изучения традиционных текстов и общения с образованными людьми, мы с Барбарой начали понимать, что главным сокровищем иврита является его уникальная способность служить средством выражения всего, что есть *Кдуша,* — то есть святости. Тут иврит становится Словом, поднимаясь на невероятную высоту.

В то время, как у китайцев признаком образованности человека является его способность мелодично говорить и умение искусно рисовать иероглифы, у евреев одним из главных признаков духовности, неотделимой от истинного еврейства, является способность пользоваться языком так, чтобы с его

помощью прославлять мудрость Всевышнего и выражать свою веру в Него.

Глава 11. Философия Конфуция

ВО ВРЕМЯ НАШЕГО первого пребывания на Тайване его многочисленные, бросающиеся в глаза храмы, пагоды и алтари казались нам не более, чем любопытными архитектурными, историческими и культурными достопримечательностями. Религиозная сторона дела от нас как-то ускользала.

Эти строения были очень различными: от крохотных пагод, возводимых крестьянами на своих полях, до впечатляющих старинных архитектурных сооружений, занимавших большую площадь и нередко построенных на самых вершинах гор.

Китайская теологическая система, являющаяся, как известно, причудливой смесью пантеизма, то есть религиозной теории, обожествляющей силы природы; пестрого набора культов самых разных личностей, обожествленных за свои прежние заслуги (зачастую трудно бывает определить, изучая их биографии, где историческая реальность переходит в миф); буддизма с его потусторонним стремлением к Нирване; конфуцианства, проповедующего моральные и этические ценности, провозглашенные в учении Конфуция и его учеников, и таоизма, отстаивающего естественную простоту и смирение как главные ориентиры, которые должны стать вехами для каждого человека, находящегося на праведном пути.

Впрочем, большинство рядовых китайцев почти совершенно равнодушно к тонкостям всех этих изящных доктрин; их эклектическая вера черпает из каждой из них по потребностям.

Нам самим зачастую трудно было разобраться, кто есть кто среди бесчисленных богов и идолов, заполняющих собой тот или иной храм. И действительно — в одном и том же храме можно было порой встретить до двух десятков различных изображений, фигур и реликвий, которые мирно соседствовали друг с другом и сообща управляли духовным миром своих почитателей.

Случалось иногда, что какой-то храм был целиком посвящен какому-то одному божеству, и раз в год в нем происходило специальное богослужение в его честь. В такие дни статуя этого бога (или богини) снималась со своего постамента, и ее торжественно проносили по всей деревне и ее окрестностям.

Это были яркие, волнующие процессии, и мы с Барбарой наблюдали за ними с таким же интересом, как и сами жители деревни.

Всякий раз они сопровождались оглушительными звуками — непрерывно трещали фейерверки, выстреливая разноцветные

огни на многометровую высоту, без устали грохотали барабаны, не умолкая, звенели колокола, неистово ревели трубы. Приторный чад фимиама и едкий запах отстрелянных фейерверков разъедал ноздри, дымная пелена расстилалась над всей деревней.

По мере продвижения к процессии присоединялось все больше и больше набожных почитателей этого божка. Завидев статую, они нередко впадали в почти гипнотический транс или, напротив, в самый безудержный экстаз, который проявлялся самым неожиданным и непривычным для нас образом — то в прыжках босиком по раскаленным углям, то в полосовании тела какими-нибудь острыми предметами.

Однако в нынешний наш приезд мы вдруг ощутили, что все это неприкрытое идолопоклонство сильно нам мешает, наполняет нас растущей неприязнью. Мы стали избегать всяческого контакта с храмами и проводимыми ими церемониями.

Единственным исключением остались для нас гробницы — фамильные склепы, которые китайцы традиционно возводят в знак уважения к своим умершим предками, а также чтобы умилостивить их.

С этими гробницами мы познакомились случайно, во время одной из наших регулярных субботних прогулок по окрестностям. Наткнувшись как-то раз на узенькую тропинку, мы пошли по ней, минуя обработанные рисовые поля, разгороженные плотными бамбуковыми заборами, за которыми стояли уединенные крестьянские дома, и вскоре увидели вдали характерные очертания небольшой пагоды.

Мы решили, что это какой-нибудь очередной храм, но, подойдя поближе, были поражены, увидев, что, вместо привычной вереницы идолов и изображений, внутри находится один-единственный алтарь, на котором лежит груда каких-то загадочных деревянных табличек.

Пока мы осматривали помещение, к нам присоединился незнакомый молодой китаец. Мы обменялись приветствиями, и я спросил его, что означают эти таблички, и какой цели служит само строение.

Юноша объяснил, что каждая табличка символизирует какого-нибудь ближнего или дальнего предка, а надписи на табличках описывают характер и дела покойного. Храм представлял собой попросту семейный склеп. По определенным дням кто-нибудь из членов семьи, то ли по собственному почину, то ли в качестве представителя рода, приносит сюда еду, питье или какие-нибудь предметы, необходимые покойным предкам.

Поначалу я решил, что в этом культе предков главную роль

играют ворожба, колдовство и магия. Но постепенно я понял, что ошибся — поклонение духам умерших является, в сущности, лишь еще одним свидетельством того центрального места, которое отводит семье и роду философия Конфуция.

Этот философ учил, что после смерти предки должны почитаться точно так же, как при жизни. Те подношения, которые в глазах китайца свидетельствуют о почитании предков, являются на самом деле символом сохранения семейных связей, а отнюдь не попыткой вымолить у предков удачу. Семейный ритуал не имел ничего общего с магическими заклинаниями — он был выражением долга, признательности и уважения ко всем создателям рода.

Осознав это, я понял также, что в этом своеобразном культе предков есть и другая сторона. Связь между предками и потомками была явно двусторонней. Китайцы верили, что судьба живых может быть изменена стараниями покойных, а загробное благополучие покойников может быть обеспечено земными стараниями их здравствующих потомков.

Мое знакомство с этим аспектом китайской культуры совпало с наступлением *йорцайт* — годовщиной смерти — моего собственного отца.

Мы с Барбарой стремились расширять свои познания в иудаизме и, естественно, мы привезли с собой на Тайвань множество еврейских книг. Перед *йорцайт* я просмотрел некоторые из них и в книге Мориса Ламма «Смерть и траур в иудаизме» наткнулся на такую фразу:

«Еврейский *кадиш* есть, в сущности, не что иное, как рукопожатие поколений, своеобразное звено, связывающее собою их жизненную цепь».

Хотя умом я понимал абсолютную уникальность иудаизма, я все-таки не мог отделаться от напрашивавшегося сравнения наших еврейских обычаев с определенными сторонами окружавшей нас китайской культуры. Слова Ламма о «рукопожатии поколений» словно подхватывали основной мотив китайского культа почитания предков. Концепция взаимной и двусторонней связи между покойными родоначальниками и их живыми наследниками присутствует также и в еврейской культуре.

«Благословение, данное нашим праотцам, Аврааму, Ицхаку и Яакову» является в ней центральной темой; мы точно так же просим у Всевышнего сострадания и милосердия в знак признания их праведности.

В то же время мы признаем, что наши собственные деяния могут повлиять на наших родителей даже после их смерти,

поскольку дурные деяния потомков бросают тень на репутацию всего рода, а их хорошие дела ставятся в заслугу хорошо воспитавшим их родителям.

ПРИБЛИЖАЛСЯ ОТЪЕЗД, и мы ощущали, что покидаем Тайвань с глубоко противоречивым чувством.

С одной стороны, мы ощущали глубокий и искренний интерес к китайскому и тайваньскому народам и уважали их древние традиции. С другой стороны, нас явно отталкивали многие ритуалы и обычаи, которые не просто отличались от еврейских, но и находились в прямом противоречии с заповедями Торы. В первую очередь, это относилось к религиозной жизни большинства китайцев — к их храмам, богам и богиням, духам и идолам, церемониям, которые воплощали собой самую суть того, что Тора называет *авода зара* — идолопоклонство.

Последние дни нашего пребывания на Тайване были суматошными и насыщенными.

Нам пришлось побывать на многих прощальных вечеринках, приемах и банкетах. Мы накупили множество подарков и сувениров для своих американских друзей и родственников, упаковали свои пожитки и договорились о перевозке нашего личного багажа. Я представил последние отчеты деканатам тех факультетов, где читал лекции, и нанес обязательные визиты вежливости различным университетским и правительственным чиновникам.

Разумеется, я поблагодарил их всех за оказанную нам помощь.

Когда со всем этим было, наконец, покончено, нами овладело странное, непередаваемое и почти неуловимое чувство печали.

В последний день перед отъездом мы с Барбарой и Дворой снова отправились по той самой узенькой тропинке, по которой столько раз ходили во время своих субботних прогулок.

Утренний воздух пахнул свежестью и росой. Над вершинами гор вставало солнце. Мы шли молча, узнавая знакомые по прежним прогулкам приметы — вот уединенный крестьянский дом, рядом с которым там и сям разбросаны орудия труда, вон там суетятся по двору цыплята; вот ручей, который по-прежнему ведет бесконечный разговор с нависшей над ним ивой; а вот и семейный склеп с его изогнутой крышей, напоминающей красную руку, поднятую к небесам.

В этот день мы зашли дальше обычного и свернули на тропу, по которой никогда не ходили. Вокруг нас смыкались высокие стебли бамбука. Двора устала, и я нес ее на руках. Мы медленно пробирались между качающимися по обе стороны тропы зелеными стенами. Через несколько минут мы поднялись на

вершину холма, присели в тени раскидистого дерева и распаковали еду, которую предусмотрительная Мей-Мей дала нам с собой. Извилистая дорожка, по которой мы только что прошли, змеилась под нами, а далеко вдали можно было разглядеть море.

В эту ночь, нашу последнюю ночь на Тайване, Мей-Мей нанесла нам официальный визит. В руках у нее был маленький пакетик, завернутый в красную ткань.

«Бай-Лан и Хуа-Пэнь, — тихо сказала она, — мы с вами стали как одна семья. Перед всеми четырьмя морями, перед самыми отдаленными уголками земли мы с вами теперь как братья, как друзья. Пожалуйста, примите мой скромный подарок. Это наш домашний бог, *Ту-Ди-Гень*. Он управляет землей и всем хорошим, что есть на ней.»

В ту же ночь, дождавшись, чтобы все уснули и наступила полная тишина, я поднялся, тихо оделся и вышел в соседнюю комнату. Я взял божка, которого подарила нам Мей-Мей, запаковал его в ту самую красную материю, в которой она его принесла, вышел из дому и по извилистой дорожке спустился в спящую, затемненную гавань. Рыбацкие лодки мерно поднимались и опускались на воде, погруженные в свою ночную Дрему.

Я поставил сверток на землю, огляделся и, отыскав среди прибрежной гальки камень размерами и весом побольше других, поднял его с земли. В моих ушах звучали слова из *Галлеля:*

«Их боги сделаны из золота и серебра, это творения рук человеческих. У них есть рот, но они не могут говорить; есть глаза, но они не могут видеть. Уши есть у них, но они не слышат; нос есть, но не могут нюхать. Их руки не могут чувствовать ничего; их ноги не могут ходить; слова не проходят через их гортань…

Ибо небеса принадлежат Г-споду, и земля — это та земля, которую Он дал людям.»

Я размахнулся и изо всех сил ударил камнем по свертку, несколько раз подряд, пока под моими ударами его содержимое не превратилось в мелкие осколки. Потом я поднялся и швырнул сверток далеко в спящее море.

На следующее утро мы с Барбарой, Дворой и Довом Хаймом покинули Тайвань.

Часть четвертая. ЗАРЯ

И сказал ему:
"Отпусти меня, ибо взошла заря!"
Бытие 32:26

Глава 1. Кипа - это символ или Чокнутый Кипоноситель

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ в Соединенные Штаты мы с Барбарой быстро возобновили привычный образ жизни. Но теперь, после того, как мы стали соблюдать *мицвот* и изучать Тору, оказалось вполне естественным, что мы начали принимать более активное участие и в различных мероприятиях еврейской общины.

Прежде всего, мы записались в ортодоксальную синагогу и стали членами Еврейского общинного центра.

Я был избран в попечительский совет Еврейской дневной школы, и даже наша маленькая Двора вступила в Федерацию и стала активисткой Объединенного Еврейского Призыва. Кроме того, мы в Барбарой вошли в примыкающую к Федерации группу «Молодых лидеров», в результате чего я даже получил собственную персональную колонку в местной еврейской газете.

Впервые в жизни мы ощутили вкус к общественной деятельности и начали понимать реальный смысл происходивших рядом с нами социальных и политических явлений; впервые в жизни мы стали интересоваться Израилем и его ролью в жизни мирового еврейства. Более того — теперь мне казалось странным, что мы никогда раньше не интересовались Израилем.

Хотя мы много путешествовали и успели дважды обогнуть земной шар, во всех наших странствиях мы как бы подсознательно избегали посещения Израиля. Впрочем, мы с Барбарой никогда не обсуждали этот вопрос; на этот счет у нас существовало некое молчаливое понимание.

Займись я самоанализом, я бы, наверное, пришел к выводу, что мы в те времена чувствовали себя очень неуверенно, невысоко оценивали наше еврейское самосознание и опасались, что физическая реальность *Эрец Исраэль* поставит нас лицом к лицу с вопросами, ответить на которые мы не были готовы.

Но теперь мы буквально с каждым проходящим днем ощущали, как укрепляется наша связь с иудаизмом, и понимали, что пришло время заняться этими самыми вопросами. Мы уже знали, что как только нам представится очередная возможность отправиться в путешествие, Израиль обязательно станет частью нашего маршрута.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ я носил *кипу* уже целый год, с того самого дня, как мы отправились на Тайвань, и давно позабыл о тех сомнениях, которые были у меня когда-то по этому поводу.

Не могу не отметить — за границей у меня было в связи с *кипой* много забавных приключений. Одно из них произошло во время посещения какого-то строительного объекта в отдаленном уголке Таиланда.

Мне пришлось добираться туда сначала на автобусе, потом на пароме и джипе и под конец — пешком. Прибыв на место, я обнаружил, что на весь довольно обширный район здесь есть одна-единственная лавка. И вот, стоило мне войти в нее в своей *кипе*, как владелец глянул на меня и спросил:

«*Вус махт а ид?*» — (Что делает здесь еврей?)

В Америке это было бы эквивалентно фамильярному, без всяких признаков изумления: «Как поживаешь, парень?»

Вскоре я обнаружил, что евреев можно встретить практически повсюду на земном шаре, порой — в самых неожиданных местах.

Почти всякий раз при встрече с этими «странствующими евреями» моя *кипа* оказывалась своего рода катализатором — она пробуждала в них сознание своей религиозной принадлежности — хотя бы и на самое короткое время, которое занимала наша беглая беседа.

Но бывало и иначе. Однажды, в Корее, меня окружила целая группа местных жителей. Показывая на мою *кипу*, они подняли вверх большие пальцы, словно выражая мне свое одобрение. Должен признаться — я так и не понял, в чем было дело.

Порой, однако, *кипа* доставляла мне и менее приятные переживания — например, во время одной из таможенно-паспортных проверок, когда я оказался в окружении группы военнослужащих из Ливии. В своей *кипе* я выглядел среди них весьма вызывающе.

Вернувшись в Штаты, я довольно скоро осознал, что одно дело — носить *кипу* на Дальнем Востоке и совсем другое — носить ее здесь, в своей собственной общине.

Поскольку я жил и работал в месте, где мало кто покрывал голову, я невольно стал для окружающих воплощением «верующего еврея». И если раньше я никогда не задумывался, можно ли мне пойти с коллегой в кафе «Макдональд» потолковать о делах, то теперь понял, что даже если я не буду там ни есть, ни пить, многие люди все равно удивятся, что это «занесло» верующего еврея в *некашерный* «Макдональд», а то и хуже — решат, что, раз я здесь питаюсь, в заведении наверняка соблюдают *кашрут*.

Эта необходимость «служить примером» обременяла меня даже на Тайване, где мало кто вообще слышал о евреях, и уж совсем ничтожное число людей имело хоть какое-нибудь представление о предписанном евреям поведении.

Дома, в Штатах я больше, чем когда-либо, ощущал себя «на виду» и сознавал, что любое, даже невольное, отступление от предписанного образа жизни может отрицательно сказаться на репутации евреев в целом.

Я обнаружил, что реакция окружающих на мою *кипу* была весьма различной. Наши нееврейские соседи, к примеру, вполне принимали и даже одобряли этот обычай.

Поскольку население нашего города и даже штата в целом было преимущественно консервативным и традиционным, то отношение к религии и соблюдению религиозных обычаев было в основном доброжелательным. Люди в наших местах относились к религии серьезно, и по воскресеньям церкви были переполнены. И хотя большинство наших нееврейских соседей имели лишь смутное представление об иудаизме, тот факт, что мы тоже относимся к своей религии серьезно, вызывал у них понимание и уважение.

Как ни удивительно, этого нельзя было сказать о некоторых евреях нашей общины. Я ощущал некую аморфную, расплывчатую, но довольно явную антипатию к себе.

Она чувствовалась особенно резко, когда я оказывался в кругу своих еврейских коллег по факультету, особенно в Школе социальных наук. Мне трудно было бы назвать, описать или объяснить этот феномен, но стоило мне показаться в университете, как мои еврейские коллеги начинали вести себя в моем присутствии скованно и напряженно, как будто испытывали какую-то непонятную неловкость. Не могу утверждать, что эти мои ощущения полностью соответствовали реальности, зато события нескольких последующих месяцев были уже совершенно реальными.

Первое из этих событий было непосредственно связано с университетом. Незадолго до моего отъезда на Тайвань совет факультета проголосовал против возобновления контракта одного из наших лекторов. Такие решения всегда трудны, порой неприятны, но увы — составляют неизбежную часть университетской жизни.

Во время нашего отсутствия этот лектор затеял судебный процесс против университета, утверждая, что по отношению к нему была проявлена явная дискриминация по признаку… пола.

Он заявил, что принятая вместо него женщина явно уступает ему по профессиональным данным, а на работу она была взята по «неделовым» соображениям — в рамках программы «Положительной дискриминации», проведение в жизнь которой должно была улучшить положение женщин в науке. Поэтому, согласно его утверждениям, решение не возобновлять с ним

контракт базировалось на не относящихся к делу непрофессиональных и вненаучных критериях.

Хотя я не был деканом в то время, как он возбудил это дело, но к моменту слушания его в окружном федеральном суде я как раз занимал эту должность. Вместе с некоторыми другими официальными представителями университета я должен был дать показания перед судьей.

К тому времени дело получило общенациональную огласку, поскольку считалось, что решение суда может стать юридическим прецедентом, способным повлиять на программу «Положительной дискриминации».

Накануне того дня, в который я был вызван для дачи показаний, адвокаты защиты — сотрудники министерства юстиции — сообщили мне, что судья возражает против того, чтобы я давал показания в *кипе*.

Судья утверждал, что если он сделает для меня исключение, то тем самым создаст прецедент, допускающий появление в суде людей в самых причудливых нарядах, многие из которых могут оказаться совершенно неподходящими для судебного заседания и даже мешающими его нормальному течению.

Адвокаты намекнули, что если я буду настаивать на том, чтобы появиться в зале суда в *кипе*, то это может быть расценено как неуважение к суду и повлечь за собой арест и даже тюремное заключение.

Хотя я знал, что еврейский закон, строго говоря, разрешает мне появиться в суде и без *кипы*, я решил, что шум, затеянный вокруг нее, требует от меня проявить твердость.

Я заявил адвокатам, что и не подумаю снять *кипу*. Затем я связался с местным руководителем Антидиффамационной лиги. Он быстро проконсультировался со своими советниками, и они решили, что возьмут меня на поруки, если в этом будет необходимость.

К счастью, в последнюю минуту был достигнут компромисс, и мне разрешили *кипу* не снимать. Взамен судья настоял, чтобы я давал показания *in camera* (то есть в его кабинете)!

КОГДА ВОЛНЕНИЕ, вызванное этими событиями, несколько утихло, я решил, что теперь проблема *кипы* исчерпана, и снова оказался неправ.

Несколько месяцев спустя порог моего кабинета переступил студент, молодой человек лет двадцати с небольшим, чисто выбритый и аккуратно одетый, с вязаной голубой *кипой* на голове. Мы иногда встречались в кампусе и на еврейских мероприятиях, поэтому я приветливо с ним поздоровался и поинтересовался, каким ветром его занесло на социологический факультет.

«У меня возникло затруднение, доктор Шварцбаум, — смущенно сказал он. — Может быть, вы поможете мне его разрешить. Я заканчиваю свою дипломную работу по клинической психологии и в ее рамках должен выбрать для практики клинику, где можно было бы получить соответствующий опыт и хороших руководителей. Я и еще один студент-еврей, который тоже заканчивает дипломную работу, решили проситься на практику в Еврейскую семейную службу.» «Очень разумный выбор, во всяком случае, на мой взгляд, — заметил я. — Он наруку всем заинтересованным сторонам. Вы получите практический опыт работы с клиентами из самых разных слоев еврейской общины, а Семейная служба приобретет двух сотрудников, знакомых с еврейской жизнью и стремящихся поднять уровень ее работы.»

«В том-то и загвоздка, — сказал он. — Видите ли, мы оба носим *кипы.»*

«Ну, и что? Боюсь, я тут чего-то не понимаю…»

«Видите ли, директриса Еврейской семейной службы заявила, что не допустит нас к практике в *кипах*. А все другие возможные места уже распределены!»

«Минутку! — сказал я, чувствуя, что начинаю закипать.

— Давайте разберемся. Вы утверждаете, что руководитель нашей общинной Семейной службы требует от вас и вашего товарища, чтобы вы не носили *кипу* во время практики?»

Студент огорченно кивнул.

«Понятно, — сказал я, все еще стараясь сохранить самообладание. — А как она это объясняет?»

«Она сказала, что *кипа* представляет собой бросающийся в глаза символ, обладающий большим эмоциональным потенциалом. У определенных клиентов *кипа* может “вызвать такие эмоции, которые войдут в противоречие с задачами терапевтического общения” между клиентом и сотрудником Службы.»

«Ну, а сами вы что по этому поводу думаете?» — с интересом спросил я.

«Я согласен, что *кипа* — это символ. Но она всего лишь один из очень многих символов, которые нас окружают. Мои очки тоже могут считаться символом, и тот факт, что я мужчина, а не женщина, тоже может иметь символическое значение. Для кого-то другого неприятным символом может оказаться мой рост или вес.

Если мы начнем избегать всех тех символов, которые способны тем или иным образом огорчить пациента, то нам придется принимать больных, сидя за непрозрачным экраном, да и тогда остается опасение, что на них плохо повлияет тембр

нашего голоса или то, что мы им говорим.»

«А почему вы пришли именно ко мне?» — допытывался я, хотя уже заранее знал, что он ответит.

«Потому что вы единственный преподаватель на факультете, который носит *кипу* и принимает активное участие в общинных делах. Кроме того, я помню ваш спор с федеральным судьей. Поэтому я решил, что если кто-нибудь и может нам помочь, то это именно вы…»

«Ну, что ж, — сказал я, — спасибо, что вы меня известили. Посмотрим, что я смогу для вас сделать.»

Когда студент ушел, я сразу же позвонил директору Антидиффамационной лиги. Его не было на месте, поэтому я попросил секретаршу, чтобы он перезвонил мне, как только вернется.

Он позвонил мне уже вечером, прямо домой.

«Привет, Генри! — поздоровался я. — Спасибо за звонок.»

«Не за что! — дружелюбно отозвался он. — Сожалею, что не мог позвонить раньше, но я только сейчас вернулся в город. Чем могу быть полезен?»

«Я хорошо помню, как ты мне помог во время истории с судом и искренне тебе благодарен», — сказал я и без проволочки вкратце изложил ему историю, которую рассказал мне сегодняшний студент. По какому-то наитию я не стал сообщать ему все детали.

«Ну, что ж, Алан, — сказал он, внимательно выслушав меня, — перед нами явный случай дискриминации. Я немедленно займусь этим делом. Прости, я забыл, о каком учреждении идет речь?»

«Это одно из наших местных учреждений», — ответил я уклончиво.

«Да-да, я понимаю, но, прежде чем заняться этим делом, мне нужно знать название учреждения!»

«Это наша Еврейская семейная служба.»

На другом конце провода повисло тяжелое молчание. Наконец, он отозвался снова:

«Ну, что ж, большое тебе спасибо. Я разберусь.»

Не получив от него ответа в течение нескольких следующих дней, я начал названивать ему сам, но никак не мог застать его на месте. Ответа на мои звонки тоже не последовало. Тогда я решил навестить его лично.

Он принял меня весьма приветливо. Я, тем не менее, поинтересовался, что сделано по «моему вопросу».

«Все в порядке! — с облегчением откликнулся он. — Оказалось, что оба студента добровольно согласились снять *кипу*,

так что надобность в моем вмешательстве отпала.»

Я был возмущен.

«Генри! — воскликнул я. — Я с тобой решительно не согласен! Если бы это было какое-нибудь христианское или просто секулярное учреждение, ты бы наверняка обрушился на них, как ураган. Я уже видел, как ты действуешь в подобных случаях.

Но в данном случае дискриминацией занимается еврейское учреждение, и поэтому ты решил, что тебе неловко вмешиваться, и предпочел умыть руки. Это чистейшей воды двойная бухгалтерия. Когда неевреи дискриминируют евреев — это сенсация, но когда евреев дискриминируют другие евреи, то на это смотрят сквозь пальцы!»

«Ну-ну, ты преувеличиваешь, Алан…»

«Ты можешь оставаться при своем мнении, но тогда позволь уж мне остаться при своем», — оскорбление сказал я, слишком возбужденный, чтобы придумать напоследок что-нибудь поязвительнее. С этими словами я круто повернулся и пулей выскочил из его кабинета.

Даже дома я не мог сдержать своего возмущения:

«Какое лицемерие! Представь себе — еврейское учреждение запрещает своим еврейским сотрудникам носить *кипу.»*

Барбара, как всегда, пролила успокоительный бальзам на мои раны.

«Вспомни, еще совсем недавно ты и сам не носил *кипу,* — сказала она. — А теперь ты затеваешь по этому поводу великое сражение. Если ты намерен продолжать в том же духе, я начну называть тебя не иначе, как *“Чокнутый кипоноситель”* Посмотри вокруг, Алан! Большинство евреев нашей общины изо всех сил стараются стать похожими на окружающих. Многим это превосходно удалось. Они превратились в замечательных хамелеонов. С другой стороны, *кипа* сразу выдает, что человек — еврей. А они не хотят, чтобы в них видели евреев. Они не хотят отличаться от других! Для них *кипа* — все равно, что опознавательный знак: “Смотрите все, я — еврей!” Им это просто не под силу. Ты мог бы быть более снисходительным…»

«Как ни огорчительно, но я вынужден признать, что ты в очередной раз права, — ответил я, подумав при этом, что слова Барбары очень точно объясняют, отчего мои университетские коллеги-евреи чувствуют себя так скованно и неловко в моем присутствии. — Постараюсь, чтобы *кипа* впредь занимала положенное ей место на голове, а не внутри нее, в моих мыслях.»

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ я получил письмо от некого Нормана Голдвассера, бывшего студента-психолога из моего университета.

Он писал, среди прочего:

«…Хочу рассказать вам занимательную историю. Работая над диссертацией, я вынужден был использовать компьютер для накопления и обработки данных. Работа была трудоемкая, а консультанты, понятно, не очень-то горели желанием возиться с новичком вроде меня. Нашелся, однако, один, который изо всех сил меня опекал и даже оставался ради меня в лаборатории, хотя вовсе и не обязан был это делать. Короче, в один прекрасный день мы разговорились, и я спросил его, откуда он родом (внешность у него была азиатская).

Оказалось, что он родом с Тайваня. Естественно, я сказал ему, что у меня есть хороший знакомый, который долго жил на Тайване, и начал описывать вас. Он воскликнул: “Ну, как же, доктор Шварцбаум! Он был моим профессором на Тайване и помог мне перебраться сюда в университет. Как только я увидел вашу *ямаха (кипу), я* сразу подумал, что вы, должно быть, похожи на доктора Шварцбаума, поэтому я и решил вам помочь!”

Вы легко можете себе представить, как подействовали на меня его слова. Я вдруг понял, какое влияние могут иметь наши добрые дела на окружающих. Так что разрешите мне поблагодарить вас за то, что с вашей косвенной помощью я благополучно закончил свою диссертацию…»

Если бы я нуждался в подтверждении правоты своей «борьбы в защиту *кипы»*, то одного этого письма было бы, пожалуй, достаточно. Но теперь я уже понимал, что правота — это еще не все в жизни.

Глава 2. Еврейская школа

НА ЗАСЕДАНИЯХ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО совета Еврейской школы во главе угла постоянно стоял финансовый вопрос. Будучи новичком в совете, я тем не менее довольно быстро понял, что прямым следствием нелегких финансовых условий, в которых вечно находилась школа, неизбежно становится переплетение бюджетных проблем с проблемой уровня и даже характера образования.

Как мне разъяснили, финансовые трудности не были чем-то новым — они начались чуть ли не с первого дня существования школы.

Дневная школа была в свое время создана благодаря усилиям небольшой группы родителей, тесно связанной с нашей синагогой.

Остро неудовлетворенные уровнем еврейского образования в городе, эти религиозные евреи во главе со своим раввином открыли при синагоге еврейский начальный класс, в котором дети занимались круглый день. Эта крохотная «школа» — всего десять человек учащихся — скорее всего, навсегда осталась бы скромным начинанием нашей небольшой общины, если бы во всей стране не началось событие громадного социо-политического значения. Я имею в виду десегрегацию — то есть борьбу с дискриминацией национальных, прежде всего, «цветных» меньшинств в школах и университетах.

Ознакомившись с постановлением суда об интеграции в школах, родители-евреи получили на выбор три различные воспитательные возможности. Во-первых, они могли примириться с новой реальностью и приспособиться к ней (на практике это, кроме всего прочего, означало, что детей необходимо будет доставлять в школу на автобусах), в первую очередь — к существенному изменению самой школьной среды и уровня преподавания.

Существовала также вторая возможность — перевести детей в пригородные школы, за пределы городской черты, где процент цветного населения был ничтожен. Но многие семьи не могли позволить себе продать свои дома и переехать за город, так что и этот вариант не мог рассматриваться ими всерьез.

Наконец, можно было записать детей в частные школы по месту жительства. Существовало две разновидности таких школ: так называемые «христианские академии» — недавнее порождение американской школьной системы — и частные

«подготовительные школы» старого типа.

В «христианских академиях» царил такой неприкрытый, навязчивый и крикливый протестантский религиозный фундаментализм, что даже самые ассимилированные еврейские семьи понимали, что эти школы не годятся для их детей. Зато «подготовительные» школы, в которых с давних пор учились дети из наиболее состоятельных семей, казались кое-кому вполне приемлемой альтернативой. Хотя и эти школы зачастую были связаны с теми или иными христианскими учреждениями, большинству евреев эта связь представлялась вполне невинной. Они считали, что посещение церкви — не такая уж дорогая плата за более чем существенное повышение уровня образования, получаемого их детьми, а заодно и своего социального статуса. Но тут возникало другое серьезное препятствие — фантастически высокая плата за обучение, которая была по карману разве что самым зажиточным еврейским семьям. Поэтому многие евреи, в принципе, готовые пойти на этот вариант, попросту не могли себе его позволить.

Таким образом, для весьма заметной части еврейских семей все три возможности были совершенно исключены. Осознав это, они решили послать своих детей в Еврейскую дневную школу. Но по мере быстрого увеличения числа учащихся стало очевидно, что помещения нашей синагоги недостаточно — дети в ней попросту не помещались. Было принято решение немедленно строить новое школьное здание. Однако из-за быстро растущей потребности в классных помещениях строительство было начато чересчур поспешно, без обычного в таких случаях предварительного сбора средств. В результате счет новой школы с самого начала отягощал весьма значительный банковский долг.

Попечительский совет понимал, что доходы, получаемые школой в виде платы за обучение, никогда не покроют школьные расходы. И хотя совет предпринимал все мыслимые и немыслимые попытки сбора недостающих средств, включая организацию лотереи, было ясно, что они заведомо не могли помочь школе избавиться от постоянного бюджетного дефицита. Тогда совет решил обратиться за помощью к Еврейской федерации.

Было подготовлено соответствующее прошение и собрано заседание совета, чтобы это прошение утвердить. И тут, в ходе дискуссии, один из представителей Федерации поднял вопрос об условиях приема детей в школу.

Полученный ответ гласил, что школа была и будет открыта для всех еврейских детей. Представитель Федерации, однако, не удовлетворился этим ответом и стал допытываться, каким

именно образом школа определяет понятие «еврей». Глава совета, рабби Гольдштейн, разъяснил, что ребенок считается евреем, если его мать — еврейка по рождению или в свое время прошла соответствующий *гиюр*. Представителю Федерации и этот ответ показался недостаточным.

«Как вам известно, — сказал он, — наша Федерация представляет всех членов еврейской общины, а не какую-либо одну ее часть. Мы стремимся удовлетворить нужды всех входящих в нее евреев, включая реформистов, консерваторов и даже тех, кто не принадлежит ни к какому определенному религиозному течению. Что произойдет, если к вам обратятся такие еврейские родители?»

«Мы с удовольствием примем их ребенка», — ответил рабби Гольдштейн.

«Нет, я имею в виду случай, когда мать ребенка прошла *гиюр*, совершенный реформистским или консервативным раввином, признанным в нашей общине?» — отчеканил представитель Федерации.

«В таком случае мы будем вынуждены потребовать, чтобы ребенок прошел надлежащий *гиюр.»*

«Иными словами, вы не признаете законность реформистского и консервативного *гиюра*?»

«Совершенно верно», — подтвердил рабби Гольдштейн.

«Отдаете ли вы себе отчет в том, — резко сказал представитель Федерации, — что свыше девяноста процентов членов нашей общины принадлежат либо к реформистской, либо к консервативной синагогам? Знаете ли вы, что на долю тех десяти процентов евреев, которые принадлежат к вашей ортодоксальной общине, приходится всего две целых и одна десятая процента средств, собранных в ходе нашей прошлогодней кампании? Вы требуете, чтобы вся община финансировала еврейскую школу, которая не признает никаких раввинов, кроме своих собственных, и считает многих членов общины вообще неевреями — причем зачастую именно тех людей, которые внесли гораздо больше денег и потратили куда больше времени на общинные дела, чем те, кто присвоил себе право судить о их еврействе!»

Рабби Гольдштейн, явно заранее подготовившийся к такому обороту дела, мягко ответил:

«В действительности, наша школа как раз и представляет всю еврейскую общину. Состав наших учащихся отражает все взгляды на иудаизм, представленные в ней. Что же касается поднятого вами вопроса, то он возникает лишь тех редчайших случаях, когда мать потенциального ученика не является биологической

еврейкой, только и всего.»

«Допустим, что вы правы. Но ведь и такие люди являются полноправными членами нашей общины.»

В таком духе спор продолжался еще минут десять, после чего председательствующий вынужден был прервать заседание.

В конце концов, Федерация все же согласилась выделить школе определенные средства. В нашем трудном финансовом положении даже эта относительно небольшая помощь имела решающее значение. Я понимал, что, принимая помощь Федерации, школа одновременно теряет определенную часть своей независимости и вынуждена будет в какой-то мере приспосабливаться к интересам еврейской общины в целом. Это было неизбежно и, если угодно, даже справедливо, поскольку именно община в целом, через свою Федерацию, давала школе возможность существовать. Но в то же время я был уверен, что положение, согласно которому в школу могут быть приняты только «евреи согласно *Галахе*», должен соблюдаться и дальше.

Попечительский совет принял решение доверить решение всех вопросов, связанных с приемом учеников, лично директору школы. Мы полагали, что такие интимные дела, как усыновление или удочерение, *гиюр* и повторный брак, которые могут всплыть во время беседы с родителями будущего ученика, лучше всего решать одному компетентному человеку и на строго конфиденциальном уровне.

До поры до времени я это решение не оспаривал. Но однажды мне на глаза попался новый ученик, мать которого, как мне было хорошо известно, прошла *гиюр* у консервативного раввина.

Более того, я хорошо знал, что в этой семье не соблюдают ни *кашрут*, ни субботу. Помня, какие требования в свое время предъявили нам с Барбарой в случае с Дворой, я не мог не возмутиться.

Однажды вечером, после занятий, я заглянул в кабинет директора.

«Рабби Гольдштейн, можно отнять у вас минутку?»

«Разумеется, Алан. Заходите, располагайтесь. Я вас слушаю.»

«Рабби, меня гложет сомнение, — сказал я. — Этот новичок в третьем классе — как мы могли его принять? Он ведь нееврей.»

«Что вы имеете в виду?» — спросил рабби Гольдштейн, явно растерявшись.

«Я случайно знаю, что его мать не прошла *гиюр* согласно *Галахе* и, стало быть, не является еврейкой. А ребенок, родившийся у нееврейской матери — тоже нееврей, кем бы ни был его отец. Значит, и наш ученик нееврей.»

«Видите ли, перед тем, как поступить в нашу школу, этот

мальчик прошел *гиюр* с разрешения нашего *бейт-дина*. Поскольку он уже был обрезан, решено было, что достаточно провести *“атафат дам брит”*, то есть поручить *моэлю* сделать царапину, чтобы проступила капелька крови, а потом погрузить ребенка в *микву.»*

«Это все хорошо, даже замечательно, — упрямо сказал я, — но ведь его родители не соблюдают заповедей! Это не настоящий еврейский дом.»

«Вы правы, тут мы сталкиваемся с определенной проблемой. Но мы получили от главы уважаемой *ешивы* официальное разрешение отступить в данном случае от наших обычных требований.»

«Почему? Что особенного в этом случае? Чем этот ребенок отличается от всех остальных?»

«Ребенок, конечно, ничем от остальных не отличается, — сказал рабби. — Но его случай, безусловно, особенный.»

«Вы хотите сказать, что отныне мы будем принимать в школу всех детей, которые пройдут такой, с позволения сказать, *гиюр*?»

«Вот именно», — подтвердил рабби.

«Вы хотите сказать, что любого нееврейского ребенка, который захочет поступить в нашу школу, достаточно будет погрузить в *микву* и — раз-два! — он тут же станет евреем?!»

«Подождите минутку! Я совсем не это имел в виду. Прежде всего, тот факт, что родители захотели отдать ребенка в еврейскую школу, уже говорит о том, что они сами, возможно, когда-нибудь начнут соблюдать *мицвот*. Известно, что многие праведные евреи начинали свой путь в абсолютно нерелигиозных семьях — возьмите хотя бы свой собственный случай.»

«Извините, рабби, но я не могу с вами согласиться. Вы исходите из предположения, что эти родители посылают своего ребенка в нашу школу потому, что хотят дать ему серьезное еврейское воспитание. Хорошо, если это так, но ведь по меньшей мере столь же вероятной причиной могло быть просто нежелание возить ребенка за тридевять земель автобусом, да вдобавок отдать его в класс, где половина учеников — цветные. Вы же знаете, сколько родителей отдают детей в еврейскую школу, а потом забирают их оттуда, стоит им только переселиться в пригород.

Во-вторых, зачем вы обманываете самого себя? Я знаю, сколько труда вы вкладываете в повышение уровня нашей школы, сколько усилий вы прилагаете для этого, как в самой школе, так и вне нее, но согласитесь — до тех пор, пока общинная и семейная среда, в которой воспитывается ребенок, остается неизменной, школа не в силах превратить не то, что родителей,

— даже собственных учеников в верующих людей. Вспомните хотя бы, какое давление оказал на нас попечительский совет, требуя, чтобы мы сократили часы еврейских занятий и дали детям больше уроков математики, больше уроков биологии, больше уроков музыки — чего угодно, только не еврейских дисциплин! Всего лишь в прошлом месяце вы вынуждены были уступить по вопросу об обязательном ношении *цицит*. Вначале мы требовали его от всех без исключения; теперь оно стало факультативным!»

Рабби Гольдштейну нечего было возразить.

«Разрешите мне задать вам вопрос, рабби, — продолжал я. — Когда мы с женой хотели сделать *гиюр* нашему ребенку, нам сказали: “Не имеет значения, кто ваш ребенок — китаец, эскимос или индеец. Имеет значение только одно — верующая ли у него семья.” Человек, который это сказал, был абсолютно прав. Как же вы надеетесь сделать ребенка евреем, если, покидая пределы школы, он тотчас возвращается в среду, где нет никакой возможности жить подлинно еврейской жизнью?»

«Но есть и другие соображения, — уклончиво произнес рабби. — Мы должны думать о том, как сохранить нашу школу. Мы не можем забывать и о той пользе, которую приносим и обязаны приносить всей общине. Вы присутствовали на встрече с представителем Федерации, вы сами видели, как он на нас нападал. Нынешняя политика позволяет нам принимать детей из всех слоев общины, в то же время сохраняя неизменным требование об обязательном прохождении *гиюра*.

Кроме того, признавая *гиюр* маленьких детей, пусть даже и происходящих из неверующих семей, мы получаем возможность хоть как-то привлечь к себе их родителей, внушить им какое-то уважение к Торе.»

«Уж не собираетесь ли вы убедить меня, что сохранение школы стоит у вас на первом месте?! Сохранение — какой ценой? Ценой воспитания детей, которые будут жить, как неевреи?! Теперь вы, в сущности, говорите, что не имеет значения, является ребенок китайцем, эскимосом или индейцем, — имеет значения только одно: будет ли существовать школа и ваша должность в ней!»

Я прикусил себе язык, но было уже поздно. Рабби Гольдштейн был не просто раввином и директором школы — он был моим другом. И я не хуже многих других понимал, что сохранение школы — действительно жизненно важная задача для всех нас.

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР я отправился к рабби Фриду, который когда-то так помог нам с устройством *гиюра* нашей Дворы. Я изложил ему свой разговор с рабби Гольдштейном, и он признался, что

действительно не так давно вошел в состав раввинского суда, утвердившего эти несколько упрощенные *гиюры*, хотя поначалу и не очень хотел в нем участвовать. Он согласился сотрудничать с этим *бейт-дином* только после того, как этот вариант *гиюра* был одобрен признанными *галахическими* авторитетами.

«Я понимаю, что у вас сейчас на душе, — сказал рабби Фрид. — вы должны понять — это неизбежный этап на пути всякого *баал-тшува*, то есть человека, вернувшегося к вере. Сейчас вам кажется, что вас предали и обманули. Вы со всей искренностью и серьезностью встали на новый путь, поэтому вполне естественно, что и от людей, которые помогли вам вступить на него, вы ожидаете выполнения тех требований, которые они предъявляли к вам.

Вы — то, что на идиш называется *фарбрентер*, Алан, вы — слишком пылкий неофит, а все пылкие неофиты рано или поздно испытывают разочарование, столкнувшись с реальным миром религиозной жизни. В реальной жизни есть большое число неоднозначных ситуаций — не “черных” и не “белых”, а, так сказать, “серых”, и разобраться в них можно только при помощи новых *галахических* установлении. Раввинским авторитетам все время приходится решать, как применить *Галаху* к непрестанно возникающим новым ситуациям. Меняются ситуации — меняются и предписания.

Вы вправе испытывать разочарование и недовольство, Алан, но не забывайте также, что нужно проявить и понимание — во всяком случае, нужно постараться его проявить.»

Именно это казалось мне самым трудным. В свое время, когда первый раввин, с которым мы столкнулись, отказался сделать Дворе *гиюр* по тем же соображениям, которые я выдвигал сейчас, мы с Барбарой очень на него разозлились. Но Барбара правильно заключила впоследствии, что тогда мы просто не были готовы пойти на требуемые уступки.

К тому времени, когда на сцене появился рабби Фрид, мы и сами уже прошли довольно долгий путь, и потому были уже в состоянии выполнить предъявленные им требования. К тому же это решение пошло нам на пользу. Переход к соблюдению *мицвот*, несомненно, обогатил нашу жизнь и избавил нас от всех тех конфликтов, которые неизбежно возникают, когда ребенок учит в школе одно, а дома видит другое.

Но теперь я понял, что рабби Фрид и его коллеги видели в этой проблеме нечто гораздо более глубокое и принципиальное, чем я. Они относились к ней как к проблеме сохранения еврейской религии в реальных условиях современной жизни.

«Подумайте, Алан, — продолжал тем временем рабби Фрид.

— Реальность такова: процент смешанных браков между евреями и неевреями растет с угрожающей быстротой. В результате возникает серьезнейшая проблема — каков статус детей в этих семьях, если мать-нееврейка не прошла *“гиюр согласно Галахе”!* А ведь с каждым годом таких детей становится все больше. Кем они станут в конце концов? Должны ли мы навсегда исключить их из еврейской общины или стоит поискать возможность включить их в нашу среду каким-то *галахически* приемлемым образом?

Устраивая *гиюр* для малолетних, пусть даже по упрощенным правилам, мы *галахически* вводим их в еврейскую общину. Но поскольку это делается в таком возрасте, когда они еще не понимают всего значения совершившегося, да и своей собственной выгоды, то по достижении ими соответствующего возраста — тринадцати лет и одного дня для мальчиков, двенадцати лет и одного дня для девочек — мы обязаны объяснить им значение такого *гиюра*. Если они согласятся воспринимать его таким образом, еврейский статус будет автоматически сохранен.»

«Отлично, — сказал я. — Но что, если, достигнув этого возраста, они все еще не будут соблюдать *мицвот*? Что, если они будут есть *трефное* и нарушать субботу? Тогда у них не будет никакого *кабалат мицвот,* — готовности соблюдать еврейские заповеди, — а в то же время они будут с полным основанием считать себя евреями, не так ли? Ведь они прошли *гиюр* “по всем правилам *Галахи”*, были зарегистрированы Американским раввинским советом, наконец, обучались в еврейской школе!

Почему бы им не считать себя евреями?! Но разве они на самом деле евреи? Что, если еврейский юноша женится на девушке, прошедшей такой *гиюр,* — разве их дети будут считаться евреями?»

Рабби Фрид поднялся, растерянно скользнул взглядом по своим книжным полкам и, помолчав, сказал:

«Я не знаю, Алан. Этого я действительно не знаю.»

Глава 3. Флорида и местная еврейская община

ПЕРЕПАЛКА О ПРАВИЛАХ ПРИЕМА детей в Еврейскую школу была одной из первых, в которые я оказался втянут благодаря своей растущей вовлеченности в еврейские дела, но далеко не последней. Следующий конфликт вспыхнул в связи с прибытием в наш город группы русских евреев.

Следует начать с того, что мы с Барбарой были очень обеспокоены проблемой так называемых «прямиков», которые, покинув Советский Союз, направлялись не в Израиль, а в Соединенные Штаты. Тем не менее мы, вместе со всей общиной, активно занялись их устройством на новом месте.

В одну из первых суббот после прибытия группы «русских» Барбара организовала визит нескольких женщин — активных членов общины в дома новых иммигрантов. Им подарили цветы, субботние свечи и подсвечники, а также *кошерное* вино.

Столь же активно участвовали мы и в сборе одежды и мебели для нуждающихся иммигрантских семей.

Однако вскоре после этого до меня дошли слухи, что русские иммигранты записывают своих детей в обычные государственные школы. Я был возмущен.

«Это же просто курам на смех! — говорил я Барбаре. — Они должны посылать своих детей в Еврейскую школу!»

Я обратился к руководителям общины и получил ответ, что в государственных школах детям иммигрантов будет легче интегрироваться в американском обществе. И вообще, разъяснили мне, русские евреи теперь могут реализовать свое неотъемлемое право на свободный выбор — разве не для этого они приехали в нашу свободную страну?

Я потребовал, чтобы мне предоставили возможность выступить перед комиссией, которая занималась абсорбцией новых иммигрантов. На заседании комиссии я изложил свое отношение к этому вопросу:

«Находясь в Советском Союзе, эти люди предпринимали беспримерные усилия для того, чтобы интегрироваться в русском обществе и русской культуре — и тем не менее были вытолкнуты вон. Как ни старались они забыть о том, что они евреи, советское общество постоянно напоминало им об этом. Их национальность была проштампована в их паспортах. Им напоминали о ней, когда они пытались поступить в университет или искали работу. Как бы

ни старались они стать примерными советскими гражданами, их подвергали дискриминации как евреев.

И тем не менее, в отличие от эмигрантов прежних поколений, эти люди покидают свою страну со смешанными чувствами — надежды и растерянности. И порой растерянности у них больше, чем надежды.

В Советском Союзе им напоминали, что они евреи, несмотря на то, что они вели себя, как русские, а здесь, в Соединенных Штатах, они все еще ощущают себя русскими, несмотря на то, что они евреи. Только тут они вдруг осознали, как глубоко они привязаны к своему прежнему языку, своей культуре. При этом они даже не представляют, насколько далеки они от собственной религии и своих национальных корней.

Их положение требует от нас понимания и сочувствия. Конечно, важно, чтобы они быстрее почувствовали себя американцами. Но разве менее важно, чтобы они перестали ощущать неловкость из-за того, что они евреи, чтобы они перестали опасаться своего еврейства? Американцами они так или иначе станут, независимо от наших усилий. Но вот от еврейства они вполне могут уйти, если мы не поможем им его сохранить и не поощрим их в этом.»

Кончилось дело тем, что двое из шестнадцати иммигрантских детей все же поступили в Еврейскую школу. Я записал эту скромную победу на свой счет. Пусть скромная — но все же это была победа.

В ДРУГОМ СЛУЧАЕ Пригородный совет по образованию постановил, что два школьных дня, потерянные из-за сильных снегопадов, должны быть компенсированы за счет занятий по субботам.

Решение было мотивировано тем, что закон требует выполнения определенной годовой нормы учебных часов, а такая «компенсация» позволит без труда выполнить требования закона.

Против решения совета немедленно выступили несколько местных раввинов и различные еврейские организации. После бурной перепалки совет пересмотрел свое решение и согласился попросту продлить школьный год на два пропущенных дня.

Лично мне эта «великая победа» показалась смехотворной. Я опубликовал в своей газетной колонке статью, где довольно иронически отозвался о тех самовосхвалениях, которыми осыпали себя еврейские лидеры в связи с этим «великим торжеством». На мой взгляд, неправильной была уже исходная постановка вопроса. Дело не в том, «должны еврейские школьники заниматься по субботам или нет», а в том,

как они распорядятся субботой, свободной от занятий.

Пойдут молиться в синагогу? Будут освящать субботу, присоединившись к своим родителям за субботним столом? Станут размышлять о могуществе Всевышнего в мире, который Он создал? Весьма сомнительно.

Эти дети, которых мы «спасли» от рук «злобного гойского совета по образованию», скорее всего, используют эти отвоеванные субботы для того, чтобы сходить в кино, прошвырнуться по городу в родительской машине или отправиться на вечеринку.

Моя статья задела кое-кого в общине, но большинство попросту ее не заметило.

САМОЕ ПРИЯТНОЕ ДЕЛО может, в конце концов, стать утомительным; вот так и эти общинные дела, поглощавшие массу времени и сил, тоже мало-помалу начинали меня утомлять. Поэтому ежегодний визит к матери во Флориду представлялся мне более чем желанным перерывом в этой лихорадочной рутине.

Мать моя жила в одной из субсидированных квартир большого дома для престарелых в Орландо — массивного двенадцатиэтажного здания, построенного в немалой степени за счет финансовой и организационной помощи местной еврейской общины.

Хотя жильцы были еще вполне в силах ухаживать за собой, к их услугам находился специальный штат, в обязанности которого входило следить за их здоровьем и безопасностью.

Этот дом престарелых, с его весьма специфическими жильцами и персоналом, с бесконечными ссорами, интригами, симпатиями и антипатиями, порой даже мимолетными увлечениями, был своего рода гериатрическим вариантом любого коммунального микрокосма. Каждый год мы с Барбарой ненадолго окунались в этот мирок, поначалу сами, потом с Дворой, а еще позже с Довом — и каждый раз выходили из него, обогащенные новым пониманием людских проблем и добрыми чувствами ко всем, с кем нам пришлось соприкоснуться.

По мере того, как мы все глубже и серьезнее начинали соблюдать *мицвот, я* стал замечать некоторые вещи, на которые раньше попросту не обращал внимания. Например, я понял, что мое прежнее убеждение, будто все старые евреи религиозны, было невероятно наивным.

Мои представления о традициях были почему-то связаны с тем поколением евреев, которые родились в Европе и говорили на идиш. Возможно, на меня произвели сильное впечатление календари и иллюстрированные книги, на страницах которых были изображены старые раввины, погруженные в молитву или чтение Талмуда, или то обстоятельство, что в те считанные разы,

когда я в юности посещал синагогу, там было очень мало молодых евреев. Так или иначе, я пришел к искреннему убеждению, что религия — это удел стариков. Теперь я увидел, что не существует ни малейшей корреляции между возрастом и интересом к соблюдению заповедей.

В доме, где жила моя мать, почти все жильцы были евреями, но верующих среди них было очень мало. Моя мать была одним из немногих исключений.

По мере того, как мы с Барбарой становились все более религиозными, она медленно, но неуклонно менялась вместе с нами, пока, наконец, не вернулась окончательно к тому почти забытому ею образу жизни, который она когда-то, в молодости, вела в далекой Польше. Теперь она весьма неодобрительно покачивала головой, когда обнаруживала, что ее соседи пользуются стиральными машинами по субботам.

«Подумать только, — говорила она, — ведь у них есть целая неделя для стирки. И работать им не приходится, и ездить куда-то отдыхать за тридевять земель тоже не нужно. Целыми днями они сидят себе на балконе или смотрят “мыльные оперы” по телевизору. Почему же им приспичило стирать именно в субботу?»

В этом маленьком мирке любые частные дела быстро становились достоянием довольно многочисленных соседей. Мама изо всех сил пыталась избегать этих любителей совать нос в чужие дела, но их попросту было слишком много. Помню, как-то вечером, вернувшись с короткой прогулки, мы с ней присели отдохнуть на диванчике в холле. Диванчик был двухместный, так что сидеть было немного тесно, но зато уютно и мягко. Не прошло и минуты, как какая-то дородная дама подошла к дивану, посмотрела на нас и… самым бесцеремонным образом уселась между мной и матерью. Мама искоса глянула на нее и с легким раздражением произнесла:

«Простите, у нас личный разговор.»

Дама даже не шелохнулась. Мама пожала плечами, и мы продолжили нашу беседу. Минут пять мы разговаривали, переглядываясь через ее плечо, но потом до нее, видимо, что-то дошло, потому что она встрепенулась, воскликнула: «Вы абсолютно правы!» и, поднявшись с дивана, удалилась, наконец, восвояси.

В лифте, в холле, в наружном дворике и вообще везде, где они собирались, жильцы проявляли неизменный интерес и симпатию к нашим детям.

Один раз к нашему Довчику явилась чуть не целая делегация, причем каждый непременно хотел собственноручно погладить

ребенка по его кудрявой головке. Дову еще не исполнилось трех лет, поэтому мы его не подстригали, и волосы у него были длинные, как у девочки. Один из гостей уселся рядом с ним и сказал:

«Здравствуй, крошка. Как тебя зовут?»

«Дов Хаим Шварцбаум», — гордо ответил малыш.

Гость недоуменно посмотрел на Барбару, потом на меня:

«Простите, я не понял — как зовут эту девочку?»

«Этого мальчика зовут Дов Хаим!»

Неожиданное открытие, что наша «девочка» — это на самом деле мальчик, а «Дов Хаим» — это его настоящее имя, вызвало еще большую путаницу, которую мы с «делегатами» распутывали добрую половину дня.

Двора, которая не первый раз приезжала с нами к бабушке, уже успела понравиться жильцам, и многие с нетерпением ждали ее очередного появления в доме. Ее незаурядные качества и обаяние обеспечили ей множество друзей и поклонников, и мы с удовольствием наблюдали, как она старается побольше общаться с самыми одинокими, наиболее нуждающимися в компании людьми.

В целом, эти поездки доставляли радость и нам, и матери. Они стоили затраченных усилий. По возвращении домой Двора с восторгом рассказывала одноклассникам, что она только что побывала в гостях у «сотни своих бабушек и дедушек».

Но вскоре это счастливое и относительно беспечное время забывалось и уходило в прошлое, а нас опять поглощали общинные дела и заботы.

Глава 4. Соседи-христиане

Я НАСТОЛЬКО ВТЯНУЛСЯ в свои свары с местным еврейским «истеблишментом», что зачастую терял всякое ощущение пропорций и в глупейших порывах гнева срывался даже на Двору.

Помню, однажды школа, в своей вечной погоне за деньгами, организовала кампанию по удешевленной продаже журналов, в которой ученики должны были играть роль разносчиков и рекламных агентов. Каждому из учащихся вручили список изданий, состоявший из семидесяти пяти названий журналов и газет, которые они должны были предложить своим соседям, знакомым и родственникам. Комиссионные от подписки школа, разумеется, намерена была взять себе.

Двора, как и все ее соученики, горела желанием принять участие в этом проекте. Хорошо помня, что происходило в ходе аналогичных мероприятий во времена моей собственной юности, я решил хотя бы бегло просмотреть список, принесенный Дворой, чтобы убедиться, что туда случайно не затесались названия каких-нибудь специфических изданий «для взрослых». Их, к счастью, там не оказалось, зато я обнаружил нечто не менее неприятное. Список содержал добрый десяток христианских изданий!

Я тотчас позвонил директору школы, рабби Моррису Джекобсону, который в этом году заменял рабби Гольдштейна.»

«Рабби, — воскликнул я, сразу же взяв быка за рога, — нам придется вычеркнуть ряд названий из списка журналов, предназначенных для продажи! Ученикам еврейской школы не следует заниматься распространением христианской литературы.»

От неожиданности директор опешил.

«Я не вполне вас понимаю, — сказал он. — Что вы имеете в виду?»

«Да будет вам известно, — с жаром ответил я, — что в списке журналов, которые продают ваши ученики, содержится целый ряд христианских изданий. Если разрешите, я вам зачитаю.»

Я перечислил некоторые названия.

«Надеюсь, вы согласитесь с тем, что это недопустимо.»

Директор ответил не сразу. Я ничего иного и не ожидал. С самого дня своего назначения рабби Джекобсон вступил в конфликт с членами нашей общины.

Было очевидно, что его единственной целью является расширение школы и максимальное увеличение числа учащихся,

и ради ее достижения он готов был принести в жертву все установленные советом правила приема. Неудивительно, что мы довольно часто схватывались с ним по тому или иному поводу.

«Послушайте, доктор Шварцбаум, — сказал он наконец.

— Я не понимаю, почему вы так волнуетесь. Эти издания составляют всего лишь ничтожную часть списка.»

«Рабби, это не имеет никакого значения, — настаивал я. — Даже если бы в нем было всего одно такое издание — и то было бы слишком много! Представьте на минуту, что вашим ученикам предложили за деньги распространять ежемесячный листок организации “Евреи за Иисуса”, — как бы вы на это реагировали?»

«Но ведь этого издания в списке нет!»

Я решил, что он нарочно притворяется бестолковым, и пришел в еще большую ярость.

«Еще бы — ведь я его только что придумал! Но я не вижу практически никакой разницы между этим изданием и теми, которые все-таки содержатся в списке. Это попросту недопустимо!»

«Ну, хорошо, так что же вы предлагаете?» — уже примирительным тоном спросил директор.

«Коль скоро проект уже утвержден и отказаться от него нельзя, — сказал я, — то остается только вычеркнуть неподходящие названия из списка, который мы передаем детям.»

«Ну, нет! — возразил директор. — Что скажут наши соседи-христиане, когда они увидят список, из которого вычеркнуты названия всех христианских журналов? Как бы вы сами реагировали, если бы к вам в дом пришли со списком, из которого аккуратно вычеркнуты все еврейские издания?»

«Ну если так, то нам придется вообще отказаться от этого проекта,» — парировал я.

«Боюсь, что это невозможно», — резко сказал директор.

Видимо, проект был уже «запущен» и на какие-то издания люди уже подписались. Кроме того, стремясь поощрить учеников, школа объявила, что каждую неделю лучшему «продавцу» будет вручаться специальный приз, и это возбудило энтузиазм учащихся.

«Великолепно, — сказал я, не скрывая сарказма. — Вначале у нас интересы еврейского воспитания приносились в жертву задаче максимального увеличения числа учащихся, а теперь школа берет на себя обязательство продать как можно больше христианских журналов! В таком случае я вообще отказываюсь поддерживать этот проект».

С этими словами я повесил трубку.

В попечительском совете школы я оказался в меньшинстве, состоявшем из одного человека.Тем не менее я упивался своей абсолютной правотой, но только до тех пор, пока в один прекрасный день не обнаружил, что моя Двора ходит по дому с унылым видом.

«В чем дело?» — поинтересовался я.

«Ах, это все из-за их дурацкой затеи с журналами! — ответила она. Слово “дурацкий” показалось мне вполне точной оценкой затеи, участвовать в которой я ей категорически запретил. — В каждый четверг на главной перемене между уроками зачитывают, кто на сколько продал журналов, а потом вручают призы. А меня директор всегда отправляет на это время в библиотеку, чтобы я завтракала там одна.»

«Как это?!» — воскликнул я, возмущенный бесчувственностью директора.

«Нет, ты не думай, мне-то все равно, — не слишком убежденно сказала она. — Разумеется, все это абсолютная ерунда. Просто на этой неделе победителю вручили громадную плитку шоколада с орехами, а мне давно хотелось такую.»

Не думаю, что попытка утешить ее покупкой вожделенной шоколадки была бы в этом случае гениальной воспитательной находкой.

Впрочем, нудная беседа на тему о том, как важно оставаться верным принципам и даже приносить ради этого определенные жертвы, тоже не очень бы ее утешила. Поэтому я просто сменил тему. Но про себя я подумал: «Сколько же подобных и гораздо более серьезных жертв вынуждены приносить мои близкие, поддерживая меня и мои высокие принципы?»

Окупаются ли эти жертвы — вот что меня весьма интересовало.

Глава 5. Сфира и хор

РАЗУМЕЕТСЯ, *БРИТ-МИЛУ* нашего второго сына, Давида Лева, мы с Барбарой хотели устроить в еврейской школе, чтобы ученики и их родители тоже смогли принять участие в этой *мицве*. Все еще потрясенные нашим чудесным и стремительным превращением из унылой бездетной пары в счастливую семью с тремя очаровательными детьми на руках, мы рассматривали *брит* Давида Лева как особенный праздник и хотели поделиться этой *«симхой» со* всей школой.

Поэтому легко можно представить себе наше изумление, когда мы узнали, что некоторые родители выразили директору и председателю попечительского совета школы резкий протест по этому поводу; они утверждали, что такого рода церемония является слишком «жестокой и грубой», чтобы к ней можно было привлекать маленьких детей.

Не желая омрачать радостное событие, мы постарались подавить свое раздражение и приписали эти протесты обычному невежеству, царившему, по-видимому, среди большинства членов общины.

Увы, вскоре мне довелось осознать, что в этом отношении наша община не составляет исключения.

В том году, когда Двора перешла в четвертый класс, в школе был организован ученический хор. Энтузиазм отобранных туда детей был столь велик, что с лихвой перекрывал совершенно неизбежный недостаток таланта.

С помощью молодого одаренного руководителя хор быстро освоил обширный репертуар еврейских песен. Его выступления на школьных празднествах и других общинных мероприятиях вызывали умиленные улыбки и порой даже слезы у слушателей. Вскоре хор сделался предметом гордости всей общины. Его выступления пробуждали в евреях куда большее ощущение единства и причастности, чем любые выступления, проповеди, газетные статьи или заседания общинных комитетов.

Будучи активной участницей хора. Двора с нетерпением ждала каждой репетиции и каждого выступления, а я, гордясь своей дочерью, не менее горячо ее в этом поддерживал. Еще когда хор создавался, я проконсультировался у местных раввинов по вопросу о том, допустимо ли совместное пение мальчиков и девочек. Ответы несколько отличались друг от друга, но большинство авторитетов считало, что обсуждаемые в Талмуде проблемы, связанные с «женским голосом» *(коль иша*), возникают

только после того, как его обладательница достигает возраста *бат-мицвы*, то есть двенадцати лет. Некоторые раввины вообще высказались в том смысле, что девочкам запрещено петь только светские песни; пока они исполняют исключительно религиозные песнопения, никаких возражений против их участия в хоре быть не может.

Тем временем наш хор получал все больше и больше приглашений, и руководителю пришлось даже напечатать что-то вроде расписания концертов. Когда Двора принесла это расписание домой, я обнаружил, что некоторые концерты назначены на время *сфиры* — семинедельного периода между праздниками Песах и Шавуот, который вошел в еврейский календарь как период «ограниченного траура». Еврейские источники называют несколько причин, по которым период *сфиры* должен быть для всего еврейского народа периодом молитв и размышлений, наполненных печалью и раскаянием. Одна из причин состоит, в частности, в том, что некогда в этот короткий промежуток времени эпидемия унесла сразу десятки тысяч учеников и последователей рабби Акивы, которые так и не научились у него относиться друг к другу с надлежащим уважением.

В более поздние времена на тот же период года пришлись другие трагедии, обрушившиеся на еврейский народ и всякий раз напоминавшие о бренности нашего существования и его подвластности воле Всевышнего.

Все эти древние события породили целый ряд траурных обычаев, связанных со *сфирой,* — например, запрет подстригать волосы, праздновать свадьбы, а также — в данном случае это меня и смутило — посещать музыкальные представления, в которых участвуют артисты (однако в это время разрешается слушать музыкальные записи).

Поскольку мне было известно, что эти обычаи, давно и повсеместно соблюдавшиеся, уже приобрели статус законов, я не понимал, как мог руководитель хора, религиозный еврей, назначить выступления хора, да еще в сопровождении рояля, именно на эти недели.

Я обратился к нему — верующему еврею, талант которого я высоко ценил — с просьбой разъяснить мне свой взгляд на эту проблему. Он ответил, что раввин, к которому он всегда обращается в спорных случаях, и «чье мнение его обязывает», считает, что концерты, посвященные исключительно религиозной музыке, можно проводить и в период *сфиры*. Незнакомое выражение меня удивило.

«Что это значит — раввин, “чье мнение вас обязывает”?» —

спросил я.

«Есть один раввин, с которым у меня особенно близкие отношения», — ответил он.

Оказалось, что он познакомился с этим раввином еще во время обучения в *ешиве*, и с тех пор всякий раз, когда сталкивается с каким-нибудь сложным религиозным вопросом, обращается к нему за консультацией. Он считал его своим *реббе* и всегда исполняет его советы.

Этот разговор внезапно заставил меня осознать, что у меня, в сущности, никогда не было близкого человека, к которому я мог бы в любой момент обратиться за советом. Я уже не испытывал того доверия и почтения к местным раввинам, которое питал к ним раньше, и не мог считать их советы достаточно авторитетными, чтобы безоговорочно к ним прислушиваться.

С другой стороны, я все более осознавал, что еврейский закон вовсе не такой черно-белый, как мне раньше казалось. По справедливому замечанию рабби Фрида, в нем много неоднозначных, не поддающихся простому анализу, областей и нюансов. Не имея за плечами настоящего еврейского образования, я пытался плыть в *галахическом* море на свой собственный страх и риск, без надежной карты и без собственного *реббе*, который был бы для меня одновременно штурманом, компасом и секстантом. В своем невежестве я иногда не мог даже обнаружить спасительный берег.

Порывшись в памяти, я вспомнил, что однажды, будучи в Балтиморе, познакомился с рабби Моше Хейнеманом, раввином синагоги *«Агудат Исраэль»*, который произвел на меня тогда исключительно глубокое впечатление. Я вспомнил также, что он дает консультации по *галахическим* вопросам не только членам своей общины, но и посторонним лицам, которые звонят ему из других городов.

Мы с Барбарой тут же решили, что я позвоню рабби Хейнеману и выясню его мнение касательно хора и *сфиры*.

Выслушав меня, рабби Хейнеман сразу же попросил разъяснений. Он, в частности, хотел узнать, чем чреват для Дворы отказ от участия в этих концертах.

Сославшись на разговор с руководителем хора, я ответил, что в таком случае ей не разрешат вернуться в коллектив, дисциплину и сплоченность которого она нарушила и, возможно, будет нарушать и впредь.

Взвесив все обстоятельства, рабби Хейнеман высказался в том духе, что, хотя он лично считает не вполне уместным проведение концертов во время *сфиры*, мне не следует предпринимать решительные действия, которые могли бы отделить Двору от

школьного коллектива и тем самым затруднить ее жизнь в классе и саму учебу.

С тех пор я стал регулярно названивать рабби Хейнеману, консультируясь с ним по тем или иным неясным вопросам — благо, такие вопросы возникали у меня непрерывно. Был, например, случай, когда Двору пригласили на день рождения к одной из ее соучениц, которая собирались отметить его в *некашерной* кондитерской.

Рабби Хейнеман разрешил наши сомнения, посоветовав Дворе принять приглашение, но воздержаться от еды в кондитерской.

«В крайнем случае, — сказал он, — пусть она возьмет с собой что-нибудь *кошерное* из дома, чтобы не чувствовать себя белой вороной в кругу подруг.»

Эти становившиеся все более частыми контакты с рабби Хейнеманом оказали на меня благотворное влияние — я стал менее агрессивным и не столь нетерпимым в отношениях с окружающими.

Тем не менее в политике местного еврейского «истеблишмента» оставалось еще немало такого, что продолжало меня раздражать или огорчать. А поскольку в ту пору главным местом, где я мог излить свои чувства, была для меня моя еженедельная колонка в местной еврейской газете, то недостатка в темах для своих публикаций я никогда не испытывал.

Глава 6. Статья про брак с нееврeем

ОТНОШЕНИЕ НАШЕЙ ОБЩИНЫ к тем или иным вопросам еврейской жизни нередко ставило меня в тупик, и я привык вести свои маленькие войны. Тем не менее, я оказался совершенно неподготовленным к той буре негодования, которую вызвала одна из моих еженедельных статей.

Дело в том, что я опубликовал в нашей газете статью, в которой призвал верующих отказаться от участия в свадебных церемониях, если один из вступающих в брак является нееврeем.

Должен признаться — я даже смягчил этот призыв оговоркой, что запрет не может распространяться на те случаи, когда в брак вступают близкие родственники или же нееврейский партнер прошел *гиюр* хоть у какого-нибудь раввина.

Одновременно я предложил общине воздержаться от назначения на любые должности в еврейских организациях нееврeев или людей, которые состоят в браке с нееврeями. Я аргументировал свой призыв тем, что в силу общественного характера как свадебных церемоний, так и должностных назначений, участие представителей еврейского «истеблишмента» в таких свадьбах или его согласие на такие назначения часто равносильно молчаливому поощрению смешанных браков.

Честно говоря, я не потрудился ознакомиться с *галахическими* источниками, чтобы выяснить, насколько правильны мои рассуждения. Не проконсультировался я и с рабби Хейнеманом. Я просто выразил в своей статье то, что мне подсказывало мое сердце. Мне казалось, что другие, такие же как я, религиозные евреи, думают точно так же. Признаюсь — я не могу припомнить другого случая, когда бы я так серьезно ошибся.

Мой телефон звонил, не переставая. Я получил свыше сотни писем с выражением самого резкого негодования, порой даже откровенной ненависти. За кулисами предпринимались попытки выжить меня из университета.

В своей очевидной наивности я проморгал то простое обстоятельство, что критериям и требованиям, изложенным в моей статье, не отвечала гораздо большая часть нашей общины, чем я мог предположить (в том числе одна важная дама, председательствовавшая в некой женской организации, и один столь же важный джентльмен, возглавлявший влиятельное еврейское агентство).

По существу, сам того не желая, я атаковал большинство членов самой крупной в городе реформистской общины.

В ОДИН ИЗ ВЕЧЕРОВ, совершенно взбешенный этим потоком нападок, я яростно сорвал со стены телефон, чтобы прекратить поток звонков. Барбара сочувственно посмотрела на меня. Она прекрасно понимала, в каком состоянии я нахожусь.

«Ну как, ты еще держишься?» — спросила она. «Пока еще держусь, — ответил я. — Но признаюсь откровенно, такого я не ожидал. Должно быть, я задел их за живое!»

«Знаешь, я полностью согласна со всем, что ты написал, — сказала Барбара. — Но мне кажется, что все эти нападки и столкновения не идут нам на пользу. Временами ты мне представляешься этаким еврейским Дон-Кихотом, только тот воевал с ветряными мельницами, а ты сражаешься с ассимилированными евреями. Не лучше ли нам заняться нашими собственными делами вместо того, чтобы пытаться перевоспитать всю еврейскую общину?»

Барбара была настолько же права в отношении наших собственных дел, насколько я ошибался в оценке настроений еврейской общины. Я вдруг понял, что мы потратили многие годы, стремясь достигнуть неведомых горизонтов, в то время как нам следовало бы гораздо серьезнее заняться самими собой, ступить на путь очищения и совершенствования.

Да, пришло время пересмотреть многие наши привычки и взгляды.

С этого момента я начал постепенно и совершенно сознательно сокращать свое участие в общественных делах. А когда подошел срок моего очередного полугодичного академического отпуска, я немедленно подал соответствующее заявление.

Попутешествовав по чужим странам, пожив в самых разных местах, мы решили, что пора уже отправиться «домой», — по-настоящему домой, в то единственное место, где мы сможем жить полной еврейской жизнью. В тот же день мы заказали билеты на ближайший авиарейс, направлявшийся в *Эрец Исраэль*.

Часть 5. УТРО

Поутру пойдем в виноградники…
Песнь песней, 7:13

Глава 1. Иерусалимский квартал Шмуэль а-Нави. Ешива Ор Самеах

Я СНЯЛ КВАРТИРУ в иерусалимском квартале *Маалот Дафна*, недалеко от *ешивы «Ор Самеах»*, в которой намерен был провести все шесть месяцев моего отпуска. Квартира была очень простая, даже немного запущенная, обставленная старой мебелью, находившейся на различных стадиях разрушения. С небольшого внешнего балкона (на иврите — *мирпесет*), открывался вид на обширное открытое пространство — отчасти автостоянку, отчасти просто пустырь.

Этот пустырь обрывался у квартала, состоявшего из многоквартирных жилых домов. Квартал назывался *Шмуэль а-Нави* («Пророк Шмуэль»), и в нем жили очень небогатые иерусалимцы. По нему еще недавно проходила граница между Израилем и его недружественным арабским соседом, Иорданией.

В квартире было две спальни — одна для Дворы, Дова Хаима и Давида, и другая — для нас с Барбарой. В кухне, оборудованной крохотной газовой плитой и допотопным холодильником, по стенам тянулись узкие, потрескавшиеся и покрытые пятнами каменные полки; имелось в ней и небольшое окно, из которого открывался более чем впечатляющий вид на громадный металлический бак для мусора, стоявший прямо посреди двора.

Но несмотря на все свое убожество, впрочем, относительное, и само жилье, и окружающая обстановка казались нам, пребывавшим в восторженном и возбужденном состоянии, совершенно идиллическими. Чего стоило уже то, что каждое утро в наши окна врывался яркий солнечный свет, который немедленно заливал все окружающее пространство сверкающим, пламенным блеском *Йерушалаима*.

Буквально на следующий день после приезда я быстрым шагом отправился в *ешиву «Ор Самеах»*. Идти было недалеко — *ешива* находилась всего лишь в нескольких кварталах от нашего дома, вдобавок всю дорогу мысли мои были заняты непростой аналогией между мною, профессором Аланом Шварцбаумом, и нашим знаменитым мудрецом рабби Акивой. Как и этот великий мудрец и руководитель, я тоже впервые в жизни собрался изучать Тору и поступить в *ешиву*, уже переступив порог сорокалетия. Будущее волновало и страшило меня одновременно.

РАББИ ЙИРМИЯГУ АБРАМОВ, ответственный за прием новичков, побеседовал со мной и почти сразу же предложил мне

список курсов, которые, по его мнению, соответствовали уровню моего еврейского образования. Мы составили расписание занятий, которое позволило бы мне как можно эффективнее использовать мой недолгий отпуск, после чего я с головой окунулся в учебу.

Примечание автора: в этой части книги я буду называть подлинные имена раввинов, учителей и других встреченных мною в Израиле людей, поскольку я обязан им своим религиозным образованием и испытываю по отношению к ним самую глубокую и сердечную благодарность.

Мой день начинался теперь с утренней молитвы, после которой я отправлялся в класс, где изучались законы *тшувы* (покаяния). Вел занятия рабби Авигдор Бончек, по «светской» профессии — практикующий психолог. Он изо дня в день знакомил нас с проницательными суждениями Маймонида относительно *тшувы*, которые показались мне не только необычайно интересными, но и весьма актуальными.

После короткого перерыва мы приступали к занятиям по *Гемаре*, во время которых под руководством рабби Эли Мерла изучали трактат Талмуда *Сангедрин*, а после обеда я отправлялся в классы по *Мишне* и *Хумашу* (Пятикнижию).

По вечерам я вместе со своим *хеврута* — студентом старшего курса, прикрепленным ко мне в качестве «репетитора», — повторял материал, пройденный на уроке *Гемары*, а в 10 вечера отправлялся на одну из многочисленных ежедневных лекций, касавшихся весьма широкого спектра вопросов. Меня особенно интересовали комментарии рабби Мордехая Перл-мана к *парашат а-шавуа* — недельной главе Торы — и обсуждение философских проблем на семинарах рабби Давида Готтлиба.

Каждый из уроков, в которых я принимал участие, был по-своему увлекателен, но самыми интересными для меня оказались занятия *Гемарой*. Ни во время учебы в университете, ни в своей научной работе я никогда не сталкивался ни с чем подобным. Мое прежнее знакомство с иудаизмом можно было, в сущности, сравнить с плаванием без компаса и карты в неведомых водах. И вот, стоило мне в первый раз открыть том *Гемары*, как я ощутил, что пускаюсь в плавание совершенно иного рода — отправляюсь во вполне целенаправленную экспедицию, на поиск давно спрятанных сокровищ.

Вдобавок, поскольку мои занятия стоили мне огромных интеллектуальных и душевных усилий, благодаря им я переставал быть простым пассажиром и становился равноправным, может быть, даже полезным членом большого дружного экипажа.

Пунктом отправления для нас была *Мишна*. Сжатым и точным языком она излагала систему принципов, которую на гуманитарном университетском жаргоне можно было бы назвать «характеристикой исходного состояния».

Детально разработанная и точнейшим образом оформленная, она была нашим главным судовым документом. На совершенно особом языке, непохожем на язык других священных еврейских текстов, она указывала нам маршрут к далекому кладу, главные вехи и ориентиры предстоящего пути. Потом начиналось собственно путешествие.

Следуя указаниям *Мишны*, мы углублялись в какой-нибудь определенный пролив и вскоре обнаруживали, что другие кладоискатели уже прошли здесь до нас и описали свои открытия в особой лоции под названием *барайта*. Тогда мы возвращались обратно и начинали двигаться в другом направлении, время от времени сверяясь с картой *Мишны*, чтобы не забраться слишком уж далеко.

Ориентиром или вехой могло служить что угодно: необычная фраза, нестандартный грамматический оборот, даже правописание — все шло в дело. По ходу плавания мы заходили в многочисленные порты, к нам на борт поднимались необычайно интересные и яркие попутчики, в том числе — величайшие мудрецы древности.

Не раз и не два я ощущал себя безнадежно запутавшимся на этом долгом пути. К счастью, к моим услугам было несколько превосходных навигационных карт, прежде всего те из них, которые были составлены такими знатоками моря, как *Раши* и *Баалей а-Тосафот*.

Со временем я понял, что, хотя наше плавание и имело конечную цель, обычно — какой-то юридический вывод или *галахическое* предписание, но его главной целью было оно само, скрытый в любом путешествии познавательный потенциал, а не пункт назначения. Столь желанные богатства не были зарыты в какой-нибудь пещере или на дне океана — мы собирали их по пути.

Глубокое проникновение в суть вопроса, неустанная погоня за строгой логичностью, изощренные талмудические дискуссии — все эти приобретения, усваиваемые нами в ходе долгого плавания, постепенно становились частью нас самих, слагались в некий особый, целостный образ жизни, основанный на принципах Торы.

Гемара оказалась величайшим интеллектуальным вызовом из всех, с какими я сталкивался в своей жизни. В сравнении с величественными волнами ненасытного талмудического океана

мои прежние научные занятия, магистерская и докторская диссертации представлялись теперь всего лишь рябью на воде. Я впервые ощутил структурную монолитность еврейского знания: чтобы правильно понять один какой-либо вопрос, необходимо было познакомиться со всем огромным зданием Торы. Поэтому здесь нет ни начал, ни концов.

Обсуждение любого частного вопроса здесь всегда напоминает движение по извилистому лабиринту через всю пирамиду Торы; нить рассуждений протягивается между вехами, которыми служат то *пасук* (стих) из Пятикнижия, то фраза из *Пророков*, то отрывок из Псалмов, то ссылка на *Притчи* царя Соломона.

Чем больше (и дольше) ты ищешь, тем больше находишь; чем больше находишь, тем сильнее становится желание двигаться дальше.

Все эти месяцы изучение Торы заполняло мои дни, вечера и ночи напролет; в своей жажде знаний я был совершенно ненасытен. Занятия в *ешиве* давали мне богатейшую духовную пищу, которая не шла ни в какое сравнение с чем-либо, изведанным мною прежде. Я ни с чем не мог сравнить и принятый в *ешиве* способ занятий — систему *хеврутот*, учебных пар, которая до сих пор не перестает меня восхищать.

Наш учебный зал, *бейт мидраш*, совершенно не походил на чинную университетскую аудиторию.

Разбившись на пары и не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг, студенты увлеченно обсуждают друг с другом пройденный сегодня утром материал, пытаясь разобраться в сложном и запутанном лабиринте идей и *галахических* принципов, который возникает на каждой странице *Гемары*. Зачастую напарники тут же, на месте, вступают в ожесточенные споры между собой, причем каждый яростно настаивает на правильности своей интерпретации и пытается найти неувязки и противоречия в трактовке другого.

Постороннему наблюдателю эта словесная перепалка могла бы показаться шумной и чересчур запальчивой, но, в действительности, ее участники испытывают друг к другу чувство глубокого уважения и признательности, которое почти всегда перерастает потом в долгую тесную дружбу. Подобно двум клинкам, которые бьются в ходе поединка друг об друга, умы этих «соратников по учебе» постоянно оттачиваются в таких схватках над *Гемарой*.

Система *хеврутот* работает лучше всего, когда партнеры соответствуют друг другу по темпераменту и интеллекту. В идеале, их сильные и слабые места должны дополнять друг друга.

Самая подходящая аналогия для *хевруты* — брак; раввины, подбирающие напарников, играют здесь роль своего рода «сватов». Однако, как и во всяком браке, идеальных «партнеров по учебе» не существует, и каждый член *хевруты* должен привыкнуть к недостаткам своего коллеги.

Эта система, частью которой является признание своей прямой ответственности за успех партнера, кажется мне необычайно плодотворной. Она резко контрастирует с той яростной конкуренцией и эгоистическим «ячеством», которые так характерны для нынешнего секулярного общества, в том числе и для университетов.

Еще более примечательным показался мне тот факт, что студенты приходили в класс (и посвящали долгие часы внеклассным занятиям) совершенно добровольно, без всяких внешних стимулов в виде системы поощрений и наказаний:

ешива не признавала никаких оценок, экзаменов, дипломов или наград.

Студенты учились, потому что они сами этого хотели, потому что изучаемый материал близко их касался, казался им глубоко волнующим и осмысленным, наконец, потому, что все они считали учебу своим религиозным долгом и привилегией.

Ничто не заставляло их учиться — ни конъюнктурные соображения, ни давление со стороны родителей. Напротив, — ближе познакомившись со своими «одноклассниками», я узнал, что многим из них родители пытались запретить поступать в *ешиву*.

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ СТУДЕНТОВ составлял двадцать два года. В свои сорок два я был одним из немногих «стариков» в *ешиве*, и потому ко мне довольно часто обращались за советом и консультацией. Постоянной темой таких разговоров были возражения родителей против избранного их детьми образа жизни. Зачастую этот родительский протест принимал форму неприкрытого давления — родители пытались заставить своих сыновей покинуть *ешиву* и поступить в один из зарубежных колледжей или университетов, чтобы приобрести профессию и заодно получить светское образование.

Мне трудно было дать однозначный совет или предложить какую-либо общую формулу поведения в такой ситуации. Тем не менее, я всегда старался подчеркнуть, что, каковы бы ни были расхождения во взглядах, следует сохранять уважение к родителям и попытаться понять их точку зрения.

Когда сыновья так резко и внезапно меняют свой образ жизни, всю прежнюю систему убеждений и ценностей, род занятий и даже внешний вид, да к тому же еще начинают вести

себя необычным образом, радикально отличающимся от более или менее принятого в обществе стиля поведения, то вполне естественно, что их отцы и матери воспринимают этот резкий перелом как скрытое порицание, как отрицание того воспитания, которое они старались дать детям. Родительские чувства при этом неизбежно оказываются задетыми. А если еще добавить к этому пропасть в тысячи миль, отделяющую родителей в США от их сыновей в Израиле, то легко понять всю меру родительской озабоченности и тревоги.

Про себя я считал, что чересчур торопливое, чуть ли не мгновенное превращение вчерашнего хиппи, беззаботно перепрыгивавшего из страны в страну, в одетого в черное *бахур ешива* со свисающими поверх одежды (напоказ!) *цицит*, нередко происходило слишком внезапно и импульсивно, так что трансформация внешнего облика зачастую обгоняла совершавшееся гораздо медленнее внутреннее перерождение, и подгонка естественных стереотипов к новому образу жизни происходила, что называется, на ходу. Разительное изменение облика сыновей в результате такого внезапного скачка порой ошарашивало родителей, и даже пассивное усвоение новой реальности требовало от них весьма значительных усилий.

Эти мои размышления, относившиеся к студентам из западных стран, были совершенно неприменимы к студентам-израильтянам. Я с изумлением наблюдал, с какой естественностью происходит это решительное преображение, почти перерождение, у коренных уроженцев Израиля. Выросшие в атмосфере, естественной частью которой всегда были уникальная еврейская история, язык иврит и элементы религиозного образа жизни, а также глубочайшее осознание особой ценности и специфичности Земли Израиля, и в то же время ощущавшие невозможность активного и осмысленного участия в окружающей жизни, эти молодые секулярные израильтяне напоминали сухой хворост, готовый вспыхнуть от первой искры. В тот момент, когда в их душах загоралась искра Торы, они буквально превращались в пылающий факел. Каждый, кто видел, с какой страстью и рвением они приступают к учебе или молитве, не мог не проникнуться их энтузиазмом.

Трудно было сказать, каким образом этим молодым людям удастся впоследствии совместить учебу в *ешиве* со светским образованием и профессиональной карьерой. По собственному многолетнему университетскому опыту я знал, что кампус никак нельзя назвать самым подходящим местом для формирования молодых душ.

Разумеется, колледжи и университеты дают своим студентам

и преподавателям возможность знакомиться с различными идеями и обмениваться ими, изучать физический и духовный мир, осваивать и развивать различные направления науки, искусства, музыки и литературы, общаться с крупными учеными и наблюдать их в процессе работы; но увы — эти замечательные возможности предоставляются всем желающим в атмосфере вопиющего, необычайно легкомысленного подхода к моральным вопросам и пренебрежительного отношения к проблеме интеллектуальной, духовной и воспитательной ответственности.

Молодые, впечатлительные люди, впервые в жизни освободившиеся из-под родительской опеки, попадают в университетах в мир облегченных норм поведения, легко допускающих сексуальную распущенность и экспериментирование с наркотиками. Они сталкиваются с ошарашивающим разнообразием молодежных субкультур, с которыми не были знакомы прежде. По своему духу эта обстановка прямо противоположна духу Торы и несовместима с ней. Мне повезло — меня она в свое время практически не задела, и, завершая свою студенческую биографию, я был преисполнен чувством глубокого уважения к людям, поделившимся со мной знаниями, прививším мне гуманность и тягу к научному поиску, но очень многие оказались гораздо менее защищенными.

Оглядываясь на свое прошлое с высоты моего сегодняшнего опыта, я вижу в нем много скрытых ловушек, — но можно ли заключить из этого, что следует вообще отказаться от высшего образования?

Чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что между светским и религиозным миром, тем более — светским и религиозным образованием, нет никакой непроходимой грани. Корпускулярная структура материального мира, сложнейший символизм лингвистических систем, головоломные ритмы баховских фуг, законы приливов и тайны земного ядра, маршруты птичьих миграций — все это демонстрирует прежде всего безграничную, недосягаемую мудрость Всевышнего. В сущности, светские занятия должны были бы стать окном в небесный мир, в мир Торы.

Нет, не в отказе от изучения светских наук, думалось мне, состоит решение вопроса, а в том, чтобы прежде всего укорениться в мире Торы и усвоить ее особый взгляд на окружающий мир. Мой собственный путь: сначала светские занятия, а потом, годы спустя, приход в *ешиву* — был чрезвычайно опасен. Сколько моих друзей и соучеников так и не нашли правильную дорогу! Сколько их, не добившихся особого успеха ни в одной области и не испытавших особых

разочарований, воспринимают весь мир как радиоприемник, который можно включить, послушать и выключить! Маловероятно, что такие люди со временем найдут дорогу в *ешиву*.

Кроме того, ежедневно «грызя гранит *Гемары*», я осознал, как трудно начинать серьезно заниматься в моем возрасте. Увы, рабби Акива был единственным в своем роде. Только настоящие гении, — а их всегда считанные единицы — начав так поздно, могут стать со временем настоящими знатоками Торы, учителями поколения. А может быть, вообще только он один…

В то же время меня не на шутку встревожило то незаслуженно пренебрежительное, искаженное представление о светских науках, которое, как мне показалось, широко распространено среди представителей еврейского религиозного мира.

Как раз в то время, когда я начал заниматься в *ешиве*, в Иерусалиме бушевали страсти вокруг археологических раскопок в Старом городе, которые, по мнению многих раввинов, могли потревожить древние еврейские захоронения. В связи с этим в *ешиву* прибыл известный религиозный оратор и прочитал нам лекцию на жгучую тему.

Он говорил о еврейском взгляде на погребение, который базируется прежде всего на глубоком убеждении в святости человеческой жизни. Человека можно сравнить со свитком Торы — поврежденный, он больше не может служить святой цели, но, тем не менее, продолжает оставаться предметом почитания в силу той возвышенной роли, которую играл когда-то.

Поскольку человек создан по образу и подобию Всевышнего, человеческое тело — не просто пустая оболочка, груда костей или источник анатомических сведений; его надлежит почитать и после смерти, ибо некогда оно было вместилищем человеческой души, которую вдохнул в него Всевышний. Вот почему извлечение трупов из могил, если оно не оправдано какими-то особыми, совершенно исключительными обстоятельствами, — это надругательство над покойниками.

Я понимал всю мудрость этого подхода, а мои многочисленные странствия научили меня, что отношение общества к своим мертвецам обычно довольно верно отражает его отношение к живым людям. Но по мере того, как оратор продолжал свою речь, он все чаще и яростнее нападал на антропологию вообще, изображая ее как лжеучение, диаметрально противоположное учению Торы.

С этим я уже не мог примириться. Поэтому, по окончании лекции, я встал и обратился к докладчику:

«Все то, что вы сейчас рассказали, произвело на меня глубокое впечатление, — начал я. — Но мне кажется, что было бы неправильным обвинять всю антропологию в целом, объявлять обширную научную дисциплину “трефной” и утверждать, что антропология вообще не имеет никакой духовной ценности.»

Что ни говори, я все-таки был специалистом-антропологом.

«Прежде всего, — продолжал я, — не следует забывать, что антропология состоит из целого ряда научных дисциплин. Археология, которая занимается исследованиями, в ходе которых может быть нарушена святость древних еврейских захоронений, — всего лишь одна из многих ее областей.

Во-вторых, я убежден, что еврей, следующий Торе, может использовать открытия и данные, полученные антропологией, таким образом, что это пойдет на пользу человечеству, ни в чем не нарушая при этом заповедей Торы. Здесь нет никакого противоречия. К примеру, антропология может многому научить нас в области использования человеческих и природных ресурсов. Она объясняет нам, как культура взаимодействует с различными экологическими факторами, и, тем самым, помогает нам приспособиться к нашему окружению. Она позволяет нам понять процессы социальных контактов и те приемы, с помощью которых предыдущие поколения передают свой опыт и культуру последующим. Она дает нам примеры межкультурного сотрудничества и, таким образом, помогает налаживать кооперацию между различными группами. Поэтому осуждать нужно не антропологию, как таковую, а, скорее, те методы, которыми пользуются отдельные недобросовестные антропологи.»

«Ну да, ну да, — отмахнулся оратор. — Скажите еще, что телевидение при определенных условиях тоже может принести некоторую пользу.»

И с этими словами он повернулся к кому-то другому, чтобы ответить на его вопрос.

Это недоброжелательное и довольно-таки формальное признание моей правоты оставило в моей душе тягостное чувство неудовлетворенности и беспокойства. Все эти вопросы продолжали меня мучить, пока я не нашел для себя некий весьма частичный ответ, который позволил мне, по крайней мере, до какой-то степени, примирить светское образование с религиозным.

Я вспомнил, что в большинстве университетов существует четкое разграничение между гуманитарными и естественными факультетами.

Мне подумалось, что это традиционное разделение академических предметов на «гуманитарные», куда обычно

включаются философия, литература, языки, музыка и различные искусства, и «естественные», к которым относятся все дисциплины, изучающие природу, позволяет найти столь необходимый компромисс.

Гуманитарные дициплины всегда подчеркивали и подчеркивают относительность и субъективность человеческого поведения, наших привычек и устремлений. Вкусы, моды, этика, ценности — все это меняется от эпохи к эпохе и зависит от господствующих социально-экономических условий и типа культуры.

Общество, в лице его крупнейших мыслителей и различных руководителей, берет на себя роль арбитра, решающего,

что хорошо, красиво, справедливо и достойно внимания. Здесь нет вечных стандартов — только вечно меняющиеся критерии. Здесь нет места вездесущему Творцу, который с неизменной мудростью правит миром. Великие творения литературы и искусства в такой трактовке — дело рук индивидуального гения.

Тем не менее, этот гений всегда берет свое начало в способностях, которыми художника одарил Всевышний.

Тора говорит: «Я призвал именно Бецалеля, сына Ури, сына Хура, из колена Йегуды. Я исполнил его Духом Б-жьим, мудростью, разумением, пониманием и всяким искусством…» *(Шмот* — «Исход», 31:2—3)

И если художник не осознает, Кем вручен ему этот дар, то его творения служат, скорее всего, восхвалению идолов, а не прославлению Создателя рода человеческого.

В отличие от художников и писателей, ученые ничего не создают — они исследуют. С помощью своих экспериментов и открытий они познают мир. Они не производят на свет новые загадки, а разгадывают существующие.

В статье Лео Леви «Тора и светские науки», опубликованной в одном из религиозных научных журналов, я нашел цитату из *Мидраш Раба* на Книгу *Эйха* (2:13), которая, на мой взгляд, точно выражает это различие:

«Как говорили наши мудрецы, “если скажут тебе, что есть *хохма* — наука (или мудрость) — у других народов, верь этому; если скажут, что есть у них Тора — не верь”…»

В то же время существуют научные дисциплины, которые, строго говоря, нельзя отнести ни к той, ни к другой области. Социальные науки вроде антропологии, социологии и психологии занимают туманное, промежуточное положение между гуманитарными и точными науками. С течением времени их методы становятся все более строгими. Однако в их толкованиях

и рекомендациях все еще переплетаются точно установленные факты, эмпирические закономерности и личные пристрастия вовсе не нейтрального исследователя.

Еще труднее определить место технологии на этой карте науки. Ее потрясающие достижения зачастую сопровождаются чрезмерным раздуванием роли человека и его возможностей. Как и в гуманитарных дисциплинах, личное тщеславие здесь может быстро превратить совершенно невинную и, в потенциале, благодетельную научную дисциплину в нечто абсолютно «трефное».

Не исключено, что исследователь, подходящий к научным проблемам с твердой философской базой, с перспективой, почерпнутой в Торе, гораздо меньше рискует стать жертвой собственного тщеславия… Но не исключено, что это рассуждение и само заражено тщеславием.

Я ведь с самого начала отметил, что все эти построения — не более, чем попытка весьма частичного решения вопроса.

Глава 2. Двора - белая ворона. Остаться в Израиле

ПОКА Я ЗАНИМАЛСЯ В ЕШИВЕ, а Дов Хаим посещал хедер в соседнем с нашим районе *Сан-гедрия Мурхевет*, Давид оставался с нянькой, *метапелет*, которая содержала небольшой детский сад у себя на дому.

Барбара в это время слушала лекции и изучала иврит в женском религиозном колледже *Неве Йерушалаим*, рассчитанном на иностранных студенток с «ограниченным» еврейским образованием.

Двора ходила в четвертый класс религиозной школы *Бейт Яаков*. Труднее всего приспосабливалась к Израилю именно она.

В Америке, где выходцев из Азии не так уж мало, и даже в еврейских общинах встречается множество детей, внешне похожих на нее (это могут быть, в частности, приемные дети или сыновья и дочери американских военнослужащих, женившихся на корейках или вьетнамках), она не особенно выделялась среди сверстников. Но в Израиле она была такой же белой вороной, как в свое время светловолосый Дов Хаим на Тайване, и привлекала к себе гораздо больше внимания, чем ей бы хотелось.

Во время нашего пребывания на Тайване Дов Хаим был еще слишком мал, чтобы замечать удивленные взгляды окружающих, да и китайцы, по большей части, были достаточно деликатны, чтобы воздержаться от насмешливых замечаний. Дворе же было почти десять лет, и она впервые в жизни почувствовала себя не такой, как все.

Совершенно незнакомые ей люди без всякого стеснения выражали сомнение в ее еврействе, даже в ее праве находиться на Святой земле; дети насмехались и издевались над ней; и даже учителям, как нам казалось, было трудно сориентироваться в ситуации, которая была для них совершенно непривычной.

Пытаясь успокоить Двору, горько рыдавшую из-за этих издевательств, вооружить ее против предрассудков, лицемерия, бесчувственности и прочих «прелестей» холодного, жестокого мира, мы с Барбарой и сами не раз доходили до слез.

Однако мы были уверены — или, по крайней мере, очень надеялись, — что все наладится, как только Двора обзаведется новыми друзьями и обретет хоть немного уверенности в себе.

ВПРОЧЕМ, ЭТИ ТРУДНОСТИ были едва ли не единственным обстоятельством, омрачавшим нашу более чем приятную во всех

остальных отношениях израильскую жизнь. Нам казалось, что мы упиваемся сладчайшей из всех когда-либо слышанных симфоний. Израиль не переставал интересовать и волновать нас, а очарование Иерусалима с течением времени стало все больше проникать в наши души.

Мы подолгу бродили по его кварталам, улицам, переулкам и тупикам. Если в Америке субботы и праздники были для нас всего лишь короткими перерывами в будничной череде профессиональных и учебных занятий, то здесь они стали увенчивать наш жизненный распорядок, и без того насыщенный возвышенной духовностью. Достаточно сказать, что когда я в первый раз услышал звук сирены, возвещавший всему городу о наступлении субботы, у меня буквально мурашки поползли по коже.

«Понимаешь, — пытался я растолковать свои ощущения Барбаре, — в Америке еврей постоянно не совпадает по фазе со временем. Его еврейское время не согласуется с распорядком жизни города и окрестностей. Сами ритмы еврейского и нееврейского времени различны. Это просто еще одно свидетельство различия между “нами” и “гоями”. По субботам мы создаем вокруг себя маленький островок еврейской жизни, окруженный морем жизни нееврейской, в котором люди в это самое время подстригают свои лужайки, крутят свои стерео-установки, мчатся по делам в своих машинах. А здесь суббота совпадает с субботой, понимаешь?»

Барбара кивнула:

«Я понимаю, что ты хочешь сказать. В Штатах я всегда ощущала, что, как бы мы ни стремились вверх, к большей духовности, окружающая жизнь тянет нас вниз. Здесь, как бы мало духовны мы ни были, окружающая жизнь поднимает нас, тянет кверху.»

В сущности, еще не говоря об этом вслух, мы с Барбарой пришли к одному и тому**же** решению: мы должны остаться в Израиле и растить своих детей здесь.

В качестве первого шага в этом направлении я подал заявление в министерство абсорбции. Там есть специальный отдел, помогающий научным работникам, желающим репатриироваться в Израиль.

На протяжении нескольких последующих месяцев я прошел собеседования в четырех ведущих израильских университетах, а также в некоторых других научных учреждениях. Увы, я не получил никаких конкретных предложений. Я был весьма обескуражен. Было ясно, что при отсутствии серьезных перспектив найти работу нашим надеждам совершить *алию* не

суждено осуществиться.

Когда до конца отпуска оставалось всего несколько недель, один из наших друзей посоветовал нам поговорить с *ребецин* Эстер Сегал. Госпожа Сегал была широко известна своей поистине выдающейся благотворительной деятельностью. Каждый день в определенные часы она принимала людей, приходивших к ней за советом и благословением.

Я понятия не имел, чем она может мне помочь, но рассудил, что повредить благословение этой святой женщины наверняка не может.

И ВОТ ОДНАЖДЫ мы с Барбарой отправились в религиозный район *Меа Шаарим*. Не без труда отыскав маленький скромный дом *ребецин* Сегал, затерявшийся в маленьком переулке недалеко от *ешивы «Мир»*, мы постучали в дверь.

Ребецин открыла дверь, пригласила нас в небольшой салон и угостила прохладительными напитками и фруктами. Барбара коротко рассказала ей о нашей семье, нашем постепенном приходе к *идишкайту* и нежелании возвращаться в Штаты. Я, со своей стороны, поведал гостеприимной хозяйке о бесплодных поисках работы в Израиле.

Мы говорили сумбурно и, как нам самим показалось, не очень последовательно, и потому чувствовали себя весьма неловко. Однако *ребецин* отнеслась ко всему услышанному с полной серьезностью.

«Для блага ваших детей, — начала она, — вам действительно совершенно необходимо как можно скорее покинуть вашу американскую общину и *вернуться* в Эрец Исраэль.»

Тут она посмотрела на меня и проницательно заметила:

«Вы производите на меня впечатление человека, который всегда стремится быть хозяином положения. Это серьезная проблема. Вы из тех людей, которые ничего не начинают, по-

ка не убедятся, что они все продумали до конца и полностью контролируют ситуацию. Люди, подобные вам, зачастую забывают, что на самом деле мы ничего не контролируем и ничего не решаем.

Это Всевышний, — *Гакадош Барух Гу,* — это Он решает, что с нами произойдет. Лишь благодаря Ему мы дожили до сегодняшнего дня, лишь по Его воле мы будем жить завтра. Наша жизнь полностью в Его руках.»

Она опять замолчала, словно давая нам время обдумать ее слова.

«Пока вы не поймете это, пока вы не проникнетесь настоящей верой в могущество Всевышнего, вы не продвинетесь ни на шаг. Прежде всего вы должны поверить. Поверить, что не вы, а Он

контролирует ситуацию.

Конечно, вы обязаны делать все, что в ваших силах, — не пойдете же вы через шумный перекресток на красный свет светофора с закрытыми глазами, надеясь, что Всевышний о вас позаботится и убережет от гибели! — но помните, что, в конечном счете, вашу судьбу решает Он. Оглянитесь вокруг. У всех есть хлеб и крыша над головой, все как-то устраиваются. Если вы действительно хотите остаться здесь, вы должны по-настоящему поверить в Него.»

ПОБЛАГОДАРИВ *РЕБЕЦИН* СЕГАЛ и распрощавшись с ней, мы отправились в обратный путь в *Маалот Дафна*. Мы шли медленно, молча, каждый из нас был погружен в свои мысли. По пути мы присели отдохнуть на первой попавшейся по пути скамейке.

Я повернулся к Барбаре и сказал:

«У нее все так просто и ясно. Кстати, ты обратила внимание, какая у нее скромная квартира: никаких украшений, никаких излишеств, — но какая безукоризненная чистота! И как сама она вписывается в этот интерьер — почти аскетизм, почти суровость?! И при всей этой кажущейся простоте в ней чувствуется что-то неординарное. Ты тоже это заметила?»

Барбара кивнула:

«Да, разумеется. Но почему ты ничего не говоришь по существу вопроса? Мне показалось, что она адресовала свои слова именно тебе.»

Я мысленно прокрутил в голове все сказанное *ребецин* во время нашей встречи, и, помолчав, ответил:

«Думаю, что эта леди не ошиблась номером.»

Глава 3. Песах в Балтиморе в Талмуд Тора «Шаарей а-Плейта»

ОТПУСК ПОДОШЕЛ К КОНЦУ как-то очень неожиданно и быстро. Делать было нечего: мы упаковали свои пожитки, тепло распрощались с новыми друзьями и поднялись в самолет, вылетающий в Соединенные Штаты.

За эти полгода в Израиле мы настолько отошли от «нееврейского» мира, что, вплоть до самой посадки в аэропорту имени Кеннеди, так и не сообразили, что прилетаем в разгар христианских праздников.

Назойливо-вездесущие рождественские украшения, колокольный звон, от которого закладывало уши, лихорадочные толпы в магазинах и на улицах — все это резко контрастировало с задумчивой тишиной Иерусалима. Как обычно, многие наши соседи-евреи уже приступили к украшению ежегодных «ханукальных елок»; но на сей раз этот американский еврейский обычай вызвал у нас настоящее отвращение.

Не прошло и нескольких недель, как мы опубликовали объявление о продаже дома. Хотя другой работы у меня пока не было, мы единодушно решили, что больше оставаться в этой общине не можем. Для начала мы решили переехать в Балтимор — там была большая и быстро развивающаяся группа настоящих верующих евреев. Я собирался остаться на прежней работе, пока не найду другую, поближе к дому.

Это, разумеется, означало, что мне придется почти всю неделю проводить в университете, возвращаясь домой только на субботу, но нам казалось, что обретение настоящей еврейской среды важнее, чем это маленькое неудобство. Короткое пребывание в Израиле, в *ешиве*, среди евреев, верящих в то же, что и мы, пробудило в нас жгучее желание жить только такой жизнью.

МНОГО ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД суббота, предшествовавшая самому первому празднику Песах, проведенного евреями еще в Египте, выпала на десятое число месяца нисана. Она была названа *Шабат а-Гадоль*, «Великая суббота», ибо в этот день сыны Израиля выполнили свою первую *мицву* — принесли в жертву ягненка. С этим днем связаны многие величественные и чудесные события еврейской истории.

Одним из них стало рождение нашего третьего сына, пришедшееся на «Великую субботу» 5742 (1982 по европейскому

летосчислению) года.

Поскольку он родился за пять дней до Песах, мы немедленно столкнулись с очень серьезной проблемой: восьмой день его жизни, в который ему должно было быть сделано обрезание, приходился на следующую субботу, семнадцатое нисана.

Поскольку в нашем городе *моэля* не было, его следовало пригласить издалека, причем этот героический человек должен был приехать к нам еще в среду, канун праздника, *зрев йом тов*, и остаться у нас на три следующих дня — два дня праздника (*йом тов*) и субботу. Трудно было представить, что найдется религиозный еврей, который согласится провести три первых дня праздника Песах, в том числе и оба *седера*, вдали от своей семьи!

Во вторник вечером, привезя Барбару из больницы домой, я тотчас позвонил рабби Нафтали Мандельбауму, который преподавал в *Талмуд Тора «Шаарей а-Плейта»* в Балтиморе, чтобы посоветоваться с ним о создавшемся положении. Хотя наше знакомство с Мандельбаумами было не очень давним (мы впервые побывали у них на Хануке после возвращения из Израиля), я почему-то был уверен, что он сумеет мне помочь.

Я объяснил, в чем дело, и, к моему изумлению, рабби Мандельбаум тотчас, без малейшего раздумья, пригласил нас попросту приехать на весь праздник Песах к нему в Балтимор.

«Вам совершенно не о чем беспокоиться, — заверил он меня, — *седеры* мы проведем у нас дома, а о *брите* в следующую субботу я позабочусь заранее.»

В среду мы все втиснулись в нашу маленькую машину — Двора рядом со мной, Барбара с остальными детьми и новорожденным на заднем сиденье — и отправились в Балтимор. К Мандельбаумам мы прибыли в третьем часу пополудни. Госпожа Мандельбаум, кстати, ожидавшая в это время своего седьмого ребенка, приняла нас как своих, так что мы сразу же почувствовали себя, как дома, — как будто это в порядке вещей, когда на голову, да еще в самый канун Песах, сваливаются двое взрослых с тремя маленькими детьми и новорожденным младенцем на руках, предупредив о приезде всего за день!

В пятницу вечером мы справили двойной *шалом захар*. «Виновниками» торжества были наш сын и новорожденный мальчик из семьи Перкальс, соседей Мандельбаумов.

На следующий день на, опять-таки, двойной *брит*, к нам в гости пришел, казалось, весь город. *Сандаком* был рабби Хейнеман, глава *ешивы «Агудат Исраэль»*, а *моэлем* — рабби Моше Раппопорт.

В субботу семнадцатого нисана 5742 года наш третий сын, Шмуэль Нафтали Шварцбаум, вошел в завет нашего праотца

Авраама.

Утром в воскресенье, несчетное количество раз поблагодарив супругов Мандельбаум за все, что они для нас сделали, мы уехали домой.

Гостеприимство, оказанное нам балтиморской общиной, произвело на нас глубочайшее впечатление. Оно послужило еще одним веским аргументом в пользу уже принятого нами решения — переехать в Балтимор как можно скорее. Это было самое подходящее место для воспитания наших детей. Здесь они могли найти подходящую школу и множество друзей.

Впрочем, наш Шмуэль Нафтали уже обрел в Балтиморе одного верного друга в лице мальчика из семьи Перкальс.

Дома, просматривая накопившуюся за время нашего отсутствия почту, я обнаружил среди множества счетов, рекламных проспектов и личных писем конверт, на котором стоял обратный адрес Американской Сионистской Федерации. Я бросил его на стол, мысленно решив открыть при первой возможности, и поспешил на помощь Барбаре, которая возилась с детьми, раскапризничавшимися после долгой дороги.

Первую свободную минутку я улучил только поздно ночью, уже в двенадцатом часу. Я вскрыл письмо и, не веря собственным глазам, прочитал:

«Несколько лет назад университет штата Нью-Йорк открыл свое отделение в Иерусалиме. На днях мы получили извещение от израильского министерства абсорбции и центра помощи иммигрантам-ученым, в котором сообщается, что они готовы оплатить ставку преподавателя в Иерусалимском отделении, при условии, что соответствующий кандидат согласится иммигрировать в Израиль.»

Я читал и перечитывал эти слова, ошеломленный тем, что решение всех наших проблем в буквальном смысле слова само свалилось нам в руки. Барбара, не раздумывая, согласилась, что это идеальный для нас вариант. Не откладывая в долгий ящик, я тут же сел писать заявление с просьбой утвердить меня в предлагаемой должности.

«Поистине странно, — сказал я, отрываясь от своего заявления. — Когда я разговаривал с чиновниками министерства в Иерусалиме, они ни словом не обмолвились о такой возможности. Но стоило нам вернуться в Америку, как какой-то знакомый знакомого назвал мое имя и вот — Федерация присылает мне приглашение!»

«Ну, во-первых, случайно ничто не происходит, — возразила Барбара. — Знакомый твоего знакомого просто знал о нашем желании переехать в Израиль. А, во-вторых, я думаю, что нам для

того и пришлось покинуть Израиль, чтобы понять, как важно туда вернуться.»

С этого момента события стали развиваться безостановочно и стремительно. Вскоре меня пригласили на собеседование в Нью-Йорк. А месяц спустя я получил официальное предложение занять со следующего весеннего семестра должность преподавателя в Иерусалимском отделении университета штата Нью-Йорк.

И вот 18 января 1983 года, почти через год после нашего отъезда из Эрец Исраэль, мы снова приземлились в аэропорту имени Бен-Гуриона. Однако на этот раз мы уже были не временными гостями, а законными, полноправными иммигрантами.

Взволнованные ожиданием неведомого, мы заполнили надлежащие анкеты, с гордостью указав, что меняем свои имена на «Авраам» и «Рахель».

Мы поменяли не только место жительства, но и «среду обитания»: вместо трехэтажного особняка с шестью спальнями, в котором мы жили в Соединенных Штатах, нас ждала двухкомнатная квартира в центре абсорбции Гило, на южной окраине Иерусалима. Но это нас не смущало: сердца наши пели от радости.

Глава 4. Бат-мицва

В ТУ ЗИМУ, КОГДА МЫ СТАЛИ, наконец, израильтянами, Дворе оставалось до *бат-мицвы* меньше года. Нам с Рахелью всегда казалось, что для Дворы эта знаменательная веха еще важнее, чем для других еврейских девочек ее возраста. Она прошла *гиюр*, когда ей было всего четыре года, и смешно было ожидать, что в таком возрасте она могла принять сознательное решение, быть или не быть еврейкой.

Сейчас, достигнув *галахической* зрелости, она получала такую возможность. При желании, она могла аннулировать свой *гиюр* и вернуться к прежнему статусу нееврейки.

Мы понятия не имели, какая именно процедура или церемония требуется для подтверждения ее еврейского статуса, и потому были крайне озабочены тем, чтобы законность ее *гиюра* не была поставлена под сомнение. Это особенно важно в Израиле, где вступлению в брак предшествует тщательная проверка еврейского статуса новобрачных Главным Раввинатом.

Меня тревожила и другая проблема. Ведь Двора была не только обращенным в еврейство, но еще и удочеренным ребенком. В связи с достижением ею возраста *бат-мицвы* это порождало некоторые дополнительные вопросы, и я хотел разобраться в них как можно серьезнее, используя все доступные мне источники.

В трактате *Сангедрин* (19б) я прочитал: «Всякий, кто воспитывает в своем доме сироту, считается, согласно Торе, отцом ребенка.»

С другой стороны, все упоминания в Танахе об усыновлении или удочерении детей настолько неясны и расплывчаты, что большинство комментаторов вообще отрицает, что такие случаи имели место.

Существуют источники, указывающие на особое отношение Авраама к своему воспитаннику и слуге Элиэзеру, к тому же, он собирался сделать его своим наследником; известно, что Бития, дочь фараона, спасла и воспитала Моше; Танах рассказывает об опекунстве Мордехая над Эстер и намекает на то, что ребенок Руфи был усыновлен Наоми; Михаль, дочь царя Саула, воспитывала детей своей сестры Мирхав.

Иногда эти примеры приводятся как доказательство того, что у древних евреев существовал институт усыновления детей, но тщательный анализ показывает, что во всех этих случаях речь идет, самое большее, о воспитании чужого ребенка.

Я узнал, что, согласно еврейскому закону, отношения между отцом и его биологическими детьми являются совершенно особенными и не могут быть «продублированы» искусственно.

Иными словами, хотя приемный отец и несет определенные юридические обязанности по отношению к приемному ребенку, это ни в коем случае не отменяет кровных связей между этим ребенком и его настоящими родителями. Так, если приемный ребенок позволит себе насмехаться над приемными родителями или оскорблять их, его нельзя подвергнуть такому же суровому наказанию, как то, которое Тора предусматривает в этом случае для собственного ребенка. Все запреты на инцест тоже относятся лишь к кровным родственникам, но не к приемным детям. Поэтому Тора, вообще говоря, даже не запрещает брак между приемным ребенком и одним из детей их приемных родителей (хотя раввины настойчиво предостерегают от подобных браков). И наконец, статус *когена* или *левита* не передается от приемного отца к приемному ребенку.

Вообще говоря, все эти предписания, как мне казалось, не имели практического отношения к нашему случаю. Но однажды я обнаружил в одной книге высказывание Любавичского Реббе по вопросу о *йихуд ве-кирув басар*, которое заставило меня задуматься.

Говоря об еврейском законе, запрещающем мужчине физический контакт и пребывание наедине с посторонней женщиной, Реббе обсуждал связанную с ним, по его мнению, проблему уединения, поцелуев и прикосновений между приемными родителями и приемными детьми.

И тут вдруг я осознал, что совершенно не знаю, что разрешено, а что запрещено в моих отношениях с собственной приемной дочерью. Поразмыслив, я решил, что лучше всего будет проконсультироваться на этот счет с раввином нашего центра абсорбции.

Рабби Левин с первой же встречи поразил меня своим мягким, вдумчивым отношением к людям, искренней отзывчивостью и несомненной эрудицией. Улучив время, я вкратце пересказал ему историю Дворы и задал вопросы, накопившиеся у меня в связи с ее приближающейся *бат-мицвой*.

«Нужно ли ей снова погружаться в *микву*?— спрашивал я. — Необходимо ли ей делать публичное заявление о своем согласии оставаться еврейкой? Нужны ли нам свидетели? Выписывается ли во время *бат-мицвы* новый сертификат о *гиюре*? И потом, каковы должны быть мои отношения с ней?

Можно ли нам касаться друг друга? И как ей вести себя, когда ее братья достигнут зрелости?»

Будучи, вне всякого сомнения, достаточно сведущим во всех этих вопросах, рабби Левин, тем не менее, не стал спешить с советами, тем самым преподав мне еще один важный жизненный урок.

Обдумав ситуацию, он осторожно сказал:

«Я бы не хотел, чтобы у вас оставалась хотя бы тень сомнения. Поэтому, на мой взгляд, вам было бы лучше всего посоветоваться с выдающимся авторитетом, с *посеком*, имеющим право принимать решения по сложным вопросам, сразу же становящиеся *галахическими* прецедентами, то есть *пискей-дин*. Только такой человек может однозначно ответить на все ваши вопросы.

К счастью, я знаю такого человека — это рабби Шломо Залман Ауэрбах, глава *ешивы "Коль Тора"*. Он считается одним из ведущих *поским* в еврейском мире. Я постараюсь договориться о встрече с ним и с удовольствием буду вас сопровождать, если вы захотите.»

Он записал мой домашний телефон и попросил позвонить ему через три дня.

В НАЗНАЧЕННЫЙ ДЕНЬ я встретился с рабби Ле-вином в здании *Биньяней а-Ума* (Иерусалимского Дворца Нации), недалеко от Центральной автобусной станции, и мы вместе отправились в *Шаарей Хесед* — небольшой религиозный квартал — к рабби Шломо Залману. Мы поднялись по каменным ступеням небольшого дома на тихой боковой улочке и после короткого ожидания были приглашены в кабинет рабби.

Рабби Шломо Залман сидел за столом, заваленным грудой книг. Я тотчас почувствовал глубокую симпатию к этому пожилому, производившему очень сильное впечатление человеку. Во всем его облике чувствовалось какое-то особое сочетание силы и цельности, доброты и тепла. Его живые, внимательные глаза искрились совсем по-молодому.

Рабби Левин представил меня и на особой смеси иврита и идиша коротко изложил мою историю и мои вопросы.

Рабби Ауэрбах внимательно выслушал сказанное, немного подумал и заговорил негромким, но твердым голосом:

«Если ребенок со времени своего *гиюра* постоянно соблюдал *мицвот*, никакой необходимости в дополнительных церемониях не существует.

Если, достигнув зрелости, то есть возраста двенадцати лет и одного дня для девочек, и, соответственно, тринадцати лет и одного дня для мальчиков, ребенок, зная, что он прошел *гиюр* и имеет право отвергнуть иудаизм, тем не менее продолжает, как прежде, выполнять *мицвот*, его *гиюр* автоматически становится

окончательным. Нет никакой нужды в каких-либо дополнительных заявлениях; нет нужды в каких-либо свидетелях. Если ребенок хочет подтвердить свой *гиюр*, он может это сделать, но *Галаха* этого не требует. Разумеется, все это верно только в случае непрерывного исполнения *мицвот*.

С другой стороны, если ребенок предпочтет отказаться от своего еврейства, он должен вслух отречься от иудаизма и совершить какой-нибудь поступок, который противоречит еврейскому закону. Если он открыто нарушит еврейский закон — например, будет есть *трефное* или осквернит субботу, — и сделает это с ясно осознанным намерением отречься от иудаизма, его *гиюр* будет считаться аннулированным.»

Рабби помолчал, чтобы дать мне возможность усвоить услышанное, и заговорил снова:

«Теперь о том, что касается законов физического контакта и пребывания наедине, *йихуда*, с вашей дочерью. В вашем случае это не должно стать серьезной практической проблемой, поскольку ваша жена живет в том же доме, в котором, кроме того, всегда находятся несколько маленьких детей. Разумеется, при каких-то обстоятельствах проблема *йихуда* может возникнуть, но ее всегда можно устранить, например, пригласив к себе соседей или найдя другое аналогичное решение.

Негия — (“прикосновение” или физический контакт) запрещена только в том случае, если является проявлением чувственности. Обычные, повседневные контакты, например, когда вы что-то передаете своей дочери из рук в руки или вместе выполняете какую-либо работу, разрешены. Кроме того, вы должны иметь в виду, что во всех религиозных семьях физические контакты между отцом и дочерьми с течением времени постепенно уменьшаются.»

Я хорошо это знал. Это происходит не только в религиозных семьях, но и в нерелигиозных и даже в нееврейских, хотя и в меньшей степени. Этому факту искали и находили специальные социологические и психологические объяснения, но меня в первую очередь поразили мудрость и предусмотрительность наших древних учителей — составителей Талмуда. Их *галахические* предписания несли на себе печать глубочайшего понимания законов человеческой жизни и фундаментального знания человеческой психологии.

Я кивнул в знак понимания и согласия, и рабби Ауэрбах подытожил:

«Не забывайте, что с того момента, как вашим собственным детям исполнится девять лет, запреты и правила, связанные с *негия* будут распространяться и на них тоже. Вообще, старайтесь

во всем руководствоваться здравым смыслом. Я лично знаю одного весьма уважаемого раввина, который возлагает руки на головы своих невесток, благословляя их в канун субботы, точно так же, как возлагает руки на головы своих сыновей.

И последнее. Все, о чем мы сейчас говорили, непременно предполагает, что ребенок знает все о своем статусе: как то, что он — приемный ребенок в семье, так и то, что он прошел *гиюр*.

Очень важно, более того — абсолютно необходимо, чтобы ваша дочь тоже все это знала. В противном случае может возникнуть, например, ситуация, когда она захочет выйти замуж за *когена*, что ей запрещено согласно *Галахе.»*

Закончив этими словами свой ответ, рабби Ауэрбах благословил меня и мою семью, пожелав нам хорошо устроиться в Эрец Исраэль, легко приспособиться к новой жизни, а также того, чтобы наше знание Торы и любовь к ней становились шире и глубже с каждым годом.

Я поблагодарил его за благословение и вышел. Рабби Левин, которому нужно было еще о чем-то поговорить с хозяином, остался в кабинете.

Поджидая его на улице, я мысленно перебирал в уме слова рабби Ауэрбаха. Погруженный в свои размышления, я не замечал ничего вокруг, не слышал даже оглушительных автомобильных гудков.

В своем ответе, *псаке*, рабби Ауэрбах адресовался исключительно к моему разуму, к той рациональной стороне моего «я», которая собирала и сортировала информацию, и я полностью соглашался с ним на рациональном, интеллектуальном уровне. Но теперь, когда я остался наедине с самим собой, возобладала эмоциональная сторона дела. Моя задумчивость не ускользнула от внимания неожиданно подошедшего рабби Левина.

«В чем дело? — спросил он. — Вы выглядите грустным и озабоченным.»

«Я только сейчас понял, — ответил я, — что никогда больше не смогу обнять свою дочь и поцеловать ее перед сном…»

ВЫЖДАВ, ПОКА ВСЕ ДЕТИ заснут, я пересказал Рахели свой разговор с рабби Ауэрбахом.

«Он показался мне очень приятным человеком, — сказал я. — Я сразу почувствовал, что передо мной совершенно необычайная личность. Каждое его слово заставляло задуматься, в каждом слове содержался глубокий смысл. Я, например, сначала не понял, для чего он упомянул раввина, который возлагает руки на головы своих невесток по субботам. Но теперь я ясно вижу, что он привел этот пример, чтобы придать всей проблеме физического

контакта более широкую перспективу. Он поразительно чутко уловил мое состояние. Напомнив о том, что контакты между отцом и дочерью сами собой постепенно ослабевают, он тем самым дал понять, что мне будет не так уж трудно выполнять требования закона.»

Рахель, хорошо знавшая меня, понимала, что я озабочен тем, что услышал от рабби Ауэрбаха. Она молча слушала мой рассказ, давая мне возможность вслух уяснить себе то, что она и без длинных рассуждений понимала интуитивно.

«Видишь ли, — продолжал я, — меня как раз не очень беспокоят требования *Галахи* — их-то, я думаю, мы со временем научимся выполнять. В конечном счете, если подвести итог всему сказанному, рабби Ауэрбах прав: соблюдать эти требования не так уж и трудно. Что ни говори, речь идет все-таки об отце и дочери. Скажем, другой возможный случай — с матерью и ее приемным сыном — представляется мне гораздо более болезненным: матерям свойственно более открыто проявлять свои чувства, свою любовь к детям. И потом, что ни говори, мой характер отчасти соответствует сложившейся ситуации. Я ведь не очень-то и склонен ко всякого рода бурным проявлениям чувств. Ты же знаешь, я человек сдержанный.»

«Так что же в таком случае тебя гложет?» — мягко спросила Рахель, прекрасно понимая, что все мои рациональные доводы направлены на то, чтобы в чем-то убедить самого себя.

«Я не могу понять, почему ни разу за все эти годы никто мне все это не объяснил. Мы с тобой вот уже семь лет соблюдаем *мицвот*. Все раввины, с которыми мы имели дело в течение всех этих лет, прекрасно знали, что Двора — не родная, а приемная дочь. Им достаточно было просто взглянуть на нее. И, несмотря на это, никто из них никогда ничего нам не говорил. Мне пришлось все узнавать самому. Мне пришлось самому искать ответ на все свои вопросы. И ведь не скажешь, что наша ситуация совершенно уникальна. Точно такая же проблема возникает в любом случае повторного супружества: как вести себя по отношению к детям от предыдущего брака? Почему же никто никогда не упомянул об этом?»

«Знаешь, Авраам, мне кажется, что на самом деле ты все-таки ошарашен *псаком* рабби Ауэрбаха. Но давай оставим его на минуту. Ты заговорил о раввинах. Все они — чрезвычайно разумные и осторожные люди. Я думаю, что они ничего нам не говорили по очень простой причине: они полагали, что мы еще не были готовы смириться с таким решением. И, честно говоря, мне кажется, что они были правы. Смотри, ты сам только что сказал, что мы уже семь лет соблюдаем *мицвот*. Казалось бы, уж теперь-

то мы должны спокойно воспринимать новые, ранее неизвестные нам законы *Галахи*, не так ли? И тем не менее ты продолжаешь кипятиться. Представь себе, как бы ты отреагировал на такой вот *псак*, если бы какой-нибудь раввин сообщил тебе его семь лет назад? Скорее всего, ты возмутился бы до глубины души, и вся наша жизнь могла пойти по-другому.»

Она дала мне время переварить сказанное, прежде чем закончила свое рассуждение:

«Всевышний никогда не ставит перед людьми проблемы, пока не убедится в том, что они способны их решить, — сказала она, как бы утешая меня. — Сегодня мы с тобой узнали еще один закон. Я думаю, это показывает, что мы продвинулись довольно далеко, раз Он считает, что теперь мы готовы его понять и принять.»

Я посмотрел на свою Рахель, эту мудрую женщину, которая делила со мной все тяготы жизни и все ее заботы, и в то же время всегда казалась куда более уверенной и спокойной, чем я, — посмотрел и не мог сдержать улыбки. Она обладала таким глубоким запасом внутренних сил, что могла черпать их в тайниках своей души — этого хватило бы, чтобы справиться с любой проблемой, возникавшей перед нами. И теперь, глядя на нее, я понимал, что мы справимся и с этой, вновь возникшей проблемой, как одолевали все наши многочисленные трудности в прошлом.

ДАТА *БАТ-МИЦВЫ* ДВОРЫ стремительно приближалась, и, поскольку нам хотелось разделить эту радость с родителями, а им лететь в Израиль было бы трудновато, мы с Рахелью решили отправиться в Штаты.

Мы решили устроить церемонию в доме престарелых в Орландо, где жила моя мать, и пригласить на праздник всех ее друзей и соседей.

Родители Рахели, прибывшие из Нью-Йорка, и многие другие наши родственники, слетевшиеся из разных концов страны специально ради этого, тоже принимали участие в церемонии. В назначенный день все участники собрались в главном зале дома престарелых. Двора поднялась на сцену, и зал затих.

«Когда дети достигают возраста *бар-* или *бат-мицвы,* — начала Двора, — многие родители отправляются с ними в Израиль, чтобы отметить это событие там. Я же прилетела из Израиля во Флориду, чтобы отпраздновать это событие вместе с родителями моих родителей, потому что они тоже поддерживали и направляли меня в первые двенадцать лет моей жизни.

Конечно, двенадцать лет — это для всякой еврейской девочки особый возраст; нет такой еврейской девочки, которая не ждет с

нетерпением, когда ей исполнится двенадцать лет. Но для меня это вдвойне, втройне особенный возраст. Меня удочерили и сделали мне *гиюр*, когда я была совсем маленьким ребенком. В результате сегодня я имею право решить, хочу ли я оставаться еврейкой. Я могу решить так, как захочу. Я помню, что еще когда я была совсем маленькой, родители сказали, что когда мне исполнится двенадцать лет, я сама смогу решить, быть мне еврейкой или нет. И еще я помню, что всякий раз, когда я злилась на них, я кричала: “Вот возьму и назло вам откажусь быть еврейкой, раз вы такие!”

И вот, сегодня мне, наконец, минуло двенадцать лет, но мне даже в голову не приходит решать что-нибудь заново. Я хочу остаться еврейкой. Я даже вообразить себе не могу другого образа жизни. Я ощущаю свою особую связь со всем народом Израиля, с *бней Исраэль*. *Я* радуюсь, когда наступают еврейские праздники, я совсем иначе чувствую себя по субботам, я молюсь в Рош-а-Шана и в Йом Кипур, и прошу, чтобы Всевышний услышал мои молитвы. И вообще, я горжусь тем, что принадлежу к еврейскому народу. Я могу повторить то, что Руфь когда-то сказала Наоми: “Твой народ — мой народ, твой Б-г — мой Б-г”.

Мы живем в такое сложное время, на свете так много причин, которые мешают человеку оставаться настоящим евреем, твердо верящим во Всевышнего, что я хочу особенно горячо поблагодарить моих родителей за то, что они такие сильные, такие понимающие люди. Я благодарю Всевышнего, который дал мне таких замечательных, необыкновенных родителей. Они всегда старались направить меня на правильный путь, на путь Торы. Конечно, никто из нас не знает, что ждет его в будущем, но в одном я хочу заверить мою семью: я никогда не забуду, что я — еврейка, что я — *хелек ми клаль Исраэль*, частичка еврейского народа.»

Эпилог

КАЖДОЕ ЛЕТО В ИЕРУСАЛИМЕ проходит международный кинофестиваль. И хотя мы с Рахелью вовсе не фанатики кино, нас все-таки включили в список, по которому его организаторы рассылают приглашения и программы.

В этом году, просматривая программу фестиваля, я обнаружил в ней тайваньский фильм «Пыль на ветру». Мне вспомнилось, что этот фильм получил очень хорошие отзывы критики. Действие его происходило в сельской местности и показывало жизнь крестьянской семьи на фоне ненормальных отношений между Тайванем и материковым Китаем.

Рахель с восторгом поддержала мое предложение посмотреть этот фильм и предложила взять с собой Двору. «Что ни говори, в этом фильме показывается страна, в которой она родилась. Мне очень интересно, как она будет на него реагировать.»

Двора, напротив, отнеслась к предложению пойти в кино без всякого воодушевления. Но поскольку других дел на этот вечер у нее не оказалось, а мы, как она почувствовала, очень хотели взять ее с собой, то возражать она не стала. Впрочем, согласилась она очень неохотно.

В указанный в программе день мы все вместе отправились в кинотеатр, без труда нашли свои места и удобно расположились — я по одну сторону от Дворы, Рахель по другую. Когда, наконец, огни в зале стали гаснуть, мы уже сгорали от нетерпения.

На экране появилась пожилая китайская женщина, медленно бредущая по тихой, пыльной деревенской улице и зовущая своего внука: «А хвей! А хвей!»

Мне показалось, что я вдруг перенесся на Тайвань. Меня волной захлестнули воспоминания. Народная музыка, звучавшая за кадром, образы, проплывавшие на экране, китайская речь — все это возвращало меня к прежним временам. Я ощутил глубокое волнение. Давно забытые чувства и переживания снова всплыли в моей памяти в унисон с событиями, развертывавшимися на полотне. Я был растроган, глаза мои наполнились слезами. Я посмотрел на Рахель — по ее лицу тоже беззвучно катились слезы. И вдруг шопот Дворы вернул нас к реальности:

«Я не понимаю, что происходит — картина идет всего каких-нибудь две минуты, а вы оба уже наплакали целое ведро?!»

На обратном пути я спросил Двору, как ей понравилась картина.

«Это было, в общем, неплохо, только слишком медленно и

затянуто. А в одном месте я совсем запуталась — никак не могла понять, кто из них рассказчик…»

Я ждал продолжения, но оно не последовало.

Поздно вечером, воспользовавшись редким моментом, когда мальчики уснули, и в доме наступила та особая мирная тишина, которая ассоциируется у меня только с субботой, мы с Рахелью и Дворой сидели при свечах на кухне.

«Двора, — спросил я, — скажи, неужели ты совсем ничего не почувствовала, когда смотрела этот фильм?»

«Кажется, нет, — ответила она. — А что, я должна была что-то почувствовать?»

«Ну, все-таки, что ни говори, там показывали Тайвань, и потом, некоторые дети в картине были примерно твоего возраста.»

«Слушай, па, — решительно сказала Двора. — Я знаю, вы с мамой все время думаете, что у меня должно быть какое-то особенное отношение ко всему китайскому. Я, конечно, благодарна вам за то, что вы так старались, когда я была маленькая, чтобы я умела говорить по-китайски, за все ваши хлопоты с китайской едой и каллиграфией и все остальное, и я хочу, чтобы вы знали, что я совсем не стыжусь того, что родилась китаянкой и выгляжу, как китаянка, потому что такой меня сделал Всевышний, — но если сказать честно, весь этот ваш Китай не так уж много для меня значит. Для меня важно, что я еврейка, и все остальное меня мало волнует.»

Второй раз за этот вечер я почувствовал, что на мои глаза навернулись слезы.

Послесловие Рахели

«МАЗАЛЬ ТОВ! МАЛЬЧИК!» — торжествующе воскликнул доктор Розенберг. Было 28 июня 1985 года, девятое тамуза по еврейскому календарю, и я только что родила нашего первого «сабру» — ровно через семь минут после того, как меня привезли в иерусалимскую больницу *Мисгав Ледах*.

Эти четвертые в моей жизни, куда более быстрые, чем все предыдущие, роды совершились так стремительно, что когда Авраам, ненадолго задержавшийся снаружи, чтобы припарковать машину, поднялся ко мне в палату, ребенок уже появился на свет!

Впрочем, Авраам тут же появился рядом с моей постелью. С гордостью посмотрев на нашего новорожденного сына, он расплылся в улыбке и спросил, как я себя чувствую.

«Я-то, слава Всевышнему, в порядке, — ответила я, — но вот что скажет наша бедная Двора?! Она так хотела маленькую сестричку!»

«Не беспокойся, — уверенно сказал Авраам. — Ты же знаешь Двору. Она немного поворчит по поводу очередного братика, а через три минуты уже будет тискать и няньчить маленького точно с таким же удовольствием, как если бы это была девочка.»

Я знала, что он прав. Когда он вышел, чтобы позвонить домой и сообщить радостную новость, я устроилась поудобнее и стала разглядывать своего малыша, уже успевшего к тому времени удовлетворенно и сосредоточенно присосаться к груди.

Подумать только — сухая пеленка, немного теплого молока да материнская рука, рядом с которой можно уютно свернуться, — это все, что такому крохотному человеческому существу нужно для счастья. Но для меня минута, когда я разделила счастье жизни со своим ребенком, который долгие месяцы был неотъемлемой частью меня самой, моего организма, а теперь стал отдельным живым существом, была вершиной целой жизненной одиссеи — того многолетнего и напряженного поиска пути, который вернул нас обратно к нашим корням, к Б-гу, к Торе и *мицвот*, к Эрец Исраэль.

Погруженная в тишину этих минут, обволакивавших меня, как кокон, я вдруг поняла, что имели в виду наши мудрецы, когда говорили: «Богат тот, кто доволен своей долей.» Мы больше не испытывали необходимости или желания искать, странствовать, пробираться в лабиринтах чужих культур и верований — мы уже нашли свое, слава Всевышнему, *барух а-Шем*.

Воспоминания мягкими волнами накатывали на берега моей

памяти: детство, согретое любовью родителей и семейным теплом; колледж, где началась моя самостоятельная жизнь и где я встретила своего будущего мужа; первое путешествие в Европу с подругой Иреной и бесчисленные города, где в каждом отделении компании «Американ Экспресс» меня уже ожидали письма, подписанные «Алан» и нетерпеливо звавшие меня поскорее вернуться домой; наша свадьба; дипломный год в Корнуэлльском университете, приправленный экзотическипикантным кругом друзей, Представлявших чуть ли не все мыслимые уголки мира; наша Преподавательская лямка в Вест-Индском университете на островах Тринидад и Тобаго в Карибском море, где солнечные блики круглый год пляшут на голубом зеркале глубоких морских вод и на белоснежном песке бесконечных пляжей; возвращение в Штаты, где я включилась в работу над специальными воспитательными программы; горькая радость работы с подростками из нуждающихся семей, и, наконец, наши многолетние бесплодные попытки обзавестись собственными детьми.

Я вспоминала, как плакала ночи напролет в темноте своей спальни, случайно увидев на улице беременную женщину; вспоминала долгие годы лечения от «бесплодия» — все эти графики, настойки, пилюли, скрытую напряженность нашей семейной жизни.

А потом — решение взять приемного ребенка, решение, которое, разумеется, мы приняли сами, но явно не без подсказки свыше. Способ его осуществления, несомненно, был разработан на Небесах.

В тот день, когда Авраам нашел Двору на тайпейском вокзале, нам был послан настоящий Небесный дар. В этот момент началась серия событий и превращений, которая наверняка может быть названа одним из чудес нашего времени. Вообще говоря, людям, взявшим на воспитание приемного ребенка, довольно часто случается вскоре после этого обзавестись собственными детьми. Но наш первенец родился через целых четыре года после удочерения Дворы и именно в тот момент, когда она прошла *гиюр*, и мы решили круто изменить наш образ жизни и все наше прежнее поведение! Моя подруга и наставница *ребецин* Рухама Шайн наверняка назвала бы это «чистейшим образчиком *Ашгаха пратит*» — вмешательства Всевышнего в жизнь людей.

Разумеется, в жизни нет ничего случайного.

Творец непрерывно следит за каждым человеком и помогает ему, так что, в конечном счете, все, что совершается, — совершается к лучшему. Трудности помогли нам повзрослеть, созреть духовно и интеллектуально. Мы начали понимать многие

вещи и обрели выдержку, которой мне, в частности, так недоставало в первые годы нашей семейной жизни.

Сегодня, прожив на свете сорок один год, я гораздо лучше, чем в молодости, подготовлена к тому, чтобы вновь взять на себя ответственность, связанную с материнством, и счастлива, что мне еще раз выпала эта завидная роль.

Наши дети с самых первых лет жизни овладевают мудростью *Хумаша, Мишны, Гемары* и многих других наук, с которыми мы сами, их родители, все еще справляемся с большим трудом. Но, будучи *баалей тшува*, мы тоже можем дать им кое-что в подарок: нашу способность по достоинству оценить тот прекрасный мир *идишкайта* и *фрумкайта*, в котором они родились. Для нас он никогда не будет чем-то само собой разумеющимся.

Авраам вернулся — я почувствовала это раньше, чем увидела его рядом с собой. Он посмотрел на сына, который уже спал у моей груди, потом глаза наши встретились.

«Ты так глубоко задумалась, — сказал он, — я не хотел тебе мешать.»

«Ничего особенного, — ответила я, — просто кое о чем вспомнила.»

Мы посмотрели друг на друга и безмолвно обменялись всем самым важным и дорогим, о чем думали в эту минуту. Говорят, что в счастливых, прочных семьях между мужем и женой всегда пребывает *Шхина* (Божественное Присутствие), которая помогает им на жизненном пути. Всевышний участвует в создании самой атмосферы такого дома, согревая его теплом и светом семейного счастья. Я ощущала это Присутствие и знала, что на нас покоится Его благословение. Подняв к небу глаза, взгляд которых без слов выражал все мои мысли, я молча поблагодарила Его за то, что Он даровал мне такого необыкновенного спутника, готового разделить со мной все тяготы и радости жизни.

«Кстати, — спросила я, не в силах сдержать улыбку, — как отреагировала бедная Двора?»

«В точности, как я ожидал, — ответил Авраам. — Сначала она не хотела поверить, что ребенок уже родился. Потом с надеждой и отчаянием в голосе сказала: “Можешь мне не говорить, папа, — у мамы опять мальчик!” И через секунду:

“Но он красивый, да? А как мама себя чувствует? Когда я смогу прийти посмотреть на него? О Г-споди, еще один братик! Ну, ладно, вам осталось родить еще трех, и место в *Ган Эден* вам с мамой обеспечено”!»

Мы расхохотались, и я подумала, что Двору нужно на самом деле называть не «бедной», а «богатой» — в самом точном смысле этого слова. На самом деле мы все были куда богаче, чем нам это

рисовалось в самых невероятных наших мечтах.

СПУСТЯ ВОСЕМЬ ДНЕЙ Авраам произнес свою «тронную» речь на *брит-мило*, выразив в ней наши радость и благодарность, которые мы так глубоко ощущали.

«Наши праматери, — сказал он, — знали, что у Яакова будет двенадцать сыновей, по три сына на каждую из его четырех жен. Поэтому, когда Леа родила четвертого сына, она возблагодарила Всевышнего за то, что Он дал ей больше, чем ей полагалось. Она назвала этого сына Йегудой, объяснив свой выбор тем, что это имя происходит от слова “благодарность”: — “Ныне поблагодарю Г-спода”.

Мы с Рахелью ждали двенадцать лет, пока Он не послал нам первого сына. Затем мы были удостоены второго и третьего. Сегодня делают *брит-милу* нашему четвертому сыну, и мы возносим особую благодарность Всевышнему за то, что Он дал нам больше, чем нам полагалось. Поэтому, вслед за Леей, мы называем нашего сына Йегудой.»

Дневник Дворы

18 января 1983 года

Дорогой дневник.

Какое путешествие! Мы все безумно устали. Я думала, что мы никогда сюда не доберемся, а теперь, когда мы уже на месте, не знаю, стоило ли нам вообще сюда приезжать. Во-первых, была страшная путаница с билетами: «Эль-Аль» бастовал, и нам пришлось лететь «Сабеной», а билеты должны были нас ждать е конторе Эль-Аль в Майами, и конечно, там понятия *ну о* чем не имели. Потом папа сделал кучу лихорадочны> звонков, и билеты доставили специальной почтой к бабушке в Орландо всего за несколько часов до отлета Мы полетели самолетом «Ти-Ви-Эй» из Майами в Нью-Йорк, в аэропорт имени Кеннеди, а там пересели не «Сабену», которая летела в Тель-Авив. В «Ти-Ви-Эй» нам заявили, что не могут перевезти наш багаж на «Сабену», но мама устроила ужасный шум, и тогда они со гласились. По-моему, им просто стало нас жалко. Са молет должен был сделать остановку в Бельгии, всего на один час, но оказалось, что придется ждать целых шесть часов, потому что в Европе забастовали все дис петчеры. Такое наше счастье. Потом нас пересадила на другой самолет, тоже принадлежащий «Сабене» только намного меньше, с пропеллерами, а когда мь прилетели в аэропорт Бен-Гуриона, там была жуткая буря. Папа сидел возле окна над крылом, и туда уда рила молния! Вот это было *действительно* страшно!

Когда мы прибыли, в Тель-Авиве и в Иерусалиме была настоящая метель. А еще говорят, что в Израиле никогда не бывает снега. Ха! Говорят, что такая метель — очень большая редкость. Конечно, — с нами всегда случаются всякие чудеса. Когда мы пошли получать багаж, оказалось, что половина наших чемоданов осталась в Бельгии. А потом нам еще пришлось просидеть целых два часа в аэропорту, пока Сохнут доставал машину, чтобы довезти нас до центра абсорбции.

В общем, мы прибыли туда поздно ночью, а всего провели в пути двадцать шесть часов подряд. Ну и снежище! Центр абсорбции в Гило выглядел, как космический корабль. Он как будто составлен из маленьких квартирок, похожих на цементные ящики, поставленные друг на друга и соединенные наружными лестницами. Ну и видик! Сохнутский водитель выбросил наши вещи прямо на улицу и был таков. Ну, спасибо тебе, подумала я, глядя ему вслед.

Наконец, мы нашли контору. Там сидел сторож, молодой

парень из России. Когда мы объяснили, кто мы такие, он сказал, что нас ждали только через два дня. Но потом он все-таки нашел ключи и помог нам занести вещи в квартиру. Пришлось подниматься на тысячу ступенек, и все в снегу. В квартире всего две комнаты и жуткий холод. Прямо плакать хочется, так холодно! Мама засунула маленьких в спальные мешки, они так устали, что тут же заснули. Парень, который нам помогал, принес чайник и несколько пакетиков заварки, и мама сделала чай. У меня было ужасно тяжело на душе. Еще я увидела на дверях маленькую записку: *Брухим* а-баим. Это значит — добро пожаловать. Вот уж спасибо!

15 февраля 1983 года

Дорогой дневник.

Я пригласила нескольких своих одноклассников зайти ко мне в Гило, но они сказали, что очень заняты, и не пришли. В нашем центре абсорбции почти нет религиозных детей. Чуть не все — новые *олим* из Аргентины или из России. Можно себе представить, как мы общаемся — мой иврит и их английский! Есть несколько религиозных *олим* из Америки, но они намного моложе папы и мамы, а дети у них совсем маленькие. Я могла бы быть у них беби-ситтером**!** У меня появилась подруга. Ее зовут Сарра Басе. Она живет по соседству. Ее семья сделала *алию* четыре года назад, и она мне очень помогает.

14 марта 1983 года

Дорогой дневник.

Сегодня я пришла в класс, и кто-то опять написал на моей парте: «Гойка».

16 мая 1983 года

Дорогой дневник.

Сегодня я ходила на *шук* (рынок) покупать огурцы Я стояла рядом с лавкой резника. Там висели зарезанные курицы, их подвешивают вниз головой, за лапки. Тут подошла какая-то молодая женщина и попросила отвесить ей немного мяса. Мясник стал взвешивать, а она сказала, что это для нее слишком много. Он отрезал пару кусочков, а она опять сказала, что это слишком много. Тогда он разозлился и стал говорить очень грубо. Он сказал: «Что, ты совсем не кормишь своего мужа?» Тогда она стала плакать. Мясник спросил, почему она плачет, а она ответила: «У меня нет мужа, его убили в Ливане.» Тогда мясник тоже стал плакать и ушел в заднюю комнату. Его напарник вышел и сказал, что у мясника только что умерла жена. Мне было их обоих ужасно жалко.

19 шюля 1983 года

Дорогой дневник.

У меня ужасное настроение. Я хочу обратно домой, Сегодня отмечали *Тиша бе-Ав*, и возле *Котеля*, когда я молилась, на меня накричала какая-то женщина:

«Что ты тут делаешь?! Ты не настоящая еврейка, тебе не положено тут молиться!» Я страшно обиделась и не знала, что ответить. Самое ужасное, что никто не сказал, чтобы она прекратила кричать. Вообще никто за меня не заступился. Мама была далеко, и я чувствовала, что еще немного, и я заплачу. Почему они все ко мне пристают?

13 сентября 1983 года

Дорогой дневник.

Сегодня мы с Дворой Готтлиб пошли *шлуг капорес* (исполнять обряд *Капарот*) в Меа Шаарим. Никогда ничего подобного не видела! Цыплята были живые! Этот человек покрутил их над моей головой, потому что мне нельзя их трогать. Двора чуть не лопнула со смеха. Когда он крутил их в последний раз, я услышала, как рядом со мной один маленький мальчик спросил другого: «А что, разве в Китае тоже делают *шлуг капорес*?»

13 апреля 1984 года

Дорогой дневник.

Я хочу обратно в Америку. Там никто не таращит глаза на китайцев и не задает дурацких вопросов. Я понимаю, людям интересно, но ведь надоедает, когда к тебе каждый день пристают с одними и теми же вопросами, чаще всего — «Ты что, из Китая?» Нет, чтобы спросить вежливо: «Извините, вы, случайно, не китаянка?» Если бы меня спрашивали вежливо, я бы не так обижалась. А так я чувствую себя, как будто я пустое место. Стоит мне ответить, они тут же поворачиваются и уходят. И еще один вопрос: «Разве ты еврейка?» Ну, я, конечно, отвечаю. А есть такие, которые начинаю! задавать всякие личные вопросы и никак не хотят отцепиться. Я уже знаю, как им отвечать. Меня спрашивают: «Ты откуда?» — а я говорю: «Я из Америки» — они ведь не спрашивают, где я родилась, верно? Я им специально так отвечаю, пусть поломают голову.

Барух а-Шем, у меня есть замечательные друзья. Они готовы за меня в огонь и воду. Они всегда на моей стороне, что бы ни случилось. И они меня утешают, когда мне уже совсем плохо. Они говорят, что я такая же, как все, а вовсе не какой-нибудь урод в цирке. Я просто не знаю, как бы я была без них. Ужасно трудно. А взрослые говорят, что это пройдет. Ха, хотела бы я посмотреть!

15 апреля 1984 года

Дорогой дневник.

Странные люди есть на этом свете! Вчера подошел ко мне какой-то человек и ни с того ни с сего стал рассказывать всю свою

жизнь. Ну, этого я никогда не забуду! Он увидел, что я китаянка, и начал рассказывать, какие у него были «приключения» в Китае. Я сказала что-то вроде: «Это ужасно интересно, но вы извините, я спешу — пока!» И еще он пытался что-то бормотать по-китайски, а я по-китайски совсем не понимаю.

24 апреля 1984 года

Дорогой дневник.

Оказывается, нормальные добрые люди тоже есть на этом свете. Вчера вечером ко мне подошел другой человек и очень вежливо спросил, как куда-то пройти. Ну, я его отвела. По пути он опять-таки очень вежливо говорит: «Извините, что я спрашиваю, но…» — и конечно то же самое: «Вы из Китая?» А потом: «Простите пожалуйста, но разве вы еврейка?» Я сказала, что да, и он прямо весь покраснел от смущения. И все время извинялся! Я сказала, что это ничего, что меня все об этом спрашивают, а он все равно просил прощения. Мне даже стало его жалко. Он совсем смутился, мне пришлось, наверное, миллион раз сказать, что я на него не обижаюсь. Потому что бывает любопытство вежливое, а бывает грубое. И мне приятно, когда ко мне относятся, как к человеку, а не как к машине, которая отвечает на вопросы.

4 июня 1984 года

Дорогой дневник.

Сегодня у сестры Хавивы Сасловой была *бат-мицва*, и мне впервые в жизни сделали предложение! Шел дождь, поэтому я взяла такси из *Байт Вагана* (это район, где мы теперь живем). По пути у меня был очень интересный разговор с водителем. Он стал задавать обычные вопросы, а потом мы стали спорить *о идишкайте* и о религии, и вдруг он сказал: «Скажи, а если я стану религиозным, ты выйдешь за меня замуж?» Я говорю: «Что?» Потому что я подумала, что он сказал что-то другое — мой иврит еще далеко не блестящий. Тогда он повторил, и я поняла, что он действительно сделал мне предложение! Я сказала: «Я, конечно, буду очень рада, если ты станешь религиозным и все такое, но замуж за тебя я не выйду.» А он сказал «Послушай, а если я пойду в*ешиву* для *баалей тшува* и одену *кипу* — ты согласишься?» А я сказала: «Это просто замечательно, пожалуйста, поступи в е*шиву* одень *кипу* и стань религиозным, только я все равно за тебя не выйду.»

Барух а-Шем, мы наконец-то приехали в гостиницу где была *бат-мицва, я* расплатилась, сказала *ему* «спасибо» и пожелала всего хорошего. Он тоже сказал мне «спасибо», и, что, может быть, мы еще встретимся как-нибудь в *Байт Вагане*. Только этого мне недоставало!

20 октября 1984 года. Моцаэй шабат (исход субботы)

Дорогой дневник.

Я не хочу, чтобы люди ходили вокруг меня на цыпочках и боялись даже словом обмолвиться при мне с Китае или о китайцах, как вчера вечером в доме Юдит. К ней приехала тетя из Америки, а ее сестра Шошана вытирала посуду и нечаянно все уронила. Тогда тетя сказала: «Отлично, Шошана. Знаете, в Китае…» — она начала рассказывать анекдот, но тут же спохватилась и прикусила язык. Я сначала даже не поняла, что это она из-за меня. Ну, я ушла, конечно, но мне ужасно хотелось узнать, как кончается этот анекдот, поэтому на следующий день, то есть сегодня, я спросила Юдит, а она даже не помнила, пришлось ей спросить у тети. Оказалось, совсем не смешно, просто один у другого спрашивает: «Знаешь, как китайцы выбирают имена для своих детей? Они роняют на пол ложку, и какой звук услышат: “Дзинь”, например, — таким именем и называют ребенка!»

4 ноября 1984 года

Дорогой дневник.

Сегодня я ужасно разозлилась. Я обычно сдерживаюсь, даже когда внутри вся киплю, но сегодня я не выдержала. Я ехала двадцать первым автобусом с центральной автобусной станции в *Байит Ваган*. Там были трое подростков, лет четырнадцати-пятнадцати, и они все время отпускали шуточки насчет эфиопской девочки, которая сидела перед ними. Она была примерно моего возраста. Они говорили вслух, обзывали ее всякими гадкими прозвищами и все время над ней насмехались.

Я стала как бешеная. Я-то к таким вещам уже привыкла, но эта девочка, наверное, только что приехала в Израиль, и это отвратительно — так обращаться новенькими! Я взяла и подошла к этим подросткам — там было двое мальчишек и одна девчонка — и стала орать на них на иврите, — да-да, на иврите! — что у нас есть такое же право на Израиль, как у них, и даже если я из Китая, а она из Африки, Израиль все равно такой же наш дом, как и их! И если бы они дали себе труд за глянуть в *Хумаш*, они бы увидели, что в *Сефер Шмот* есть *Парашат Мишпатим*, где говорится: «Не обижай чужеземца» — и *Раши* объясняет, что это значит, что нельзя обижать любого человека из другой страны «потому что все мы были чужеземцами в стране Египетской». Они так удивились, что китаянка кричит на них на иврите, а может, мои слова тоже до них дошли во всяком случае, они замолчали и всю остальную дорогу ехали тихо. Моя подруга Эппи, которая ехала со мной, сказала потом, что она мною гордится.

20 мая 1985 года

Дорогой дневник.

Сегодня, когда я шла из школы, эти ребята, которые вчера меня толкали, снова стали ко мне приставать, только еще хуже. Они бросили в меня сырое яйцо, но я увернулась, и оно попало в Хавиву Саслову которая стояла как раз за мной! Шифра Куби от испуга захихикала, а я почувствовала себя ужасно! Из-за меня Хавиву всю вымазали! У нее яйцо текло по голове и по подбородку прямо на пальто. Если бы она не шла со мной, с ней бы никогда ничего такого не случилось. Но она такой друг, такой друг — она все постаралась превратить в шутку, чтобы я не переживала: «Знаешь, в журнале для женщин пишут, что сырое яйцо очень полезно для волос.» Мы все кисло рассмеялись. Мы побежали назад в школу, но там никого не было, поэтому мы поехали автобусом на центральную станцию — совершенно пустая трата денег, ведь всего одна остановка! В автобусе все смотрели на Хавиву, как будто она сумасшедшая. Мы с Шифрой вытерли ее в туалете бумажными салфетками.

Моцаэй Шавуот, 1985

Дорогой дневник.

Мириам и Нуми зашли за мной в четверть четвертого утра, чтобы вместе идти к *Котелю*. Мы пошли мимо женского колледжа *Михлала*. Пока мы шли до *Михлалы*, нас уже стало двадцать пять! Потом мы начали спускаться по крутым ступенькам в долину, и нас уже стало пятьдесят и с каждой минутой становилось все больше и больше. Когда мы проходили через арабский *шук*, нас уже было, я думаю, тысячи! Около *Котеля* все было буквально забито людьми. Молиться было еще рано, поэтому *бахурим* из *вшивы* начали петь и танцевать *хору*. Это было очень красиво. Пока я читала утреннюю молитву, стало светать, и *Котель* весь как будто вспыхнул от света. Это был день, когда *а-Шем* дал нам Тору. Я чувствовала необычайную гордость о того, что я тоже принадлежу к *Клаль Исраэль*.

13 марта 1986 года

Дорогой дневник.

У Нуми родители уехали в Англию, и я перебралась на время к ней в пустую квартиру, поэтому она попросила меня пойти с ней к ее бабушке и дедушке, рабби и г-же Сильвер, на улицу Михлин. Она хотела одолжить бабушки фен. Я их хорошо знаю, поэтому сразу согласилась. Мы пришли к ним и пошли на кухню помогать мыть посуду, и тут кто-то позвонил в дверь, и бабушка Нуми попросила меня открыть. Я открыла, а там двое сефардских *бахурим*. Они, конечно, немножечко обалдели, когда увидели меня, и сказали: *«Цдака»*. Я сказала: «Подождите минутку» — и пошла на кухню сказать, что там пришли собирать деньги на

бедных. Рабби Сильвер дал мне мелочь, чтобы я отнесла ребятам Они сказали: «Спасибо» — и ушли.

Минут через двадцать мы с Нуми пошли к ней домой на улицу Узиэль. Не успели мы прийти, как в дверь позвонили. Я была ближе к дверям, открыла и кого ж я увидела? Конечно, тех самых сефардских ребят, у них глаза полезли на лоб, когда они меня опять увидели, но они сдержались и опять сказали: «Цдака» «Подождите минутку», — сказала я, взяла у Нуми деньги и дала им. Они опять сказали: «Спасибо» — ушли.

Потом я сказала Нуми, что пойду домой делать уроки. Не успела я раздеться — опять звонок. Те же самые бахурим! Только на этот раз у них глаза на самом деле чуть не повылазили, и даже челюсти слегка отвалились. Но они держались молодцом: опять сказали свое *«Цдака»* — и больше ничего. Я полезла в кошелек и дала им два шекеля. Они даже «спасибо» не сказали; наверно, забыли от удивления. Они только шли и головами качали. Они, наверное, никогда раньше не видели китаянок, а тут сразу три (или одна, смотря с какой стороны посмотреть). Они, наверно, подумали, что это три китайских близнеца!

10 мая 1986 года

Дорогой дневник.

Ужасно неловко получилось! Мы пошли в китайский ресторан *Глат кошер*. Нас очень вкусно накормили. Мне понадобилось в туалет, а когда я возвращалась оттуда, какой-то человек подозвал меня к столику и протянул мне свой счет и кучу шекелей. Я подумала: такая куча денег — за что это мне? А потом сообразила, что он просто принял меня за официантку — ресторан-то китайский! Пришлось объяснить ему, что я не официантка. Но все равно я отнесла его счет и деньги.

1 сентября 1986 года

Дорогой дневник.

Сегодняшний день меня окончательно доканал. Сегодня начало занятий в нашем учительском колледж *Бейт Яаков* (неофициально — *Бейт Яаков* для старшеклассниц).

Я очень нервничала, потому что там было очень много девочек, а я абсолютно никого не знала и чувствовала себя потерянной в этой громадной толпе. Потом, наконец, я увидела девочек, которых знала по *Байит Вагану*. Они мне помахали, чтобы я шла к ним Я была им очень благодарна, потому что теперь был хоть за кого держаться. Потому что сколько же может человек смотреть на свои часы, верно? Мама родная как на меня все таращились! Я ужасно беспокоилась как меня примут.

В зале набралось не меньше тысячи девчонок. Все ждали, пока назовут их имена и разделят по классам Моих подружек всех

вызвали, а меня нет. Наконец, я осталась в зале совсем одна. Эта женщина, которая всех вызывала, уже хотела ко мне подойти и спросить что я тут делаю, но тут прибежала Браха Поллак и сказала, что учитель в ее классе прочел список, и там есть мое имя! Просто они в суматохе забыли вписать меня главный список. Какое счастье! Я от всей души поблагодарила Всевышнего, что Он послал мне подружек не оставил меня одну.

Когда я шла в класс, я мысленно готовилась, что сейчас на меня все будут смотреть и задавать вопросы

Но никто на меня не смотрел, и никто ничего у меня не спрашивал! Вот так начался мой новый школьный год.

13 октября 1986 года

Дорогой дневник.

Заниматься очень трудно. Самая главная проблема — язык. Мне иногда просто хочется махнуть рукой. Но у меня есть в школе очень хорошая подруга из Америки, Тоби Фридлендер, она живет в *Геуле* и всегда мне помогает перед контрольными. Она готовит со мной уроки и переводит для меня вопросы из контрольной, даже за счет своего времени. Я бы никогда не написала контрольные, если бы не она.

29 октября 1986 года

Дорогой дневник.

Сегодня произошла очень смешная история. Мы с Мириам Гейслер возвращались на автобусе с *Симхат Бвйт а-Шоэва*. Напротив нас сидели три маленьких хасидика лет шести. Они сначала разговаривали между собой, а потом один из них поднял глаза и (как обычно) начал таращиться на меня. Другой повернулся посмотреть, чего он таращится, и теперь перед нами было уже два *хасидише кинделе,* которые таращились на меня в полном обалдении. Потом третий заметил, что эти двое его не слушают, и он вроде как говорит сам с собой, и их стало уже трое — три *хасидише кинделе* вытаращенными от удивления глазами. Один спросил: «Меир, как ты думаешь, она китаянка?» Тот стал было говорить: «Нет» — но тут Мириам сказала, вроде бы обращаясь ко мне, но вслух, так что они услышал «Вы, бараны, никакая она не китаянка, она еврейка; — и этот Меир договорил: “Нет, она еврейка”. Тот третий хасидик сказал: “По-моему, она сефардка”. А второй: “Может быть, она ашкеназка?” (а ведь я действительно ашкеназка). Третий ответил: “Да нет, разве не видишь, она китайская еврейская сефардка”. Мы с Мириам чуть не лопнули со смеха, а они никак не могли понять, что тут смешного. Так что теперь я могу официально называться “Китайская сефардская еврейка”!!»

3 января 1987 года, Моцаэй шабат

Дорогой дневник.

Со мной приключилась ужасно неприятная история! Как говорит моя подруга Эппи — вечно со мной приключается что-то особенное! Я пошла в Меа Шаарим покупать иголки. Я вошла в магазин и попросила *махатоним*. На иврите иголки — *махатим*, и я просто перепутала два слова. Хозяин посмотрел на меня, как будто я сумасшедшая, и попросил повторить. Я говорю: *махатоним* (на иврите — свахи). Он говорит: «Слушай если тебе нужны *махатоним*, то ты не туда попала. Ты думаешь, я *шадхан* (занимаюсь сватовством)? Если тебе нужны *махатоним*, поднимись наверх, к госпоже Сегал, она как раз этим и занимается.» Я подумала: «Ой-ваа-вой, мне совсем не нужна сваха, мне нужны иголки!» Пришлось мне ему сказать, что мне нужны те *махатоним*, которые лежат у него на витрине. Ну, тут он уже совсем убедился, что я идиотка. «Ты видела *махатоним* у меня на витрине? А ну, покажи!» Я показала. «Ах, *махатим*?! Так бы сразу и сказала!»

18 мая 1987 года

Дорогой дневник.

Сегодня я ехала из школы домой на тридцать девятом автобусе с Брахой Поллак. Мама родная, ну и толпища — я еле влезла! Нашла щелочку между дверью и креслом водителя и втиснулась. Повернуться — и то невозможно. И надо же — водитель оказался совершенно чокнутый на азиатах. Он тоже принял меня за японку, как многие. *«Япанит,* — говорит он мне, — *ат коль ках яфа*. (Японочка — ты такая хорошенькая!)» Ну, я сразу приняла свою обычную защитную стойку: не обращать внимания! отвернуться! отойти! Но отойти я никак не могла — даже отодвинуться было невозможно, не то что отойти. Но это еще были цветочки. Он сначала только таращился и задавал всякие глупые вопросы, как обычно. Но потом он стал за мной ухаживать по-настоящему! Он стал мне петь серенады и арии из опер!! Я даже не знаю, что он там пел. Наверно, из Моцарта. Или из Верди. Или из Пуччини. Все равно, это было просто ужасно. Если бы можно было просверлить дырку в полу и провалиться в нее, я бы так и сделала. Браха смеялась, как сумасшедшая. Я видела, что все мои знакомые из нашего квартала на меня смотрят. Они никак не могли понять, что тут происходит. Мама родная, ну и ситуация!

Наконец, подъехали к нашей остановке. Я вся кипела. Я в таких случаях обычно ничего не говорю, ж тут я ему сказала таким надменным тоном: «К вашему сведению, я не японка, а китаянка». Но он меня даже не услышал! Я пошла по улице *Писга*, смотрю — он ведет автобус рядом со мной, очень медленно, и

кричит через открытую дверь: «Что? Что ты сказала?!» Хуже некуда. Только представить себе — автобус, который едет за тобой по улице! Ну, потом он все-таки отстал. Так что мне урок: с такими типами никогда не стоит вступать в разговоры!

П.С. Вечером папа сказал, что господин Гольдштейн, который возвращался с урока даф *йоми*, тоже ехал в этом автобусе и слышал, как этот водитель пел мне серенады. На последней остановке, когда все вышли, и водитель остался один, господин Гольдштейн к нему подошел и сказал, что я живу в этом квартале что у меня особенная история, и поэтому меня огорчает и выводит из себя, когда окружающие начинаю обращать на меня внимание. А водитель сказал: «Во как? Я не знал. Пожалуйста, передайте ей, что я прошу прощения.» Это очень мило со стороны господина Гольдштейна. У меня сразу стало легче на душе. Может, мне стоит почитать что-нибудь про оперу?

24 августа 1987 года

Дорогой дневник.

Угадай, что произошло!!! Моя самая, самая лучшая подруга — да, да, Эппи Толедано — выходит замуж! Я так волнуюсь! Конечно, я-то знала с самого начала, что они поженятся — достаточно было на них посмотреть, чтобы сразу догадаться!!

Его зовут Джеймс Ласри, и ему двадцать лет. «Ворт» был 23 августа. Все прошло отлично, и Эппи выглядела просто сногсшибательно. Мы все время обнимались и подмигивали друг другу.

Я так волнуюсь, что ничего больше не могу писать!

25 августа 1987 года

Дорогой дневник.

Теперь я уже успокоилась, и мне нужно много всего записать. Я так волновалась, что готова была кричать на весь мир. Я знала об обручении уже за два месяца, еще когда это было неофициально. Так что мне, с моим ротиком, было очень трудно удержаться. Но я молчала целых восемь недель и шесть дней! Ну, зато теперь я дала!! Я действительно кричу на весь мир!

Но на самом деле меня это немножко пугает, потому что это значит, что мы становимся старше. То есть, я имею в виду, что мы уже больше не дети. Мы выросли. Так странно, что твоя лучшая подруга — та девочка, с которой ты столько пережила, с которой вы целые ночи подряд смеялись и, вообще, все, ну, буквально все делали вместе, — теперь уже невеста. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Но все равно, я желаю ей и Джемми хорошей счастливой семейной жизни, много «нахес» и кучу детей, чтобы они выросли настоящими *бней Тора* и *бнот Исраэль*.

26 августа 1987 года

Дорогой дневник.

Я вся киплю от возмущения. Как это люди болтать языками! Лишь бы болтать! Если тебе не о чем говорить, займись Торой!

Я так злюсь, потому что у нас в *Байит Вагане* все только и знают, что чешут языками по поводу Эппи — какая она чокнутая, что обручается в шестнадцать лет, а в день свадьбы — Б-г даст, это должно произойти 29 ноября — ей будет всего шестнадцать с половиной. Это меня ужасно возмущает, потому что Эппи совсем расстроилась от таких разговоров. Я с самого начала знала, что люди будут чесать языками. Но я не хотела ей говорить! Я знала, что она расстроится.

То есть, я хочу сказать, что одно дело, когда говорят, будто меня нашли в мусорном ящике или в свертке, подброшенном к дверям нашего дома, или на каких-то раскопках, где работал мой отец — как будто он археолог, а не социолог! (И вообще, тогда мне было (пять тысяч лет, а не пятнадцать с половиной!) Или что лежала на рельсах, и отец прыгнул прямо под поезд, чтобы меня спасти. (Этот вариант папе нравится больше всего.) То есть, я хочу сказать, какие только глупости люди не выдумывают! Но это я сейчас так говорю, а раньше я, конечно, так не думала. Раньше меня это очень обижало. Да, я забыла еще одну глупость — будто я жила у христианских миссионеров (моих родителей), и они, вроде бы, пытались обратить меня в свою веру.

Ужасно возмущают все эти сплетни. Люди просто не отдают себе отчета, как они портят другим жизнь.

8 ноября 1987 года

Дорогой дневник.

Сегодня, когда мой братик Давид (ему уже семь с половиной лет!) укладывался спать, у нас произошел забавный разговор. Он вдруг сказал: «Двора, а где твоя настоящая мама?»

Я говорю: «Не знаю».

Давид: «Совсем-совсем не знаешь?»

Я: «Совсем.»

Давид: «Твоя мама сейчас — это моя мама, да?»

Я: «Да.»

Давид: «Наверно, твоя настоящая мама не имела денег, чтобы тебя воспитывать?»

Я: «Наверно.»

Давид: «А это правда, что тебя нашли на вокзальной скамейке?»

Я: «Правда.»

Давид: «Знаешь, откуда я знаю?»

Я: «Откуда?»

Давид: «Мне ребята сказали!»

18 ноября 1986 года

Дорогой дневник.

Сегодня моя близкая и хорошая подруга рассказала мне, что ее кто-то спросил по секрету, почему я не хочу сделать пластическую операцию лица. А она решила спросить у меня. Я знаю, что она не со зла, потому что мы с ней хорошие подруги и все обсуждаем вместе. Просто ей любопытно. Поэтому я сказала, что с Б-жьей помощью, когда я вырасту и выйду замуж и меня будут дети, они все будут выглядеть как китайцы А она сказала, что это вовсе не обязательно, и она права, потому что я знаю одну девочку, у которой мать японка, но, глядя на нее, этого никогда не скажешь., вообще, зачем это нужно, чтобы врачи что-то делали с твоими глазами?! Но на самом деле главное — это, что *а-Шем* сделал меня такой, какая я есть, и не мне решать, как я должна выглядеть. *Барух а-Шем, я* выгляжу вполне нормально, с какой стати я должна делать пластическую операцию? Какой меня сделал *а-Шем* такой я и останусь!!

Словарь

В этом словаре приводится объяснение некоторых слов и выражений из иврита и идиша, которые встречаются в книге. Их произношение и толкование соответствует тому, которое использовано в тексте.

- *Алеф бейт* — еврейский алфавит.
- *Алия* — восхождение; иммиграция в Израиль.
- *Ахдут* — единство, товарищество.
- *А-Шем Итбарах* — «Всевышний, да будет Он благословен».
- *Баалъ-тшува* — кающийся; еврей, вернувшийся к вере, к соблюдению *мицвот*.
- *Бар-мицва* — еврейский мальчик, достигший тринадцати лет, когда он, согласно *Галахе*, становится ответственным за свои поступки и обязан соблюдать *мицвот*, праздник, отмечающий достижение еврейского совершеннолетия.
- *Барайта* — часть Талмуда, написанная еврейскими мудрецами второго-третьего веков нашей эры.
- *Барух а-Шем* — слава Всевышнему.
- *Бат-мицва* — еврейская девочка, достигшая двенадцати лет, когда она, согласно *Галахе*, становится ответственной за свои поступки и обязана соблюдать *мицвот;* празднование этого события.
- *Бахур* — еврейский юноша; студент *ешивы*.
- *Бейт-дин* — еврейский суд.
- *Бенч* (идиш) — благословлять.
- *Бима* — платформа или возвышение, с которой в синагоге читается Тора.
- *Битахон* — безопасность; вера в Б-жественное Провидение.
- *Бней Тора* — сыны Торы; образованные, верующие евреи.
- *Бнот Исраэль* — дочери Израиля; религиозные еврейские девочки.
- *Браха* — благословение.
- *Брит-мила* — ритуал обрезания.
- *Бхор* — сын-первенец.
- *Ворт* (идиш) — слово; праздничная трапеза, на которой жених дает слово взять невесту в жены; обручение.
- *Гакадош Барух Гу* — «Пресвятой, да будет благословен Он».

· *Галаха* — совокупность основанных на Торе еврейских законов, которые определяют нормативное поведение верующего еврея.

· *Ган Эден* — сады Эдема; рай.

· *Гафтара* — актуальная глава из Пророков, читаемая по субботам и в праздники после очередной главы Торы.

· *Гацлаха* — успех.

· *Гемара* — комментарий к Мишне; часть Талмуда.

· *Гой* — нееврей.

· *Давен* (идиш) — молиться.

· *Даф йоми* — «ежедневная страница Талмуда»; чтение *даф йоми*, синхронизованное по всему еврейскому миру чтение очередной ежедневной страницы *Гемары*. (Чтение всего Талмуда завершается каждые семь лет.)

· *Двар Тора* — слово Торы; выступление, в основу которого положен стих или отрывок из Торы и комментарий к нему.

· *Ешива* — школа, в которой изучают Тору. *Идишкайт* (идиш) — иудаизм.

· *Йихуд* — уединение.

· *Йом тов* — еврейские праздники.

· *Йорцайт* (идиш) — годовщина смерти.

· *Кала* — невеста.

· *Кашер*— быть *кашерным*, т.е. соответствующим еврейским законам о разрешенной пище. *Кидуш* — благословение, произносимое над вином по субботам и праздникам.

· *Кипа* — ермолка.

· *Клаль Исраэль* — все еврейство.

· *Коген* — священник, потомок первосвященника Агарона.

· *Коль иша* — женский голос; предписание, запрещающее мужчине слушать женское пение.

· *Котель* — Западная стена Храма.

· *Магид шиур* — учитель в еврейской учебной группе любого уровня.

· *Мазаль тов* — пожелание удачи; поздравление.

· *Маколет* — продовольственный магазин.

· *Махат* — иголка.

· *Махатоним* (идиш) — родня со стороны жены или мужа.

· *Мацот* — бездрожжевой хлеб, который евреи едят в *Песах*.

· *Мегилат Эстер* — Книга (Свиток) Эстер.

· *Метапелет* — чиновница, обслуживающая новых иммигрантов; беби-ситтер.

· *Мидраш Раба* — сборник комментариев к Писанию и притч, собранных авторами Талмуда.

· *Миква* — ритуальный бассейн.

· *Мицвот* — заповеди Торы.

· *Мишлей* — Книга Притч.

· *Мишна* — первая запись Устного Закона, составленная в конце второго века нашей эры.

· *Мора (море)* — учительница (учитель).

· *Моцаэй шабат* — вечер после завершения субботы.

· *Моцаэй Шавуот* — вечер после окончания праздника Шавуот.

· *Мошав* — вид израильского сельскохозяйственного кооператива.

· *Моэль* — человек, который производит обрезание.

· *Нахес* (идиш) — удовольствие.

· *Нави (Невшим)* — Пророк; Книги Пророков.

· *Нес* — чудо.

· *Олим* — новые иммигранты в Израиле.

· *Парашат Мишпатим* — один из еженедельных разделов Торы, включающий 21—24 главы Книги «Исхода».

· *Пасук* — стих из Торы или Танаха.

· *Пидьон а-бен* — выкуп за сына-первенца; празднование этого события.

· *Поским* — раввинские авторитеты, имеющие права решать *гала-хические* вопросы.

· *Псак — галахическое* решение.

· *Ров* — раввин.

· *Реббе* — раввин; учитель; выдающийся религиозный руководитель. *Ребецин* — жена раввина. *Рош-а-Шана* — еврейский Новый год.

· *Рош ешива* — глава *ешивы*.

· *Сандак* — человек, удостоенный чести держать младенца во время *брит-милы*, самый почетный гость на церемонии.

· *Седер* — праздничный пасхальный ужин.

· *Сеудат мицва* — праздничный обед в честь исполнения *мицвот*, например — свадьбы, *бар-мицвы* и так далее.

· *Сефер Тора* — свиток Торы.

· *Сидур* — еврейский молитвенник.

· *Симха* — радость, радостное празднование.

· *Симхат Бейт а-Шоэва* — праздник, сопровождаемый музыкой и плясками, проводимый ночью во время Сукот в память

о церемонии возлияния воды в Храме.

· *Сука* — шалаш, в котором евреям заповедано жить в дни праздника Сукот.

· *Сукот* — праздник Кущей.

· *Талит* — накидка для молитвы.

· *Талмид* — ученик; изучающий Тору.

· *Танах* — акроним, обозначающий Пятикнижие, Книги Пророков и Писания, составляющие 24 книги еврейской Библии.

· *Тиша бе-Ав* — Девятое Ава, день еврейского календаря, посвященный посту и молитве в память о разрушении Храма.

· *Треф* (идиш) — еда, запрещенное к употреблению еврейскими законами.

· *Тфилин* — две черные кожаные коробочки со стихами Торы, привязываемые к руке и голове взрослого мужчины на время утренней молитвы.

· *Тшува* — покаяние.

· *Фрум* (идиш) — религиозный.

· *Фрумкайт* (идиш) — религиозность.

· *Хаг самеах* — счастливого праздника.

· *Хазал* — акроним от «наши мудрецы, да будет благословенна их память».

· *Хазан* — возглавляющий службу в синагоге.

· *Хала* — хлеб (обычно плетеный), который едят по субботам и в праздники.

· *Хасидише* (идиш) — хасидские.

· *Хевра* — общество.

· *Хеврута* — напарник по учебе.

· *Хесед* — доброта. *Хинух* — еврейское воспитание.

· *Хозрим бе-тшува* — те, кто вернулся к иудаизму.

· *Хумаш* — Пятикнижие.

· *Цдака* — благотворительность; подаяние.

· *Цицит* — кисти; четырехугольное одеяние, которое носят верующие евреи, обычно под рубашкой.

· *Шабат* — суббота.

· *Шадхан* — сват.

· *Шахарит* — утренняя молитва.

· *Шерут* — услуга; междугородное такси.

· *Шлом байит* — мир в семье.

· *Шлом захар* — празднество, устраиваемое в первую пятницу после рождения сына.

· *Шлуг капойрос* (идиш) — процедура символического перенесения грехов с человека на живую птицу накануне Судного дня, сопровождаемая раздачей *цдаки*.

· *Шомрей мицвот* — соблюдающие *мицвот;* верующие

евреи.

- *Шофар* — бараний рог, в который трубят во время Б-гослужения в Рош-а-Шана и Йом Кипур.
- *Эйха* — Книга (плач) пророка Иеремии.
- *Эмуна* — вера.
- *Эрев* — вечер.
- *Эрец Исраэль* — Земля Израиля.
- *Японит* — японка.

Семья Шварцбаумов возле пригородного дома в Тайване

Семья Шварцбаумов в полном составе